

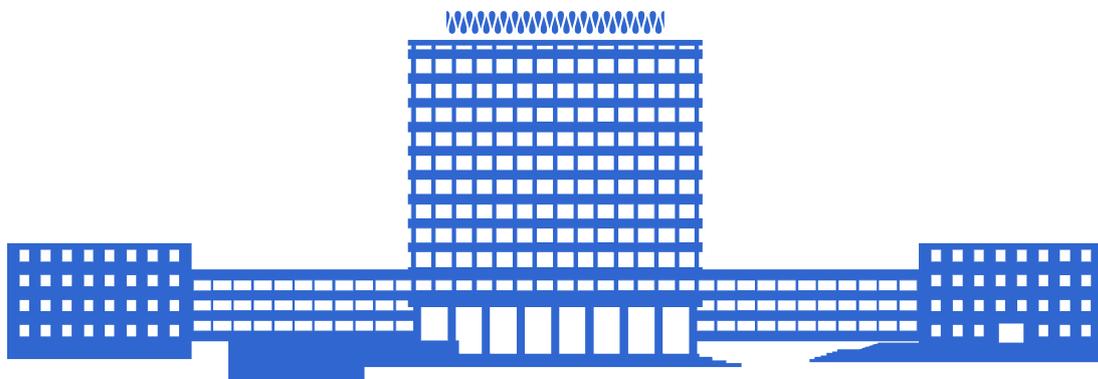
ISSN 2415-8720

ДОНЕЦКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**STUDIA
GERMANICA, ROMANICA
ET COMPARATISTICA**

Том 14 Выпуск 2-3 (40-41) 2018

ДОНЕЦК

Studia Germanica, Romanica et Comparatistica: научный журнал /
отв. ред. В. Д. Калиущенко. – Донецк: ДонНУ, 2018. – Т. 14. – Вып. 2–3
(40–41). – 181 с.

*Печатается по решению Ученого совета
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
Протокол № 9 от 30 ноября 2018 г.*

В журнале освещаются актуальные проблемы германистики, романистики, типологической и сопоставительной лингвистики, общей теории языка, теории перевода, методики преподавания иностранных языков в высшей школе.

Рекомендуется для научных работников, преподавателей, аспирантов, студентов высших учебных заведений.

Журнал входит в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (приказ Министерства образования и науки ДНР № 1134 от 01.11.2016).

Журнал зарегистрирован в Министерстве информации Донецкой Народной Республики (свидетельство о регистрации средства массовой информации № 000072 от 22 ноября 2016 г., серия ААА).

Журнал включён в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ): лицензионный договор № 85-02/2016 от 24.02.2016 г.

Основатель и издатель: Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Донецкий национальный университет».

Адрес редколлегии: 83001 Донецк, ул. Университетская, 24
тел.: +38 062 302 09 22

ISSN 2415-8720

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ДОНЕЦКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
ФАКУЛЬТЕТ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ**

***STUDIA GERMANICA, ROMANICA
ET COMPARATISTICA***

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Выходит четыре раза в год

Том 14 Выпуск 2–3 (40–41) 2018

Редакционная коллегия

д. филол. наук, проф. В. Д. Калиущенко (ответственный редактор);
д. филол. наук, проф. О. Л. Бессонова (зам. ответственного редактора);
к. филол. наук, доц. Н. Е. Гапотченко (ответственный секретарь);
д. филол. наук, проф. Ш. Р. Басыров; д. пед. наук, проф. О. Г. Каверина;
д. филол. наук, проф. С. Е. Кремзикова; д. филол. наук, проф. А. В. Ленец;
д. филол. наук, проф. С. Г. Николаев; д. филол. наук, проф. Т. Н. Никульшина;
д. филол. наук, проф. А. Д. Петренко; д. филол. наук, проф. А. В. Петров;
д. филол. наук, проф. М. В. Пименова; д. филол. наук, проф. В. И. Теркулов;
д. филол. наук, проф. З. А. Харитончик; д. филол. наук, проф. Л. Н. Ягупова

Донецк ДонНУ 2018

**STATE EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER PROFESSIONAL
EDUCATION «DONETSK NATIONAL UNIVERSITY»**

FACULTY OF FOREIGN LANGUAGES

***STUDIA GERMANICA, ROMANICA
ET COMPARATISTICA***

LINGUISTIC JOURNAL

Published 4 times a year

Volume 14 Issue 2–3 (40–41) 2018

Editorial Board

Doctor of Philology, Prof. V. D. Kaliuščenko (editor-in-chief);

Doctor of Philology, Prof. O. L. Bessonova (vice-editor-in-chief);

Candidate of Philology, Associate Prof. N. Ye. Gapotchenko (executive secretary);

Doctor of Philology, Prof. Sh. R. Basyrov; Doctor of Pedagogy, Prof. O. G. Kaverina;

Doctor of Philology, Prof. S. E. Kremzikova; Doctor of Philology, Prof. A. V. Lenets;

Doctor of Philology, Prof. S. G. Nikolaev; Doctor of Philology, Prof. T. N. Nikulshina;

Doctor of Philology, Prof. A. D. Petrenko; Doctor of Philology, Prof. A. V. Petrov;

Doctor of Philology, Prof. M. V. Pimenova; Doctor of Philology, Prof. V. I. Terkulov;

Doctor of Philology, Prof. Z. A. Kharitonchik; Doctor of Philology, Prof. L. N. Yagupova

Donetsk DonNU 2018

СОДЕРЖАНИЕ

Studia Germanica, Romanica et Comparatistica Т. 14, Вып. 2–3 (40–41), 2018

Германские языки

<i>Голодов А. Г.</i> «Футбольный фланг» информационной войны (на материале немецкой массовой прессы).....	5
<i>Гордиенко Е. В.</i> Оппозиция «свой-чужой» в новостных медиатекстах газеты The Guardian.....	19
<i>Долгополова Л. А.</i> Древние источники конструкций с полумодальными глаголами в немецком языке.....	31
<i>Калиущенко В. Д.</i> Отыменные глаголы в древневерхненемецком языке.....	37
<i>Лебеденко Г. А.</i> Оценивание в дискурсе немецкого младшего школьника (на материале ситуаций с обращениями).....	49
<i>Новоградская-Морская Н. А.</i> Англоязычные телевизионные информационные сообщения: филологический аспект.....	57
<i>Ус Ю. Н.</i> Существительные с семой ‘цвет’ в немецких текстах XVI–XVII веков.....	67
<i>Безверхая И. В.</i> Символика животного мира в немецких романтических сказках братьев Гримм.....	78

Типологические и сопоставительные исследования

<i>Басыров Ш. Р., Поддубная Е. И.</i> Семантические особенности лексем, называющих руководящее (должностное) лицо, в английском, немецком и русском языках.....	86
<i>Беспамятная Л. В.</i> Семантическая деривация субстантивных терминов кораблестроения в английском, немецком, русском и украинском языках.....	98
<i>Ветрова Э. С.</i> Обращения-фитоморфизмы в речевом этикете лезгинского и украинского языков.....	107
<i>Войтенко Е. Ю.</i> Семантические особенности фразеологических единиц с компонентами, обозначающими названия стихий: сопоставительный аспект.....	119
<i>Nikolaeva L. B.</i> Polysemy of the Kinship Terms <i>Father</i> and <i>Son</i> in Some Indo-European Languages.....	131
<i>Петрищева Е. И.</i> Вторичные наименования родителей и детей в английском, немецком, русском и украинском субстандартных языках.....	139
<i>Писарева В. В.</i> Типы необратимых рефлексивных глаголов в немецком и русском языках.....	154

Перевод

<i>Квач Ю. А.</i> Особенности перевода нормативной технической документации с английского языка на русский.....	164
---	-----

CONTENTS

Studia Germanica, Romanica et Comparatistica Vol. 14, Issue 2–3 (40–41), 2018

Studies in Germanic Languages

<i>Golodov A. G.</i> «Football Flank» of Information War (on the Material of German Mass Media).....	5
<i>Gordjienko E. V.</i> Opposition «We-They» in the Guardian News Reports.....	19
<i>Dolgoplova L. A.</i> Ancient Sources of Semi-Modal Verb Constructions in German.....	31
<i>Kaliuščenko V. D.</i> Denominal Verbs in Old High German.....	37
<i>Lebedenko G. A.</i> Evaluation in the German Junior Schoolchild's Discourse (Based on the Communicative Situations with Address).....	49
<i>Novogradskaya-Morskaya N. A.</i> English News Items: a Philological Aspect.....	57
<i>Us Yu. N.</i> Nouns with the Seme 'Colour' in German Texts of the XVI-XVII centuries.....	67
<i>Bezverkhaya I. V.</i> Symbolic Representation of the Animal World in the German Romantic Tales of Grimm Brothers.....	78

Typological and Contrastive Studies

<i>Basyrov Sh. R., Poddubnaya E. I.</i> Semantic Features of the Lexemes Naming Managerial Positions in English, German and Russian.....	86
<i>Bespamyatnaya L. V.</i> Semantic Derivation of Substantive Shipbuilding Terms in English, German, Russian and Ukrainian.....	98
<i>Vetrova E. S.</i> Phytomorphic Vocatives in Lezgian and Ukrainian Speech Etiquette.....	107
<i>Voytenko E. Yu.</i> Semantic Features of the Phraseological Units with the Components Denoting the Four Elements: Comparative Aspect.....	119
<i>Nikolayeva L. B.</i> Polysemy of the Kinship Terms <i>Father</i> and <i>Son</i> in Some Indo-European Languages.....	131
<i>Petrishcheva E. I.</i> Secondary Nominations of Parents and Children in the English, German, Russian and Ukrainian Substandard Languages.....	139
<i>Pisareva V. V.</i> Types of Non-Reversible Reflexive Verbs in German and Russian.....	154

Translation

<i>Kvach Yu. A.</i> Peculiarities of Rendering Normative and Technical Documentation from English into Russian.....	164
---	-----

ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

УДК 811.112(05)

© 2018 А. Г. Голодов

«ФУТБОЛЬНЫЙ ФЛАНГ» ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЫ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОЙ МАССОВОЙ ПРЕССЫ)

В статье анализируется один из флангов наступления Запада на Россию в информационной войне. После известных политических событий 2014 года, когда началась подготовка к чемпионату мира в России, истерия вокруг международных игр трансформировалась в отрасль (один из флангов) информационной войны. Это ярко проявилось в освещении западными СМИ уже самой подготовки к чемпионату мира. В качестве основного оружия наступления на ЧМ авторы немецкого таблоида БИЛЬД позаимствовали профильную «английскую тему» – войну в Сирии, связав её с отравлениями в Англии. Оба недоказанных обвинения России таблоид объединил для предварительной атаки предстоящего ЧМ 2018. Главный метод антироссийской пропаганды, применённый лидером западных СМИ на футбольном антироссийском фронте, – метод косвенной диффамации путём недоказанного обвинения, не имеющего никакого отношения к самой футбольной теме. При этом интенсивно используются лексические средства, выражающие недоказанные предположения, – vielleicht (возможно), wahrscheinlich (вероятно), scheinen (казаться).

Ключевые слова: футбольный фланг информационной войны, немецкая массовая пресса, косвенная диффамация, недоказанные вбросы, чемпионат мира в России.

© 2018 A. G. Golodov

«FOOTBALL FLANK» OF INFORMATION WAR (ON THE MATERIAL OF GERMAN MASS MEDIA)

The article analyzes one of the flanks of the attacks of the West upon Russia in the field of information war. After the political events of 2014 Russia started getting ready for the football world championship. Hysterics dealing with the international games was transformed into the branch (one of the flanks) of information war. It was vividly seen in the coverage of the very arrangement for the championship by the western mass media. The authors of the German tabloid BILD borrowed the chief “English topic” war in Syria as the main armament of the attack on the world championship having connected it with poisonings in England. The tabloid united both unproved accusations of Russia as the preliminary attack on the coming 2018 world championship. The main means of propaganda against Russia used by this leading western mass media on the football front is the method of indirect defamation by unproved accusation having nothing to do with the football theme. Meanwhile lexical means expressing unproved suppositions such as – vielleicht (possibly), wahrscheinlich (highly likely), scheinen (to seem) are widely used.

Key words: Football flank of information war, German mass media, indirect defamation, unproved statements, world champion ship in Russia.

«Футбольный фланг» современной информационной войны является неотъемлемой составной частью всего информационного фронта и реализуется в комплексе с наступлением на других «флангах».

Значение языка футбола определяется местом самого футбола в общественно-политической жизни страны. Футбол способен заменить такое популярное развлечение, как детективные фильмы, поскольку сам является «улучшенным» вариантом детектива. В нём, как и в детективе, есть «добрые и злые, герои и негодяи, «своя команда» и «другие». Но победитель не предопределён распределением ролей. Этот вопрос открыт ... события реальные, а не фиктивные, как в фильме или романе...» [Graf von Krockow, 1984].

Постоянно растущая роль футбола как развлекательного жанра отражает общую тенденцию в развитии цивилизации – уход от «вербальности» к «аудитивности» (своего рода примитивизация, хотя сторонники этого процесса скажут скорее «конкретизация») – размышление заменяется действием (часто примитивным), что находит своё отражение и в современной кинематографии, где доминирует жанр так называемого «*Aktionfilm*»: «*Spielfilm mit einer spannungs- und abwechslungsreichen Handlung, in dem der Dialog auf das Nötigste beschränkt ist*» [Duden, 1996].

Миллионы фанатов разделяют мнение о том, что футбол занимает особое место в мире, в котором «верующие итальянцы воспринимают футбол в качестве «религиозной замены» (Ersatzreligion), а «ФК Ливерпуль» заявил: «Футбол важнее, чем жизнь и смерть» («*Fußball ist wichtiger als Leben und Tod*») [Die Kunst des Fußballs].

Футбол в современном мире не только превратился в ведущую отрасль шоу-бизнеса, но и стал фактором международной политики. Это началось не сегодня. В этой связи уместно вспомнить 1954 год, когда сборная ФРГ впервые стала чемпионом мира, что резко повлияло на изменение послевоенного пессимистического настроения, царившего в стране. «В сегодняшней Германии нередко можно услышать утверждение, что послевоенное возрождение и взлёт побеждённой Германии на экономический Олимп началось в 1954 году именно с победы немецкой футбольной сборной на чемпионате мира в Швейцарии, где немцы, проигрывая в финале венграм 0:2, сумели в итоге вырвать победу – 3:2. Капитан команды ФРГ Фриц Вальтер и его товарищи стали в одночасье национальными героями, которые помогли немцам вернуть оптимизм и веру в себя после катастрофы 1945 года» [Голодов, 2006: 8].

С тех пор футбол стал не просто видом спорта, а общественно-политическим фактором, содействовавшим преодолению комплекса побеждённого и униженного

народа и началу возрождения Германии. Завоёванный в 1954 году титул чемпионов мира назвали «... ментально-историческим фактором в постфашистском экономическом чуде Германии ...» («... *mentalitätsgeschichtlicher Entlastungsfaktor im postfaschistischen Wirtschaftswunderdeutschland ...*») [Oberschelp, 1998].

В своём интервью, данном за несколько дней до начала чемпионата мира по футболу 2006 года, канцлер ФРГ Ангела Меркель заявила: «Успешное выступление немецкой команды выйдет за рамки футбола и наверняка сможет содействовать созданию позитивного настроения в стране» [VamS].

В это же время известный колумнист Ф. Й. Вагнер писал: «Сборная ФРГ стала «чемпионом мира в изменении немецкой ментальности (Mentalitätswechsel)» [Bild, 26.06.2006: 2] в стране, которую в последние годы называли «чемпионом мира по пессимизму ...», что подтвердило исследование ЭМНИД» («*Wir Deutsche sind Pessimismus-Weltmeister ... hat jetzt eine Emnid-Studie bestätigt ...*») [BILD, 22.03.2006: 1].

Современный футбол является составной частью картины мира, в которой конфронтация и эгоизм стали следствием перманентной борьбы за «место под солнцем». А его непредсказуемость можно считать одним из признаков рыночной экономики, в которой чередуются взлёты и падения.

Футбол уже неоднократно сопоставляли с войной. Одной из причин этого можно считать тот факт, что футбол стал в современном западноевропейском обществе (в частности, в немецком), которое, к счастью, 60 лет не знало войны, своего рода её заменой (появился даже соответствующий термин – *Ersatzkrieg*). Фэн попадает в зависимость от футбола, так как футбольное событие (Fußballereignis) на пару часов делает мир проще.

«Это «упрощение мира» (Vereinfachung der Welt) находит своё выражение в следующем:

– с помощью футбола фанат освобождается от индивидуализма и одиночества (большинство фанов – люди неженатые);

– футбол дарит ему «упрощение» географической картины мира до 18 городов (где есть команды бундеслиги). Случалось, что фанаты в кассе требовали, например, билет не «nach Hamburg» (в Гамбург), а «nach HSV» (название гамбургского клуба). Однако настоящая цель многих фанов – «возвышенное переживание войны» (das erhabene Erlebnis des Krieges);

– к третьему варианту «упрощения мира» относится возможность деления мира на друзей и врагов (Freund und Feind). Юрист Карл Шмидт распознал в противостоянии «друг и враг» ядро политики. Сегодня, как известно, политики представляют собой группу

лиц, связанную круговой порукой (*geschworene Gemeinschaft*) партийных чиновников, которые используют дебаты и конфликты для эффектной подачи себя телевизионной общественности (*TV-Öffentlichkeit*). Настоящая враждебность существует, вероятно, только в мире фанов и хулиганов ... Клуб занимает в душе хулигана то место, где раньше было отечество (*Vaterland*) [Schneider, 1998: 40-42].

Политолог Георгий Бовт справедливо называет футбол «моральным эквивалентом войны». В своей статье «Футбол как моральный эквивалент войны» автор пишет: «Те, кто выдумал лозунг «О, спорт, ты мир!», один из главных в советской «спортивно-патриотической» пропаганде, лукавил, конечно. Никакой это не мир, а порой так и вовсе война. Примерно так называл большой спорт Джорж Оруэлл: «Спорт имеет мало общего со справедливой игрой. Он связан с ненавистью, завистью, хвастовством, неуважением ко всем правилам и садистским удовольствием от лицемерия насилия. Иными словами, это война минус стрельба» [Gazeta.Ru].

Мнение о футболе Джоржа Оруэлла разделяет и колумнист таблоида *BILD* Ф. Й. Вагнер – в комментарии игр бундеслиги он объясняет, в чём главное преимущество футбола перед войной: «... Футбол ведёт огонь не смертельными боеприпасами. Футбол стреляет мячом ...» («... *Der Fußball schießt nicht mit tödlicher Munition. Der Fußball schießt mit dem Ball ...*») [*BILD*, 30.01.2006: 2]. Чрезмерное увлечение метафорами и сравнениями, в которых проводятся прямые параллели между футболом и войной, нередко подвергалось критике. При этом подчёркивается, что немалая часть населения после катастрофических последствий Второй мировой войны более чувствительно реагирует на подобные языковые картины, чем население стран с сохранившимися до сегодняшнего дня военными традициями [Brand, 1988: 106].

Особенно острой критике подвергалась истерия, раздуваемая спортивными журналистами вокруг международных игр: «Вызывает сожаление и озабоченность использование временами спортивных мероприятий для инсценировки «вербальных заменителей войны», в первую очередь, когда речь идёт о так называемых международных играх ...» («*Bedauerlich und Besorgnis erregend ist es allerdings, wenn Sportveranstaltungen gelegentlich dazu missbraucht werden, verbale «Ersatzkriege» zu inszenieren, vor allem bei sogenannten Nationalspielen ...*») [Braun, 1998: 145].

Однако после известных политических событий 2014 года, когда началась подготовка к чемпионату мира в России, истерия вокруг международных игр трансформировалась в отрасль (один из фронтов) информационной войны, т. е. футбол

стал её важной составной частью, что ярко проявилось в освещении западными СМИ уже самой подготовки к чемпионату мира в России.

Таблоид БИЛЬД бойкотировал в 2017 году Кубок конфедерации 2017 года, чтобы «не дать возможности президенту Путину использовать его как собственное шоу». Вероятно владельцы и авторы газеты вспомнили слова министра иностранных дел ФРГ Штайнмайера, который ещё в 2006 году назвал футбольный чемпионат «колоссальным шансом», позволяющим показать принимающую его страну как «дружелюбного и открытого хозяина» [BILD, 24.07.2014: 2]. Реализацию этой возможности, по мнению таблоида БИЛЬД, отражающего точку зрения существенной части немецкой политической элиты, никак нельзя было допустить в России в 2018 г.

2014 год можно считать годом создания футбольно-политического антироссийского фронта, который активно включился в мощнейшую информационную войну объединенного Запада против России.

Конечно, абсолютно невозможно в рамках статьи рассказать все аспекты информационно-футбольного фронта, который организовал объединённый Запад (в Европе под предводительством ФРГ и Англии) против России, их можно только обозначить.

Как отмечалось выше, в центре «футбольного варианта» информационной войны оказался чемпионат мира по футболу 2018 года в России, и первые атаки были зафиксированы уже в 2014 году.

Очень ярко это проявилось в небольшой статье под названием «*NEHMT Putin die WM weg!*» («Заберите у Путина ЧМ»). В ней отмечается следующее: «Спорт и политика – они якобы не связаны, повторяют ФИФА и МОК вновь и вновь. Действительно не связаны? В 1980 мир не захотел проводить Олимпийские игры в Москве, потому что Россия как раз вторглась в Афганистан. Спортивный парад стал для Кремля пиар-катастрофой.

А в этом году? Путин гордо выступает в роли хозяина зимней Олимпиады в Сочи – несмотря на протесты на Майдане в Киеве. Не успели игры закончиться, как его войска напали на Крым.

А теперь в 2018 Путин вновь должен получить шанс изображать из себя несколько недель ангела мира. Непостижимо! Тогда голландцы должны, вероятно, выступать на стадионе в Ростове в 150 километрах от места, где были сбиты 193 их соотечественника. Русскими ракетами!

«Спорт есть политика, дорогие господа из ФИФА, и футбольному ЧМ нечего делать в стране пособников террора» [BILD, 24.07.2014: 2].

В данной статье, несмотря на её небольшой объём, находим целый набор различных методов ведения информационной войны:

1. *Метод подмены понятий*: ‘В 1980 мир не захотел проводить олимпийские игры в Москве, потому что Россия как раз вторглась в Афганистан’ (*1980 wollte die Welt keine Olympischen Spiele in Moskau, weil Russland gerade Afghanistan überfallen hatte*).

Но, в Афганистан вошли войска СССР, составной частью которого являлась и Украина. На Западе многие просто не видят различия между СССР и Россией, и все советские пороки автоматически приписывают именно России, «забывая» при этом о роли других республик бывшего Союза.

Кроме того, в связи с Афганистаном не лишним было бы упомянуть нынешнее вторжение сил НАТО в эту страну, а заодно и плачевные результаты осуществлённой там «демократизации».

2. Параллельно применён *метод утверждения*, которое в данный момент сложно опровергнуть, поскольку мало кто помнит соответствующее событие или был его свидетелем: ‘Спортивный парад стал для Кремля пиар-катастрофой’ (*Die Sportparade geriet dem Kreml zum PR-Desaster*).

Свидетели «Олимпиады 1980» в Москве едва ли смогут вспомнить о «пиар-катастрофе» (PR-Desaster), поскольку, несмотря на бойкот со стороны западных государств, олимпиада была для СССР удачной как в отношении организации, так и в отношении её результатов.

3. *Некорректное противопоставление*: ‘Путин гордо выступает в роли хозяина зимней Олимпиады в Сочи – несмотря на протесты на Майдане в Киеве’ (*Putin präsentiert sich stolz als Gastgeber der Winterolympiade in Sotschi – trotz der Proteste auf Maidan in Kiev*).

Напрашивается вопрос – а какое отношение киевский Майдан имеет к Олимпиаде в Сочи и почему на него вообще в этой связи нужно обращать внимание?

4. *Сочетание искажённой и неполной информации*: ‘Не успели игры ещё закончиться, как его войска напали на Крым’ (*Kaum waren die Spiele vorbei, fielen seine Truppen über die Krim her*):

а) кто видел в Крыму активные боевые действия, что априори подразумевает любое «нападение»?

б) а где упоминание о референдуме, на котором 90 процентов населения выступили за выход из состава Украины и возвращение в Россию?

5. *Метод бездоказательных утверждений*: ‘тогда голландцы возможно должны

будут выступать на стадионе в Ростове в 150 километрах от места, где были сбиты 193 их соотечественника. Русскими ракетами!’ (*Dann müssen die Holländer womöglich im Stadion von Rostow antreten – 150 Kilometer von dort entfernt, wo 193 ihrer Landsleute abgeschossen wurden. Mit russischen Raketen!*).

Не имея на этот момент никаких доказательств, уже на следующий день после катастрофы утверждается, что самолет был сбит русскими ракетами.

При этом упоминается российский Ростов, до которого от места падения 150 км, а не Украина, над территорией которой был уничтожен МН 17 и которая, по международным нормами, несёт ответственность за своё воздушное пространство.

6. *Использование сатирических словосочетаний с элементами сарказма*: ‘А теперь в 2018 году Путин должен вновь получить шанс, изображать из себя несколько недель ангела мира’ (*Und jetzt soll Putin 2018 wieder eine Chance kriegen, für ein paar Wochen den sportbegeisterten Friedensengel zu mimen?*).

‘Изображать из себя ангела мира’ (*Friedensengel mimen*) разрешено, вероятно, только президенту «старшего брата» и «вечного друга» ФРГ – США, даже после бомбардировок Сербии, вторжения в Ирак и др. «мирных подвигов».

Интересен также и следующий факт – на этой же странице опубликована другая статья на данную тему: «**Politiker wollen WM 2008 nach Deutschland holen**» («Политики хотят забрать чемпионат мира 2008 в Германию»).

В статье приводится мнение эксперта по внешней политике партии ХДС Карла Георга Вельмана (CDU-Experte Karl-Georg Wellmann): ‘Нельзя отдавать чемпионат мира в страну, которая превращает другие государства в арену сражений. Германия как действующий чемпион мира была бы естественно подходящим альтернативным местом проведения, лучше всего в связке с Польшей и Украиной, у которых также есть современные футбольные стадионы’ (*Man kann die Fußball-WM an kein Land vergeben, das andere Staaten mit Krieg überzieht. Deutschland wäre als amtierender Weltmeister natürlich als alternativer Austragungsort geeignet, am besten mit Verbund mit Polen und der Ukraine, die haben ebenfalls moderne Fußballstadien*) [BILD, 24.07.2014: 2].

Современный стадион в Донецке, который к тому моменту уже полгода подвергался обстрелам, и марширующие по Киеву с факелами и автоматами нацисты немецкому политику, естественно, не помеха. Как не было помехой для «цивилизованного западного сообщества» проведение в 1936 году в нацистской Германии Олимпийских игр.

Возможно, что тот немецкий опыт пригодился бы политику из ХДС и многим его коллегам при предлагаемом переносе части чемпионата на территорию современных

киевских «евронацистов».

Уже перед самым началом ЧМ в 2018 году флагман антироссийской пропаганды в ФРГ (вероятно, и в Европе в целом) таблоид BILD усилил атаку на футбольно-политическом информационном фронте, предпринимая последнюю попытку каким-либо образом помешать проведению праздника футбола в России или, как минимум, его испортить.

Статью известного английского автора и спортивного эксперта по имени Rob Hughes под названием **«ФИФА продался России. Спорт вместо войны – утопический лозунг» («Die Fifa hat sich an Russland verkauft «Sport statt Krieg» – ein utopischer Slogan»)** [BILD, 16.03.2018: 10] можно рассматривать как совместную атаку союзников по НАТО – немецкий таблоид как место для организации наступления, а английский эксперт – как средство атаки.

Статья начинается с признания, что ‘Мы в Англии (в отличие от ФРГ – А. Г.) не должны защищать титул чемпиона мира. Однако, что касается Кремля, то мы играем политическую роль’ (*Wir in England haben keinen WM-Titel zu verteidigen. Was den Kreml betrifft, spielen wir politisch jedoch eine Rolle*).

Основная идея статьи заключена уже в самом подзаголовке: ‘«Спорт вместо войны – утопический лозунг»’ («Sport statt Krieg» – ein utopischer Slogan»), который фактически повторяет уже упомянутые выше утверждения, что спорт (футбол) – фактически вариант войны, которая ведётся другими средствами, без применения «смертельных боеприпасов».

В статье, которая якобы посвящена футбольной теме, собраны в кучу все самые нелепые и бездоказательные обвинения, которые были выдвинуты объединенным Западом против России.

Вспомнили для начала «дело Литвиненко», расследование которого так ничем и не завершилось. В самом начале статьи жирным шрифтом даётся «вводная»: **«Сенсационное убийство критика Кремля Литвиненко, вероятно, одобрил президент Путин», – констатировал английский судья» (Den spektakulären Mord an Kreml-Kritiker Litwinenko soll Präsident Putin gebilligt haben ...).**

В данном эпизоде «вероятность события» обозначена с помощью модального глагола *sollen*, который выражает «предположение, базирующееся на чужом мнении или высказывании кого-либо ...», т. е. не подразумевает серьёзной аргументации.

Кроме того, таблоид интенсивно применяет эквивалент английского *likely* – *wahrscheinlich* (= вероятно) с лексическими усилителями или без них.

В статье под названием **«Одобрил Путин убийство критика Кремля?» (Billigte**

Putin Mord an Kreml-Kritiker?) [BILD, 22.01.2016: S. 2] читаем: «Премьер-министр David Cameron назвал вчерашнее убийство «поддерживаемым государством преступлением» (vom Staat unterstütztes Verbrechen) ... Очень вероятно (sehr wahrscheinlich), что заказ на убийство был получен от российской спецслужбы ФСБ, Путин, вероятно, одобрил (Putin habe «wahrscheinlich» zugestimmt).

В анализируемой статье автора по имени Rob Hughes (в марте 2018) вновь упоминается «дело Литвиненко»: «Как и в раннем деле убитого российского шпиона Александра Литвиненко, – который был убит в Лондоне в 2016 радиоактивным полонием-210, Москва обвиняет Англию в «политизации» нерасследованного преступления» (Wie im früheren Fall des ermordeten russischen Spions Alexander Litwinenko – der mit radioaktivem Polonium-210 im Jahr 2016 in London umgebracht worden war – beschuldigt Moskau England, ein ungelöstes Verbrechen zu «politisieren»).

И сразу после упоминания дела Литвиненко, расследование которого, как известно, завершилось безрезультатно, в следующем абзаце сделан без всякой логической связи «прыжок» на другой континент – в Сирию: **«Естественно, нет никаких сомнений в том, что Путин и Ассад сбрасывают в Сирии на невинных мужчин, женщин и детей.** Жестокая картина изувеченной во время бомбардировки Восточной Готы маленькой девочки позволяет некоторым людям вновь требовать разделения спорта и политики» (**«Es besteht natürlich kein Zweifel darüber, was Putin und Assad in Syrien über unschuldigen Männern, Frauen und Kindern abwerfen.** Das brutale Bild des von der Bombardierung Ost-Ghotas verstümmelten kleinen Mädchens lässt manche Leute wieder fordern, Sport und Politik müssen voneinander getrennt werden ...»).

ЧМ 2018 в России постоянно включается в контекст Сирии и дела Скрипалей в Англии. Совершенно не упоминается факт успешного проведения Россией антитеррористической операции в Сирии и абсолютная недоказанность причастности России к «делу Скрипалей».

Следующая статья также пытается связать ЧМ 2018 с ситуацией в Сирии:

«Большинство отказывается от бойкота ЧМ. Несмотря на бомбы на Сирию: 52 процента хотят, чтобы наша команда выступила в России» (Mehrheit lehnt WM-Boycott ab. Trotz Bomben auf Syrien: 52 Prozent wollen, dass unsere Elf in Russland antritt). **«Спор вокруг ЧМ по футболу обостряется!** Не только потому, что принимающая сторона предположительно одновременно с праздником футбола будет сбрасывать в Сирии бомбы на гражданских лиц. Также и вовлечённость в недавнее покушение на убийство с помощью яда на бывшего двойного агента в Великобритании кажется

доказанной ...» («**DER Streit um die Fußball-WM in Russland spitzt sich zu!** Nicht nur, dass der Gastgeber voraussichtlich zugleich zum Fußball-Fest Bomben auf Zivilisten in Syrien werfen wird. Auch die Verwicklung in den jüngsten Giftmordanschlag auf einen russischen Ex-Doppelagenten in Großbritannien scheint erwiesen ...») [BILD, 13.03.2018: 11].

В первом предложении, где речь идёт о Сирии, употреблено наречие *voraussichtlich* (предположительно, ожидаемо), которое демонстрирует уровень аргументации таблоида (да и всей западной прессы в целом), что событие «может произойти в будущем».

А в предложении, где говорится о Скрипалях, появляется глагол *scheinen* (казаться), т. е. обоснование звучит следующим образом: «Вовлеченность в недавнее покушение на убийство с помощью яда на бывшего российского двойного агента в Великобритании также **кажется доказанной** ...» («Auch die Verwicklung in den jüngsten Giftmordanschlag auf einen russischen Ex-Doppelagenten in Großbritannien **scheint erwiesen** ...»).

Статья «**Играйте за сирийских детей**» (**Spielt für Syriens Kinder!**) [BILD, 13.03.2018: 11] уже в самом названии напрямую связывает ЧМ с войной в Сирии. Сначала автор статьи упомянул знаменитое изречение бывшего президента США Рональда Рейгана, который назвал СССР «Империей зла». При этом он применяет словосочетание, которое на Нюрнбергском процессе было ключевым в обвинении руководства нацистской Германии: «По его приказу (имеется в виду президент Путин – А. Г.) совершаются преступления против человечности и преступления против спорта, который любят миллионы людей. Он привёл гордую нацию русских как раз туда, что бывший президент США Рональд Рейган назвал «Империей зла». Сотни, возможно, тысячи сирийских детей, которые боготворят футбольных героев Месси, Рональдо и Мюллера, больше не доживут до ЧМ летом, потому что они покоятся в своих могилах, убитые бомбами хозяина ЧМ в России – Владимира Путина».

(... Auf seinen Befehl werden Verbrechen gegen die Menschlichkeit und Verbrechen gegen den Sport, den Milliarden Menschen lieben, begangen. Er hat die stolze Nation Russland genau dahin zurückgeführt, was der frühere US-Präsident Ronald Reagan «Reich des Bösen» nannte. Hunderte, vielleicht tausende syrische Kinder, die Fußballhelden wie Messi, Ronaldo und Müller vergöttern, werden die WM im Sommer nicht mehr miterleben, weil sie in ihren Gräbern ruhen, getötet von den Bomben des Gastgebers der WM in Russland – Wladimir Putin).

В принципе, вся статья напоминает агиткампанию в стиле гитлеровского министра пропаганды Й. Гёббельса. Не удивительно, что в ней далее проводится параллель с гитлеровским рейхом, который, во-первых, разработал и впоследствии применил в

концлагерях «Циклон Б» и боевое отравляющее вещество «Зарин»; во-вторых, провёл в 1936 году Олимпийские игры для демонстрации достижений нацистского режима.

Ощущая явный перебор при сопоставлении России и нацистской Германии, автор включает в повествование «смягчающе-нейтрализующую фразу» – ‘Естественно нельзя сравнивать путинскую Россию и нацистскую Германию, но наша история заставляет нас быть очень внимательными’ (*Natürlich kann man Putins Russland und Nazi-Deutschland nicht vergleichen, aber unsere Geschichte mahnt uns zu besonderer Aufmerksamkeit*).

‘... Путин организует не спортивное событие, а политическо-пропагандистское. Пятна травы и пота на футболках должны закрыть кровавые пятна на простынях, в которые сирийские родители заворачивают убитых Путиным детей. Футбол должен заставить забыть, что творят путинские пилоты бомбардировочной авиации’ (... *Putin veranstaltet kein Sportlerereignis, sondern ein politisches propaganda-Ereignis. Gras- und Schweißflecken auf den Fußballtrikots sollen die Blutflecken auf den Laken übertünchen, in die syrische Eltern ihre von Putin ermordeten Kinder wickeln. Der Fußball soll vergessen machen, was Putins Bomberpiloten Tag für Tag anrichten*).

И в следующей статье читателю в очередной раз навязывается прямая параллель между Сирией и ЧМ 2018: ‘«БИЛЬД спрашивает игроков сборной и политиков: «**Можно беззаботно играть на ЧМ по футболу у Путина, в то время как он в Сирии бомбами убивает детей?**»’ (*BILD fragt Nationalspieler und Politiker «Darf man heiter bei PUTIN FUßBALL-WM spielen, während er in Syrien KINDER TOTBOMBT?»*) [BILD, 12.03.2018: 3].

В заключение хотелось бы отметить следующее:

1. В ограниченном по объёму исследовании абсолютно невозможно упомянуть все статьи, посвящённые этой теме и тем более дать подробный их анализ. Поэтому автор ограничился рассмотрением отдельных фрагментов и методов атаки на футбольном фланге информационной войны Запада против ЧМ в России.

2. На объединённом антироссийском западном фронте в последние годы выкристаллизовывается своего рода специализация:

– ФРГ отработывает в основном украинское направление («Аннексия» Крыма, Донбасс и «невыполнение» Россией минских соглашений);

– Англия – химические атаки армии Асада при российской поддержке против «гражданского населения» и покушения на бывших российских агентов (перебежчиков) с применением боевых отравляющих веществ на территории Англии;

– США – хакерские атаки и российское «вмешательство» в американские выборы.

3. В качестве основного оружия наступления на ЧМ авторы таблоида БИЛЬД

использовали профильную «английскую тему» – войну в Сирии, связав её с отравлениями в Англии (Литвиненко – 2014 год и Скрипалей – 2018 год). В обоих случаях не было доказано даже косвенное участие России в этих эпизодах, также, как и не было доказано применение химического оружия войсками Асада против террористов или оппозиционеров. Оба недоказанных обвинения таблоид объединил и сделал остриём атаки против России, используя для «предварительной диффамации» предстоящего ЧМ 2018.

4. Выражения недоказанных предположений (точнее вбросов): *vielleicht* (возможно), *wahrscheinlich* (вероятно), *scheinen* (кажется) стали уже типичными лексическими средствами ведения информационной войны.

Следует упомянуть тот факт, что английская пресса (и политики) также применяют на каждом шагу в обвинениях по отношению к России ставшее популярным выражение недоказанного предположения – *highly likely* (немецкий эквивалент – *höchst wahrscheinlich*).

5. Атака на футбольном фланге информационного фронта осуществлялась перед чемпионатом с целью:

а) максимум – добиться его отмены и переноса в другую страну (при этом речь шла в первую очередь о ФРГ и Англии);

б) минимум – добиться его бойкота хотя бы некоторыми (европейскими) командами или «супер-минимум» – бойкотирование со стороны политических лидеров стран-участниц.

6. Главный метод антироссийской пропаганды, применённый лидером западных СМИ на русофобском фронте, – метод косвенной диффамации путём недоказанного обвинения, не имеющего никакого отношения к самой футбольной теме.

Как показало время, добиться «западным партнёрам» удалось немного. Лидеры ФРГ, к которым в первую очередь обращался таблоид БИЛЬД, не смогли бойкотировать игры ЧМ, поскольку их команда «вылетела» на самом первом этапе. А бойкот английских политиков прошёл практически незаметно, поскольку не привлёк внимания футбольной общественности, которая сконцентрировала своё внимание на самом процессе футбольного праздника, который, по общему признанию, удался.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Голодов А. Г. Проблема соотношения общей и специальной лексики (на материале разговорного варианта немецкого языка футбола. Москва: МГГУ им. М. А. Шолохова, 2006. 326 с.

2. Brand W. Sprache des Sports. Verlag Moritz Diesterweg. Frankfurt am Main, 1988. 111 S.

3. Braun P. Annäherung an die Fußballsprache // Muttersprache. GfdS, Wiesbaden, 1998. H. 2. S. 134-145.

4. Graf C. von Krockow. Gesellschaft und politische Funktionen des Sports // Gesellschaftliche Funktionen des Sports. Bonn: Bundeszentrale für politische Bildung, 1984. S. 24-33.

5. Muschiol O. Fleischtomaten, Kirschtometen, Strauchtomaten... Zur Vollständigkeit des großen Dudenwörterbuch // DaF. 2004. H. 3. S. 177-181.

6. Oberschelp M. Das Runde muss ins Eckige // Der Deutschunterricht. Friedrich Verlag GmbH, Seelze, 1998. H. 2. S. 12-17.

7. Schneider M. Leben und Sterben für den Verein – Krieg der Fußballfans // Der Deutschunterricht. Friedrich Verlag GmbH, Seelze 1998. H. 2. S. 40-47.

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Duden. Deutsches Universalwörterbuch A – Z. – Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Dudenverlag, 1996. 1816 S. Universalwörterbuch.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

1. Газета.Ру. 2009-2018. Доступ: https://www.gazeta.ru/comments/column/bovt/11829961.shtml?utm_medium=exchange&utm_source=smi2. (дата обращения: 10.07.2018).

2. BamS, 4.06.2006, S. 8.

3. BILD, 30.01.2006, S. 2.

4. BILD, 22.03.2006, S. 1.

5. BILD, 24.07.2014, S.2.

6. BILD, 22.01.2016, S. 2.

7. BILD, 12.03.2018, S. 3.

8. BILD, 13.03.2018. S. 11.

9. BILD, 16.03.2018, S. 10.

10. Die Kunst des Fußballs – TV Arte, am 4.06.2006.

REFERENCES

1. Golodov, A. G. (2006). *Problema sootnoscheniya obshchey i spetsialnoy leksiki* [The problem of general and special lexis correlation]. Moskva: MPGU im. M. A. Scholochova. (In Russ.).

2. Brand, W. (1988). *Sprache des Sports*. Verlag Moritz Diesterweg. Frankfurt am Main.

3. Braun, P. (1998). Annäherung an die Fußballsprache. In *Muttersprache*. GfdS, Wiesbaden. H. 2. S. 134-145.

4. Graf, C. von Krockow (1984). Gesellschaft und politische Funktionen des Sports. In *Gesellschaftliche Funktionen des Sports*. Bonn: Bundeszentrale für politische Bildung. S. 24-33.

5. Muschiol, O. (2004). Fleischtomaten, Kirschtometen, Strauchtomaten... Zur Vollständigkeit des großen Dudenwörterbuch. In *DaF*. H. 3. S. 177-181.

6. Oberschelp, M. (1998). Das Runde muss ins Eckige. In *Der Deutschunterricht*. Friedrich Verlag GmbH, Seelze. H. 2. S. 12-17.

7. Schneider, M. (1998). Leben und Sterben für den Verein – Krieg der Fußballfans. In *Der Deutschunterricht*. Friedrich Verlag GmbH, Seelze. H. 2. S. 40-47.

LEXICOGRAPHICAL SOURCES

Duden. Deutsches Universalwörterbuch A – Z. – Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Dudenverlag, 1996. 1816 S. Universalwörterbuch.

SOURCES OF ILLUSTRATIVE MATERIAL

1. Gazeta.Ru. 2009-2018. Available at: https://www.gazeta.ru/comments/column/bovt/11829961.shtml?utm_medium=exchange&utm_source=smi2. (accessed: 10.07.2018).

2. BamS, 4.06.2006, S. 8.
3. BILD, 30.01.2006, S. 2.
4. BILD, 22.03.2006, S. 1.
5. BILD, 24.07.2014, S.2.
6. BILD, 22.01.2016, S. 2.
7. BILD, 12.03.2018, S. 3.
8. BILD, 13.03.2018. S. 11.
9. BILD, 16.03.2018, S. 10.
10. Die Kunst des Fußballs – TV Arte, am 4.06.2006.

Голодов Александр Георгиевич – доктор филологических наук, профессор кафедры германских языков и методики их преподавания (e-mail: a.golodoff@mail.ru), Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина» 390000, Рязань, ул. Свободы, 46

Golodov Aleksand G. – Doctor of Philology, Professor of Department of Germanic Languages and Methods of Teaching Them (e-mail: a.golodoff@mail.ru), Federal State Funded Educational Institution of Higher Professional Education «Ryazan State University Named after S. Yesenin» 46 Svobody, Ryazan, 390000

Поступила в редакцию 30 октября 2018 г.

УДК 811.111:81'42

© 2018 Е. В. Гордиенко

ОППОЗИЦИЯ «СВОЙ-ЧУЖОЙ» В НОВОСТНЫХ МЕДИАТЕКСТАХ ГАЗЕТЫ THE GUARDIAN

Статья посвящена изучению языковых средств реализации оппозиции «свой-чужой» в новостных сообщениях медиадискурса Великобритании (на материале публикаций влиятельного издания The Guardian). Отмечается, что данная оппозиция актуализируется на разных языковых уровнях – лексическом, морфологическом и синтаксическом.

Ключевые слова: медиадискурс, медиатекст, новостное сообщение, «свой», «чужой», оппозиция, конфликт, оценка.

© 2018 E. V. Gordiienko

OPPOSITION «WE-THEY» IN THE GUARDIAN NEWS REPORTS

The article deals with the study of the language means employed to express the opposition «we-they» in news reports of Great Britain media discourse (as exemplified in The Guardian). It is underlined that the analysed opposition finds its manifestation on various language levels – lexical, morphological and syntactical ones.

Key words: discourse of media, media text, news report, «we-they», opposition, conflict, evaluation.

1. Вводные замечания. Данная работа посвящена рассмотрению способов реализации оппозиции «свой-чужой» в англоязычном медиадискурсе на материале новостных сообщений издания The Guardian.

Предметом исследования является категория «свой-чужой», **объектом** выступают средства выражения данной категории в англоязычном медиадискурсе.

Основная задача газетной публикации – сообщать информацию посредством различных жанров. В отечественной журналистике выделяются следующие группы медиажанров: информационные (заметка, репортаж, интервью), аналитические (комментарий, статья, обозрение) и художественно-публицистические (очерк, фельетон, памфлет) [Темникова, 2016: 1000]. Англоязычные ресурсы характеризуются несколько отличным жанровым делением на информационные (News Stories, Feature Articles) и информационно-аналитические (Opinion, Editorials) [Цыбикова, 2015: 108]. Новостные жанры, в свою очередь, подразделяются на субжанры, такие как news report, news interview, news headline [Montgomery, 2007: 25-26].

Новость – «рассказ о событии, начиная от самого важного в нем и заканчивая наименее важным» [Колесниченко, 2008: 8]. Необходимо обратить внимание на тот факт, что данный рассказ опирается на особую композиционную структуру, «перевернутую

пирамиду», в рамках которой читателям предоставляются ответы на 6 вопросов, выработанных в журналистской практике (Who? What? Where? When? Why? How?). Кроме того, новостной медиатекст должен отличаться четким и читабельным расположением, поэтому текст обычно делится на несколько колонок для разных композиционных частей (заголовков, подзаголовков, основной текст), применяются разные размеры шрифта. Также новостное сообщение обычно сопровождается броской фотографией, привлекающей внимание.

Стоит отметить, что главной функцией новостных сообщений является предоставление фактической, объективной информации о недавно произошедшем событии. Исходя из этого положения, автор новостных сообщений должен выступать в роли непредвзятого наблюдателя, который исключительно информирует читателя, не давая оценки и не комментируя произошедшее. Однако, по мнению А. А. Негрышева, новостные медиатексты также могут быть манипулятивными по своей природе, поскольку они воздействуют на читателя, «направляя определенным образом процесс осмысления действительности» [Негрышев, 2012].

Материалом нашего исследования являются новостные сообщения британского издания The Guardian, относящегося к качественной прессе. Ключевой тематикой отобранных сообщений являются актуальные конфликтные ситуации в мире, такие как гражданская война в Йемене, военная операция против «Исламского государства», дело Скрипалей, конфликт в Камеруне и т. д. Стоит отметить, что The Guardian – ежедневная газета, которая придерживается леволиберальных взглядов, известна своей антиизраильской позицией, а также высокой степенью мультимедийности [Пустовалов, 2013: 193]. Примечательно, что печатная и онлайн-версии газеты могут содержать разные материалы, отличия также касаются и макета издания. Так, в печатной версии сохранены типичные черты публикаций – новостное сообщение оформляется в несколько колонок, сопровождается привлекающей внимание фотографией, каждый абзац состоит из одного распространенного сложного предложения и т. д. В онлайн-версии, напротив, традиционное оформление новостного сообщения упразднено, однако новостное сообщение в сети интернет характеризуется сочетанием вербального текста и целого набора медийных особенностей – видеоряда, музыкального сопровождения, гиперссылок и т. д.

Как отмечалось выше, отобранные для анализа медиатексты объединены темой конфликта. В словаре Shorter Oxford English Dictionary дается следующее определение понятию «конфликт»:

1. a fight, a battle, a (prolonged) struggle between opposing forces (lit. & fig.); fighting,

strife; the clashing or variance of opposed principles, beliefs, etc.

2. collision (of physical bodies), dashing together [SOED].

По мнению Н. В. Гришиной, под «конфликтом» в широком смысле понимается широкий круг явлений – от вооруженных противостояний до семейных разногласий, то есть в качестве конфликта могут выступать военные действия, семейные ссоры, политические неурядицы, межнациональная рознь, экономические проблемы и др. [Гришина, 2008: 15]. В фокусе настоящего исследования – военно-политический конфликт.

Из 100 отобранных текстов более половины (54%) – тексты, посвященные военным действиям (*Israel launches waves of strikes across Gaza after soldier killed; Trump warns 'Animal Assad' on Syria gas attack*), примерно одинаковое количество (16%) посвящено конфликтам в области дипломатических двусторонних отношений (*North Korea: Trump says he will leave Kim summit if it isn't 'fruitful'; No 10 attacks Khan for telling Trump he is unwelcome in UK*) и террористическим конфликтам (*Isis attack on Libya election commission kills more than a dozen; Family bombings shock country as Isis claims responsibility*). 10% текстов посвящено резонансным делам, например, делу Скрипалей (*Russia 'tested its poison on handles'; Russia expels US diplomats as poisoning row grows*) и 8% – кибертерроризму (*US and UK blame Russia for 'malicious' cyber-offensive; UK accuses Kremlin of ordering series of 'reckless' cyber-attacks*). Результаты количественного анализа представлены в таблице.

Таблица. Тематика отобранных для анализа статей

Тема	Интернет-версия, ед. (%)	Печатная версия, ед. (%)
Военные действия	26 (68,4%)	28 (45,2%)
Дипломатические двусторонние отношения	7 (18,4%)	9 (14,5%)
Терроризм	5 (13,2%)	7 (11,3%)
Резонансные дела	–	10 (16,1%)
Кибертерроризм	–	8 (12,9%)
Всего	38 (100%)	62 (100%)

Исходя из приведенных в таблице данных, можно сделать вывод о том, что тематика новостных публикаций в интернет и печатной версиях газеты несколько отличается. Так, тема военных действий, дипломатических отношений и терроризма раскрывается примерно в одинаковом количестве медиатекстов в обеих версиях издания. Однако, в печатном варианте газеты *The Guardian* тематика более разнообразна и, кроме перечисленных выше вопросов, охватывает также такие аспекты, как конфликты, связанные с резонансными делами и кибертерроризмом.

Во всех анализируемых медиатекстах выражена дихотомия «свой-чужой», которая представляет собой универсальную категорию, основывающуюся на разделении общества на две противоположные группы: «мы» и «они» [Матвеева, 2013: 67]. Заслуживает внимания тот факт, что на современном этапе развития лингвистики ученые не могут прийти к единству мнений касательно онтологической сущности данной категории, которую различные лингвисты рассматривают как семантическую, понятийную, лингвокультурологическую категории, категориальный комплекс, концептуальную оппозицию и т. д. [Кишина, 2011: 174]. В данной работе мы придерживаемся термина «лингвокультурологическая оппозиция».

Ученые отмечают, что изначально «чужим» считали исключительно представителя другого этноса, носителя других культурных ценностей [Красных, 2003, Бессонова, 2015]. Однако, как отмечает Н. С. Соловьева, в ходе развития социальных отношений, дихотомия «свой-чужой» начала переосмысляться через призму различных аспектов жизни человека. Так, на современном этапе оппозицию «свой-чужой» можно рассматривать исходя из следующих параметров: кровно-родственные и семейные отношения (семья, род), этническая (нация, народ), языковая (язык, диалект), конфессиональная (религия, вера, секта) принадлежности, поведенческие проявления (принадлежность к какой-либо социальной группе) и т. д. [Соловьева, 2012: 388-389]. Иными словами, понятие «чужого» многопланово – им может быть представитель другой нации, расы, исповедующий другую веру, придерживающийся других политических взглядов.

Как показывает анализ англоязычной лингвистической литературы, для наименования оппозиции «свой-чужой» зарубежными исследователями используются местоимения *we / they* [Dijk, 2006: 124]. Как отмечает Т. В. Алиева, эти местоимения, обозначая границы «своих» и «чужих» и выявляя основания формирования оппозиции, становятся так называемыми маркерами «своего» и «чужого» [Алиева, 2017: 9].

Целью данной работы является описание разноуровневых (лексических, морфологических, синтаксических) языковых средств реализации оппозиции «свой-чужой» в новостных сообщениях англоязычного медиадискурса.

2. Языковые средства реализации оппозиции «свой-чужой». Проведенный анализ показал, что выражение оппозиции языковыми средствами многообразно и включает языковые средства разных уровней (лексического, морфологического, синтаксического).

2.1. На лексическом уровне оппозиция «свой-чужой» находит выражение через оценочную и политическую лексику, метафоры, метонимии, эвфемизмы, дисфемизмы, разговорную лексику, антропонимы и топонимы.

Проведенный анализ показал, что оценочная лексика является одним из наиболее продуктивных средств реализации оппозиции «свой-чужой» на лексическом уровне. Так, в заголовке *US and UK blame Russia for 'malicious' cyber-offensive* [US and UK blame Russia for...] (16.04.2018) автор прибегает к использованию словосочетания, состоящего из лексем, содержащих в словарной помете негативно-оценочные семы, *malicious* 'intending or intended to do harm' [Oxford Dictionaries: English Dictionary...] и *offensive* 'an attacking military campaign' [Oxford Dictionaries: English Dictionary...], по отношению к образу чужого – России.

В ходе анализа выяснено, что использование метонимии также является достаточно продуктивным средством актуализации оппозиции «свой-чужой». Например, в той же публикации [US and UK blame Russia for...] автор использует стилистический прием синекдохи ...*the US and UK held a rare joint conference call to directly blame the Kremlin...*, который состоит в использовании существительного *Кремль* в значении «власти России» предположительно для того, чтобы избежать упоминания лиц конкретных политиков. Синекдоха также применяется автором и для создания образа «своего» – *The cyberwar between the west and Russia has escalated...* [US and UK blame Russia for...]. В данном примере существительное *запад* используется для номинации «контекстуальных» союзников – Соединенного Королевства и Соединенных Штатов с целью подчеркивания их общей мощи.

В ходе анализа отмечено, что для создания образа «своего» и «чужого» автор также прибегает к использованию стилистического приема метафоры, как в примере *Suicide bombers have stormed Libya's electoral commission in Tripoli* [Isis attack on Libya election commission...] (03.05.2018), где нападение террористов сравнивается с внезапным ураганом.

Проведенный анализ показал, что для создания образа «своего» и «чужого» автор прибегает к использованию оксюморона – стилистического приема, который заключается в комбинировании двух семантически противоположных понятий. Так, в новостном сообщении *Five people die as anti-government protests spread across Nicaragua* [Five people die as anti-government...] (21.04.2018) автор принимает сторону оппозиции и для создания их образа как «своих» и отмечает, что их мирному протесту препятствовали члены правящей партии – ...*members of the Sandinista Youth were filmed violently confronting peaceful protesters...*

Также одним из средств актуализации дихотомии «свой-чужой» является использование эвфемизмов и дисфемизмов, что проявляется в «камуфлировании» негативных действий «своего» и гиперболизации отрицательных действий «чужого»

[Алиева, 2013: 18]. Так, в примере *The Israeli prime minister, Benjamin Netanyahu, telephoned Putin to reiterate that the blame lay with Syria and also to offer “all necessary information” to investigate the incident, his office said* [Moscow blames Israel after...] (18.09.2018) автор использует нейтрально окрашенную лексему *incident* ‘происшествие’ для обозначения падения российского самолета в результате действий сирийских ПВО, пытавшихся сбить израильский самолет.

Политическая и идеологически-модальная лексика также является средством реализации анализируемой оппозиции. Так, негативно-оценочные лексемы автор использует для характеристики «чужих» (*dictator, terrorist, assailant* и др.), а положительно заряженные лексемы и словосочетания являются маркерами «своих» (*western-backed government, peacekeeping force, diplomatic, allies, to bring peace* и др.).

Исследователи отмечают, что топонимы (*Israeli, Syrian, Cameroon*) и антропонимы (*Theresa May, Vladimir Putin, Sergei Shoigu*) также являются средствами актуализации оппозиции «свой-чужой», что объясняется тем фактом, что при разделении на «своих» и «чужих» учитывается геополитический признак [Алиева, 2013: 13].

2.2. На морфологическом уровне оппозиция «свой-чужой» может реализовываться с помощью местоимений, наречий, аффиксов.

Анализ показывает, что на морфологическом уровне маркерами «своего» и «чужого» могут являться местоимения различных классов: личные (*we, they*): *Longer term, however, they will have to abide by Yulia’s decision on whether to return to Russia...* [UK-Russia row intensifies...] (07.04.2018); *This issue is a huge burden on us ... women and children in particular need rehabilitation...* [Foreign Isis fighters must face trial...] (24.09.2018), притяжательные (*our, their*): *He added that their attacks had been undertaken with the consent and knowledge of the Kremlin* [UK accuses Kremlin of ordering...] (04.10.2018), указательные (*these, those*): *The European commission president, Jean-Claude Juncker, said those who rely on chemical warfare must be held to account by the world* [World reacts to overnight strikes...] (13.04.2018).

В ходе анализа выявлено, что наречия могут усиливать образ «своего» и «чужого». Так, в предложении *The al-Qaida-linked group routinely shoots people accused of being spies* [Al-Shabaab says it has killed...] (10.10.2018) наречие *routinely* ‘в порядке вещей’ используется с целью подчеркнуть тот факт, что человеческая жизнь не представляет никакой ценности для террористов группировки Аш-Шабаб.

Противопоставление в дихотомии «свой-чужой» также достигается за счет использования префиксов *anti-*, выражающего враждебность, и *pro-* в значении ‘в поддержку’, как в примерах ... *authorities who have arrested more than 1,000 people in their*

attempt to quell anti-government protests... [Iran launches wave of arrests] (07.01.2018); Hong Kong's embattled pro-democracy movement has suffered another blow... [Hong Kong authorities block] (27.01.2018).

2.3. К синтаксическим средствам актуализации лингвокультурологической оппозиции «свой-чужой» относятся активные и пассивные залоговые конструкции, вопросительные предложения, параллельные конструкции, вопросно-ответные единства, цитация.

В примере *'We are pushing back and pushing back hard'* [US and UK blame Russia for...] (16.04.2018) для создания образа «своего» автор использует целый ряд средств разных уровней, а именно, цитацию и стилистический прием повторения в сочетании с градацией. Так, автор приводит цитату Роба Джойса с целью дистанцирования от оценочного предоставления информации, с одной стороны, и для более аргументативного воздействия на читателя, с другой стороны. Кроме того, образ «своего» как хорошего достигается благодаря повторению конструкции *pushing back*, подтверждающей тот факт, что «свои» в лице представителей, отвечающих за кибербезопасность, предпринимают попытки противостоять своему «врагу». Использование наречия *hard* в лексико-стилистическом приеме только подчеркивает все усилия со стороны «своих», соответственно характеризует их действия положительно / хорошо.

Анализ новостных сообщений показал, что средством актуализации дихотомии «свой-чужой» может быть как активный, так и пассивный залог. Так, в приведенном предложении *He said 50% of all UK companies had been attacked and as a result were having to invest millions in cybersecurity* [UK accuses Kremlin of ordering...] (04.10.2018) «свой» в лице компаний Великобритании, подвергшихся кибератакам, описывается как с помощью активного, так и пассивного залогов. С одной стороны, пассивный залог в грамматической основе *companies had been attacked*, перемещающий акцент с инициатора действий, применяется автором для того, чтобы показать беззащитность и невиновность «своего». С другой стороны, активный залог *were having to invest* подчеркивает, что «свой» пойдет на любые затраты с целью предотвратить последующие угрозы со стороны кибертеррористов.

В примере *Russia publicly deployed military police to the Golan Heights frontier between Syria and Israel last month amid heightened tensions in the area. The deployment of advanced Russian air defence systems to Syria has also raised concerns about the safety of Israeli forces acting in the area* [Moscow blames Israel after ...] (18.09.2018) автор прибегает к использованию активного залога для реализации образа «чужого» с целью привлечь внимание к тому факту, что агент в роли подлежащего, а именно – Россия, совершил действие, расцениваемое автором как «плохое».

Анализ показывает, что параллелизм также используется для реализации оппозиции «свой-чужой»: *Russian state-sponsored actors are using compromised routers to conduct spoofing ‘man-in-the-middle’ attacks to support espionage, extract intellectual property, maintain persistent access to victim networks and potentially lay a foundation for future offensive operations* [US and UK blame Russia for...] (16.04.2018). В приведенном выше примере для создания образа России как «чужого» автор прибегает к использованию синтаксического стилистического приема, который заключается в повторении идентичной конструкции «Infinitive + (Adjective) + Noun», с целью эмфатического привлечения внимания читателей к «злодеяниям», совершаемым Россией.

Оппозиция «свой-чужой» также реализуется на синтаксическом уровне посредством вопросительных предложений и вопросно-ответных единств. Так, заголовок *Why does Syria still have chemical weapons?* [Why does Syria still...] (18.04.2018) представляет собой риторический вопрос, который автор применяет для установления контакта с читателями. Для закрепления своеобразного эффекта интеграции автор не только задает читателям вопросы, но и отвечает на них с целью имитации диалога между ним и аудиторией: *Did Syria promise to abandon its chemical weapons stockpile? Yes...In great haste, three days later Syria agreed to join the 1997 Chemical Weapons Convention* [Why does Syria still...]; *Were all Syria’s chemical weapons destroyed? No. The OPCW weapons inspectors could only authenticate that declared chemical weapons had been destroyed, even though there were suspicions in the west that Syria had hidden as much as 10% of its stockpile* [Why does Syria still...].

3. Выводы. В результате проведенного анализа можно сделать следующие выводы:

3.1. Лингвокультурологическая оппозиция «свой-чужой» регулярно находит свое выражение в новостных сообщениях влиятельного британского издания The Guardian и реализуется на всех языковых уровнях.

3.2. Проведенный анализ показал, что на лексическом уровне продуктивными средствами актуализации лингвокультурологической оппозиции «свой-чужой» являются такие средства, как оценочная и политическая лексика, метонимии и метафоры, эвфемизмы и дисфемизмы.

3.3. В результате анализа выявлено, что для выражения дихотомии «свой-чужой» на морфологическом уровне автор использует следующие средства: различные классы местоимений (личные, притяжательные, указательные), наречия, аффиксы.

3.4. В ходе анализа материала установлено, что синтаксическими средствами реализации исследуемой оппозиции являются залоговые конструкции, параллельные конструкции, цитация, а также вопросительные предложения и вопросно-ответные единства.

3.5. Образ «чужого» является более сложным по сравнению с образом «своего», что подтверждается его более частой экспликацией. «Свой» же, ассоциируясь с «хорошим», соответственно воспринимается как норма.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алиева Т. В. Референдум Брексит: языковые средства актуализации оппозиции «свой-чужой» // Вестник Московского государственного областного университета. Лингвистика, 2017. № 3. С. 8-13.
2. Алиева Т. В. Языковые средства реализации концептуальной оппозиции «свой-чужой» в британском политическом дискурсе. М., 2013. 28 с.
3. Бессонова О. Л. Сопоставительный аспект лингвокогнитивных исследований // Язык. Культура. Перевод. Коммуникация. М., 2015. С. 577-581.
4. Гришина Н. В. Психология конфликта. 2-е изд. СПб.: Питер, 2008. 544 с.
5. Кишина Е. В. Семантическая оппозиция «свой-чужой» как реализация идеолого-манипулятивного потенциала политических дискурсов // Вестник КемГУ. 2011. № 4 (48). С. 174-179.
6. Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. 375 с.
7. Колесниченко А. В. Практическая журналистика. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2008. 180 с.
8. Матвеева А. А. Многоуровневый характер имплицитной оценки в выражении категории «свой-чужой» в английском языке // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2013. № 8.1 (109). С. 67-72.
9. Негрышев А. А. Интерпретация действительности в новостях СМИ: некоторые приемы на уровне композиции текста // Медиастилистика. 2012. № 2. Доступ: <http://www.mediascope.ru/node/1071>. (дата обращения: 22.04.2018).
10. Пустовалов А. В. Пресса Великобритании: между «бумажным» прошлым и цифровым будущим // Вестник Пермского университета. 2013. № 3 (23). С. 191-205.
11. Соловьева Н. С. Проявление оппозиции «свой-чужой» в социальных группах (на материале фразеологии) // Проблемы истории, филологии, культуры. Магнитогорск, 2012. С. 388-392.
12. Темникова Л. Б. О многообразии медиа жанров в современной российской и зарубежной журналистике // Научный журнал КубГАУ. 2016. № 115. С. 999-1008.
13. Цыбикова Н. С. Типология Интернет-СМИ // Евразийская парадигма России: ценности, идеи, практика. 2015. С. 107-109.
14. Dijk T. A. van Ideology and discourse analysis // Journal of Political Ideologies. 2006. Vol. 11. No. 2. P. 115-140.
15. Montgomery M. Discourse of broadcast news. A linguistic approach. Routledge, 2007. 246 p.

СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

1. Oxford Dictionaries: English Dictionary, Thesaurus, & grammar help. Available at: <https://en.oxforddictionaries.com/>. (accessed: 21.02.2018).
2. The Shorter Oxford English Dictionary on Historical Principles. Oxford University Press, 2002. Vol. 1-2. 3809 p. [SOED].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

1. Al-Shabaab says it has killed British 'spy' in Somalia // The Guardian. Available at: <https://www.theguardian.com/world/2018/oct/10/al-shabaab-says-it-has-killed-british-spy-in->

somalia. (accessed: 13.10.2018).

2. Five people die as anti-government protests spread across Nicaragua // The Guardian. Available at: <https://www.theguardian.com/world/2018/apr/21/five-people-die-as-anti-government-protests-spread-across-nicaragua>. (accessed: 22.04.2018).

3. Foreign Isis fighters must face trial on home soil, Kurds say // The Guardian. Available at: <https://www.theguardian.com/world/2018/sep/24/foreign-isis-fighters-must-face-trial-on-home-soil-kurds-say>. (accessed: 04.10.2018).

4. Hong Kong authorities block pro-democracy candidate from byelection // The Guardian. Available at: <https://www.theguardian.com/world/2018/jan/27/hong-kong-authorities-block-pro-democracy-candidate-from-byelection>. (accessed: 03.10.2018).

5. Iran launches wave of arrests as regime bids to quell protests // The Guardian. Available at: <https://www.theguardian.com/world/2018/jan/07/iran-protests-corbyn-labour-thornberry>. (accessed: 10.05.2018).

6. Isis attack on Libya election commission kills more than a dozen // The Guardian. Available at: <https://www.theguardian.com/world/2018/may/03/isis-attack-on-libya-election-commission-kills-more-than-a-dozen>. (accessed: 13.10.2018).

7. Moscow blames Israel after Syria shoots down Russian military plane // The Guardian. Available at: <https://www.theguardian.com/world/2018/sep/18/russia-military-aircraft-syria-jet-lost-contact>. (accessed: 04.10.2018).

8. Syria strikes: May tells MPs UK could not wait for UN approval // The Guardian. 20.04.2018. P. 15.

9. UK accuses Kremlin of ordering series of 'reckless' cyber-attacks // The Guardian. Available at: <https://www.theguardian.com/technology/2018/oct/04/uk-accuses-kremlin-of-ordering-series-of-reckless-cyber-attacks>. (accessed: 04.10.2018).

10. UK-Russia row intensifies as ex-spy 'improves rapidly' // The Guardian. 07.04.2018. P. 8.

11. US and UK blame Russia for 'malicious' cyber-offensive // The Guardian. Available at: <https://www.theguardian.com/technology/2018/apr/16/us-and-uk-blame-russia-for-malicious-cyber-offensive>. (accessed: 04.10.2018).

12. Why does Syria still have chemical weapons? // The Guardian. Available at: <https://www.theguardian.com/world/2018/apr/18/why-does-syria-still-have-chemical-weapons>. (accessed: 01.10.2018).

13. World reacts to overnight strikes on Syria by US, UK and French forces // The Guardian. Available at: <https://www.theguardian.com/world/2018/apr/14/airstrikes-syria-world-reacts-bombing-us-uk-french-forces>. (accessed: 04.10.2018).

REFERENCES

1. Alieva, T. V. (2017). Referendum Breksit: yazykovye sredstva aktualizatsii oppozitsii «svoy-chuzhoy» [Brexit referendum: language means employed in actualization of the opposition «we-they»]. In *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Lingvistika*. No. 3. Pp. 8-13. (In Russ.).

2. Alieva, T. V. (2013). *Yazykovye sredstva realizatsii kontseptualnoy oppozitsii «svoy-chuzhoy» v britanskom politicheskom diskurse* [Language means of expression the conceptual opposition «selves and others» in the British political discourse]. M. (In Russ.).

3. Bessonova, O. L. Sopostavitelnyy aspekt lingvokognitivnykh issledovaniy [Comparative approach to cognitive studies in Linguistics]. In *Yazyk. Kultura. Perevod. Kommunikatsiya*. M. Pp. 577-581. (In Russ.).

4. Grishina, N. V. (2008). *Psikhologiya konflikta* [The conflict psychology]. 2nd ed. SPb.: Piter. (In Russ.).

5. Kishina, E. V. (2011). Semanticheskaya oppozitsiya «svoy-chuzhoy» kak realizatsiya ideologo-manipulyativnogo potentsiala politicheskikh diskursov [The semantic opposition «own-

alien» as the realization of ideological manipulative potential of political discourses]. In *Vestnik KemGU*. No. 4 (48). Pp. 174-179. (In Russ.).

6. Krasnykh, V. V. (2003) «Svoy» sredi «chuzhikh»: mif ili realnost? [«Own» among «others»: myth or reality?]. M.: ITDGK «Gnozis». (In Russ.).

7. Kolesnichenko, A. V. (2008). *Prakticheskaya zhurnalistika* [Practical journalism]. M.: Izd-vo Mosk. un-ta. (In Russ.).

8. Matveeva, A. A. (2013). Mnogourovnevyy kharakter implitsitnoy otsenki v vyrazhenii kategorii «svoy-chuzhoy» v angliyskom yazyke [Multi-faceted character of implicit evaluation expressing the category «friend or foe» in the English language]. In *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriya, pedagogika, filologiya*. No. 8.1 (109). Pp. 67-72. (In Russ.).

9. Negryshev, A. A. (2012). Interpretatsiya deystvitelnosti v novostyakh SMI: nekotorye priemy na urovne kompozitsii teksta [Interpretation of reality in news media: some approaches at the composition level]. In *Mediastilistika*. No. 2. Available at: <http://www.mediascope.ru/node/1071>. (accessed: 22.04.2018). (In Russ.).

10. Pustovalov, A. V. (2013). Pressa Velikobritanii: mezhdru «bumazhnym» proshlym i tsifrovym budushchim [The press of Great Britain: between paper past and digital future]. In *Vestnik Permskogo universiteta*. No. 3 (23). Pp. 191-205. (In Russ.).

11. Soloveva, N. S. (2012). Proyavlenie oppozitsii «svoy-chuzhoy» v sotsialnykh gruppakh (na materiale frazeologii) [«Strange and friendly» opposition in social groups (based on set phrases)]. In *Problemy istorii, filologii, kultury*. Magnitogorsk. Pp. 388-392. (In Russ.).

12. Temnikova, L. B. (2016). O mnogoobrazii media zhanrov v sovremennoy rossiyskoy i zarubezhnoy zhurnalistike [About a variety of media genres in modern Russian and foreign journalism]. In *Nauchnyy zhurnal KubGAU*. No. 115. Pp. 999-1008. (In Russ.).

13. Tsybikova, N. S. (2015). Tipologiya Internet-SMI [Types of Internet mass-media]. In *Evraziyskaya paradigma Rossii: tsennosti, idei, praktika*. Pp. 107-109. (In Russ.).

14. Dijk, T. A. van (2006). Ideology and discourse analysis. In *Journal of Political Ideologies*. Vol. 11. No. 2. Pp. 115-140.

15. Montgomery, M. (2007). *Discourse of broadcast news. A linguistic approach*. Routledge.

LEXICOGRAPHICAL SOURCES

1. *Oxford Dictionaries: English Dictionary, Thesaurus, & grammar help*. Available at: <https://en.oxforddictionaries.com/>. (accessed: 21.02.2018).

2. *The Shorter Oxford English Dictionary on Historical Principles*. Oxford University Press, 2002. Vol. 1-2. [SOED].

SOURCES OF ILLUSTRATIVE MATERIALS

1. Al-Shabaab says it has killed British ‘spy’ in Somalia // *The Guardian*. Available at: <https://www.theguardian.com/world/2018/oct/10/al-shabaab-says-it-has-killed-british-spy-in-somalia>. (accessed: 13.10.2018).

2. Five people die as anti-government protests spread across Nicaragua // *The Guardian*. Available at: <https://www.theguardian.com/world/2018/apr/21/five-people-die-as-anti-government-protests-spread-across-nicaragua>. (accessed: 22.04.2018).

3. Foreign Isis fighters must face trial on home soil, Kurds say // *The Guardian*. Available at: <https://www.theguardian.com/world/2018/sep/24/foreign-isis-fighters-must-face-trial-on-home-soil-kurds-say>. (accessed: 04.10.2018).

4. Hong Kong authorities block pro-democracy candidate from byelection // *The Guardian*. Available at: <https://www.theguardian.com/world/2018/jan/27/hong-kong-authorities-block-pro-democracy-candidate-from-byelection>. (accessed: 03.10.2018).

5. Iran launches wave of arrests as regime bids to quell protests // *The Guardian*. Available at: <https://www.theguardian.com/world/2018/jan/07/iran-protests-corbyn-labour-thornberry>. (accessed: 10.05.2018).

6. Isis attack on Libya election commission kills more than a dozen // *The Guardian*. Available at: <https://www.theguardian.com/world/2018/may/03/isis-attack-on-libya-election-commission-kills-more-than-a-dozen>. (accessed: 13.10.2018).

7. Moscow blames Israel after Syria shoots down Russian military plane // *The Guardian*. Available at: <https://www.theguardian.com/world/2018/sep/18/russia-military-aircraft-syria-jet-lost-contact>. (accessed: 04.10.2018).

8. Syria strikes: May tells MPs UK could not wait for UN approval // *The Guardian*. 20.04.2018. P. 15.

9. UK accuses Kremlin of ordering series of 'reckless' cyber-attacks // *The Guardian*. Available at: <https://www.theguardian.com/technology/2018/oct/04/uk-accuses-kremlin-of-ordering-series-of-reckless-cyber-attacks>. (accessed: 04.10.2018).

10. UK-Russia row intensifies as ex-spy 'improves rapidly' // *The Guardian*. 07.04.2018. P. 8.

11. US and UK blame Russia for 'malicious' cyber-offensive // *The Guardian*. Available at: <https://www.theguardian.com/technology/2018/apr/16/us-and-uk-blame-russia-for-malicious-cyber-offensive>. (accessed: 04.10.2018).

12. Why does Syria still have chemical weapons? // *The Guardian*. Available at: <https://www.theguardian.com/world/2018/apr/18/why-does-syria-still-have-chemical-weapons>. (accessed: 01.10.2018).

13. World reacts to overnight strikes on Syria by US, UK and French forces// *The Guardian*. Available at: <https://www.theguardian.com/world/2018/apr/14/airstrikes-syria-world-reacts-bombing-us-uk-french-forces>. (accessed: 04.10.2018).

Гордиенко Елена Витальевна – аспирант
кафедры английской филологии
(e-mail: elena.gord2407@gmail.com),
Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Донецкий национальный университет»
283001, Донецк, Университетская, 24

Gordiienko Elena V. – Postgraduate Student
of English Philology Department
(e-mail: elena.gord2407@gmail.com),
State Educational Institution of Higher
Professional Education «Donetsk National
University»
24 Universitetskaya, Donetsk, 283001

Поступила в редакцию 29 октября 2018 г.

УДК 81-112.2

© 2018 Л. А. Долгополова

ДРЕВНИЕ ИСТОЧНИКИ КОНСТРУКЦИЙ С ПОЛУМОДАЛЬНЫМИ ГЛАГОЛАМИ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

*В статье предлагается анализ конструкций с полумодальными глаголами в современном немецком языке; установлены возможные источники их появления в различные периоды развития языка; тип десемантизации глагола *scheinen* и связь их становления с когнитивными процессами.*

Ключевые слова: полумодальный глагол, десемантизация, метонимизация, грамматикализация.

© 2018 L. A. Dolgopolova

ANCIENT SOURCES OF SEMI-MODAL VERB CONSTRUCTIONS IN GERMAN

*The focuses on the specificity of the semi-modal verb constructions in German: the possible sources of their occurrence in different periods of German have been established; the type of desemantization on the verb «*scheinen*» and the connection of their formation with cognitive processes have been identified.*

Key words: semi-modal verb, desemantization, metonymy, grammaticalization.

Проблема изучения эволюции языковых явлений уже свыше ста лет входит в сферу научных интересов лингвистики. Перед лингвистом-историком сегодня стоят задачи не только объяснения механизма и причин языковых изменений, но и установления их взаимосвязи с модификацией мыслительных процессов.

Целью предлагаемой статьи является описание генезиса конструкций с полумодальными глаголами в немецком языке как средства изменения синтаксического строя языка и выявление основных источников их появления.

Теоретической основой работы служат положения авторитетных в области истории и теории грамматики, теории грамматикализации отечественных [Кибрик, 2006; Плунгян, 2011] и зарубежных ученых [Bybee, 1995; Diewald, 2001], посвященные, в первую очередь, функциональным и структурно-семантическим особенностям глагольных аналитических конструкций, механизмам их появления в немецком языке.

Стоит отметить, что несмотря на многочисленные исследования полумодальных глаголов в современном немецком языке, вопрос об их статусе в глагольной системе все еще остается одним из наиболее дискуссионных.

Кроме того, наиболее актуальным направлением в области теории грамматикализации является установление механизмов, способствующих поиску

необходимых языковых единиц и явлений для расширения грамматической базы.

Полумодальными глаголами (*Halbmodalverben, Modalitätsverben; modifizierende Verben; modalverbähnliche Verben*) считают группу полнозначных глаголов, получающих в сочетании с инфинитивными формами в определенном контексте модальное значение [Kiss, 2005]. Эту группу составляют такие глаголы, как *scheinen, versprechen, drohen, pflegen*, отличающиеся оттенками субъективного значения:

- (i) *Peter pflegt jeden Tag zum Sportplatz zu gehen.*
- (ii) *Susanna scheint zu schlafen.*
- (iii) *Das Haus drohte einzustürzen.*
- (iv) *Das Wetter verspricht schön zu werden* [GRAMMIS].

Современный немецкий язык не располагает точным количеством указанных глаголов. В различных работах, посвященных данному явлению, их число колеблется от 3 [Pittner, 2013] до 79 [Мерзлякова, 2010]. Такое расхождение можно объяснить двумя причинами: с одной стороны, размытостью самого понятия «полумодальность» и критериями выделения глаголов с полумодальной семантикой. С другой стороны, данный факт свидетельствует об активном процессе становления класса глаголов с новым грамматическим значением в результате переосмысления основного лексического значения с помощью метафоризации или метонимизации.

Традиционно полумодальным глаголам по их семантическим и грамматическим признакам, а также особенностям функционирования отводят место между модальными и полнозначными глаголами.

С модальными глаголами их сближает способность выражать модальное значение, связанное с оценкой адресанта действия / состояния субъекта высказывания:

- (v) *Das Wetter verspricht schön zu werden.*

– Das Wetter wird sicher schön > Ich bin sicher, dass das Wetter schön wird.

К общим грамматическим характеристикам аналитических конструкций с традиционными модальными глаголами принадлежат:

– сохранение валентности инфинитива:

- (vi) *jeden Tag zum Sportplatz zu gehen;*

– употребление аналитических форм инфинитива:

- (vii) *An diese Sache droht / scheint / pflegt ernsthaft herangegangen zu werden.*

– позиция элементов инфинитивной клаузы в предложении.

В то же время конструкции с полумодальными глаголами испытывают ограничение в использовании форм: не имеют аналитической формы перфекта [GRAMMIS]:

(viii) *Susanna scheint zu schlafen* – **Susanna scheint geschlafen zu haben*.

Появление конструкций с полумодальными глаголами связано с расширением глагольной парадигмы модальности: эти конструкции усиливают субъективную модальность путем фокусирования внимания, прежде всего, на отношении говорящего к предмету разговора.

Наибольшую степень грамматикализации, по мнению Г. Дивальд, имеет конструкция с *scheinen* ‘казаться’, где *scheinen* соответствует высказыванию «*ich vermute, das...*» ‘я допускаю, что ...’ [Diewald, 2001: 91].

Согласно Г. Дивальд, возникновение и развитие конструкции в немецком языке происходило в несколько этапов:

– функционирование в древневерхненемецкий период конструкции *scheinen* + *предикатив*, которая создает предпосылки вхождения *scheinen* в состав копулятивных глаголов в средневерхненемецкий период по аналогии с *sein* и *werden*;

– формирование конструкции *scheinen* + *предикатив* + *sein*, происходящее в ранненововерхненемецкий период (приблизительно XVI в.):

(ix) *der glaub scheinet klein sein, ist aber viel edler und besser* [Luther, 1845: 135];

– интеграция конструкции *scheinen* + *предикатив* + *sein* в глагольную парадигму, сопровождающаяся появлением форманта инфинитива *zu*: *scheinen* + *предикатив* + *zu* + *sein* (XVII ст.):

(x) *Was da scheint mein unglück zu seyn* [Simpl, 2012: 669];

– дальнейшая интеграция в глагольную парадигму, что делает возможным употребление вместо *sein* другого глагола в форме инфинитива: *scheinen* + *предикатив* + *zu* + *инфинитив*:

(xi) *Einige von ihnen scheinen ganz zu vergessen* [Knigge, 1995].

(xii) *wo bloß der Zufall zu spielen und die Willkür zu herrschen scheint* [Schiller, 1995].

Вхождение инфинитивной конструкции с полумодальным глаголом *scheinen* в глагольную парадигму в нововерхненемецкий период усиливается привлечением аналитических форм инфинитива, напр., инфинитива II актива:

(xiii) *wenn das Schicksal uns zur allgemeinen Nonexistenz zurückgeführt zu haben scheint* [Goethe, 1995].

Вхождение *scheinen* в группу модальных глаголов со значением субъективной модальности становится возможным благодаря специфике его семантической структуры, в состав которой входит сема визуального восприятия объекта высказывания, что дает возможность оценивать с его помощью предмет высказывания.

В основе десемантизации глагола мы наблюдаем действие механизма метонимизации: восприятие объекта окружающего мира сопровождается его персональным оцениванием: «я воспринимаю объект и оцениваю его таким образом». Оба действия накладываются друг на друга, в результате чего глагол восприятия приобретает новую сему – сему модальности. Вследствии этого процесса происходит упрощение структуры предложения и усложнение семантической нагрузки его элементов, в первую очередь, предикатной группы.

Усиление сочетания *scheinen* + *предикатив* глаголом *sein* Г. Дивальд объясняет действием аналогии с конструкцией *копулятивный глагол werden / sein / bleiben* + *Partizip I: sie wird liegend*. Вследствие контаминации инфинитива и причастия I последнее получает форму инфинитива [Diewald, 2001: 101].

Становление *zu* как форманта связано с его закреплением в качестве маркера инфинитива в результате нормализации языка, которая совпала с активным распространением рассматриваемой конструкции. По данным Г. Дивальд, именно в этот период закрепляется употребление инфинитива с формантом в сочетании с *scheinen* [Diewald, 2001: 101].

Следует также подчеркнуть, что в закреплении этой конструкции определенную роль играет и развитие конструкций с модальными глаголами со значением субъективной модальности, происходившее в этот период.

В отличие от полумодальных глаголов, конструкции с модальными глаголами не только выражают отношение адресанта, но и передают слова другого лица:

(xiv) *Er will vor dem Vorfall nichts bemerkt haben.*

– *Er behauptet, dass er vor dem Vorfall nichts bemerkt habe.*

Грамматикализация конструкций с *versprechen* ‘обещать’, *drohen* ‘угрожать’, *pflügen* ‘ухаживать’ происходит по модели конструкции с *scheinen* и активно распространяется в нововерхненемецкий период:

(xv) *das pflügen die Hexen zuthun / daß sie die vnschuldigen sein wollen* [Langenfeld, 1958].

Есть основания предполагать, что в основе процесса грамматикализации этих конструкций лежит принцип грамматической аналогии с конструкцией с *scheinen*, поскольку распространение данных конструкций происходит позднее.

Их возникновение также связано с расширением средств выражения субъективной модальности, обусловленное потребностями в дополнительных средствах выражения оценки фактов действительности.

Таким образом, источниками появления и развития конструкций с полумодальными

глаголами в немецком языке являются:

– аналитические конструкции с копулятивными глаголами и предикативом (древневерхненемецкий период) как средства расширения темпоральной и залоговой парадигмы;

– аналитическая конструкция *scheinen* + *предикатив* + *sein* со значением модальности (ранненововерхненемецкий период);

– аналитическая форма, сложившаяся еще в общегерманский период, *zu* + *инфинитив* (ранненововерхненемецкий период).

Основным механизмом, на наш взгляд, следует считать эволюцию когниции, позволяющую человеку овладевать более сложными мыслительными процессами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кибрик А. А. Функциональные и когнитивные теории // Современная американская лингвистика: Фундаментальные направления. М.: Едиториал УРСС, 2006. С. 276-339.
2. Мерзлякова Н. П. Система непрототипических средств выражения субъектных модальных значений. Ижевск: Удмуртский гос. ун-т, 2010. 174 с.
3. Плунгян В. А. Введение в грамматическую семантику: Грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: РГГУ, 2011. 672 с.
4. Bybee J. L. The Diachronic Dimension in Explanation // Grammar and Discourse / Hawkins J. (ed.). Explaining Language Universals. Oxford: Blackwell, Amsterdam: Benjamins, 1995. P. 350-380. (Typological Studies in Language. Vol. 32).
5. Diewald G. Scheinen-Probleme: Analogie, Konstruktionsmischung und die Sogwirkung aktiver Grammatikalisierungskanäle // Müller R., Reis M. (Hrsg.) Modalität und Modalverben im Deutschen / Linguistische Berichte. Sonderheft 9. Hamburg: Buske, 2001. S. 87-111.
6. GRAMMIS. Available at: <http://hypermedia.ids-mannheim.de/index.html>. (accessed: 02.10.2018).
7. Kiss T. Subjektselektion bei Infinitiven // Der Infinitiv im Deutschen / Hrsg von J. F. Marillier, C. Rozier. Tübingen: Stauffenburg, 2005. S. 115-132.
8. Pittner K., Berman J. Deutsche Syntax. Tübingen: Narr, 2013. 200 S.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

1. Goethe: Goethe J. W. von. Zum Shakespeares-Tag // Lesebuch: Vom Barock bis zur Gegenwart / bearb. von U. Müller u. a. Stuttgart u. a.: Ernst Klett Schulbuchverlag, 1995. S. 58-60.
2. Knigge: Knigge A. von. Naturrechte wider Fürstenwillkür // Lesebuch: Vom Barock bis zur Gegenwart. Bearb. von U. Müller u. a. Stuttgart u. a.: Ernst Klett Schulbuchverlag, 1995. S. 61-63.
3. Langenfeld: Langenfeld Fr. Spee von: Cautio Crimimalis // Spee von. Eine Stimme in der Wüste. Berlin: Buchdruckerei Union GmbH, 1958. S. 281-352.
4. Luther: Psalm von Martin Luther // Dr. Martin Luther's Bibelübersetzung nach der letzten Original-Ausgabe / bearb. von Dr. H. E. Bindfeil, Dr. H. A. Niemeyer. Halle: Bibel-Anstalt, 1845. 39 S.
5. Schiller: Schiller Fr.: Ankündigung. Die Horen // Lesebuch: Vom Barock bis zur Gegenwart / bearb. von U. Müller u. a. Stuttgart u. a.: Ernst Klett Schulbuchverlag, 1995. S. 81-83.
6. Simpl: Grimmelsghausen H. J. von. Simplicitus Simplicissimus. Hamburg: tredition GmbH, 2012. 688 S.

REFERENCES

1. Kibrik, A. A. (2006). Funktsionalnye i kognitivnye teorii [Functional and cognitive theories]. In *Sovremennaya amerikanskaya lingvistika: Fundamentalnye napravleniya*. M.: Editorial URSS. Pp. 276-339. (In Russ.).
2. Merzlyakova, N. P. (2010). *Sistema neprototipicheskikh sredstv vyrazheniya subektnykh modalnykh znacheniy* [System of unprototypical means of expression of modal subject meaning]. Izhevsk: Udmurtskiy gos. un-t. (In Russ.).
3. Plungyan, V. A. (2011). *Vvedenie v grammaticheskuyu semantiku: Grammaticheskie znacheniya i grammaticheskie sistemy yazykov mira* [Introduction to grammatical semantics: Grammatical meanings and grammatical systems of the world languages]. M.: RGGU. (In Russ.).
4. Bybee, J. L. (1995). The Diachronic Dimension in Explanation. In *Grammar and Discourse* / Hawkins J. (ed.). Explaining Language Universals. Oxford: Blackwell, Amsterdam: Benjamins. Pp. 350-380. (Typological Studies in Language. Vol. 32).
5. Diewald, G. (2001). Scheinen-Probleme: Analogie, Konstruktionsmischung und die Sogwirkung aktiver Grammatikalisierungskanäle. In Müller R., Reis M. (Hrsg.) *Modalität und Modalverben im Deutschen* / Linguistische Berichte. Sonderheft 9. Hamburg: Buske. S. 87-111.
6. GRAMMIS. Available at: <http://hypermedia.ids-mannheim.de/index.html>. (accessed: 02.10.2018).
7. Kiss, T. (2005). Subjektselektion bei Infinitiven. In *Der Infinitiv im Deutschen* / Hrsg von J. F. Marillier, C. Rozier. Tübingen: Stauffenburg. S.115-132.
8. Pittner, K., Berman, J. (2013). *Deutsche Syntax*. Tübingen : Narr.

SOURCES OF ILLUSTRATIVE MATERIAL

1. Goethe: Goethe J. W. von. (1995). Zum Shakespeares-Tag. In *Lesebuch: Vom Barock bis zur Gegenwart* / bearb. von U. Müller u. a. Stuttgart u. a.: Ernst Klett Schulbuchverlag. S. 58-60.
2. Knigge: Knigge A. von. (1995). Naturrechte wider Fürstenwillkür. In *Lesebuch: Vom Barock bis zur Gegenwart* / bearb. von U. Müller u. a. Stuttgart u. a.: Ernst Klett Schulbuchverlag. S.61-63.
3. Langenfeld: Langenfeld Fr. (1958). Spee von: Cautio Crimimalis. In *Spee von. Eine Stimme in der Wüste*. Berlin: Buchdruckerei Union GmbH. S. 281-352.
4. Luther (1845) : Psalm von Martin Luther. In *Dr. Martin Luther's Bibelübersetzung nach der letzten Original-Ausgabe* / bearb. von Dr. H. E. Bindfeil, Dr. H. A. Niemeyer. Halle: Bibel-Anstalt. 39 S.
5. Schiller: Schiller Fr. (1995). *Ankündigung. Die Horen*. In *Lesebuch: Vom Barock bis zur Gegenwart* / bearb. von U. Müller u. a. Stuttgart u. a.: Ernst Klett Schulbuchverlag. S.81-83.
6. Simpl: Grimmelsghausen H. J. von. (2012). *Simplicitus Simplicissimus*. Hamburg: tredition GmbH.

Долгополова Лилия Анатольевна – доктор филологических наук, профессор кафедры филологии (e-mail: lilian2000@mail.ru), Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Крымский инженерно-педагогический университет» 295015, Республика Крым, Симферополь, пер. Учебный, 8

Dolgopolova Liliya A. – Doctor of Philology, Professor of Philology Department (e-mail: lilian2000@mail.ru), State Educational Institution of Higher Professional Education «Crimean Engineering and Pedagogical University» 8 per. Uchebnyy, Respublika Krym, Simferopol, 295015

Поступила в редакцию 19 октября 2018 г.

УДК 81'367:81'373=11

© 2018 В. Д. Калиущенко

ОТЫМЕННЫЕ ГЛАГОЛЫ В ДРЕВНЕВЕРХНЕНЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматриваются глаголы, образованные от имен существительных в древневерхненемецком языке. Основные задачи исследования заключаются в семантической классификации отыменных глаголов, а также в установлении способов их образования. В зависимости от их формул толкования все глаголы распределяются на 26 групп, которые на основе семантической функции мотивирующего имени в толковании глаголов объединяются в пять семантических типов. Прослеживается определенная корреляция между семантическими группами и использованием словообразовательных средств. Количественный анализ материала позволил установить степень продуктивности различных семантических групп и формальных типов древневерхненемецких глаголов.

Ключевые слова: древневерхненемецкий язык, отыменный глагол, мотивирующее имя существительное, формула толкования, семантический тип, формальный тип.

© 2018 V. D. Kaliuščenko

DENOMINAL VERBS IN OLD HIGH GERMAN

The present paper deals with the verbs derived from the nouns in Old High German. The main objectives of this research are to work out the semantic classification of the denominal verbs and to specify their word-building means. According to their meaning formula the verbs under study have been classified into 26 groups which have been grouped together around 5 semantic types on the basis of the semantic function of the motivating noun in the meaning of the verbs. The study shows a certain correlation between the semantic borders and word-building means of the units in question. The quantitative analysis of the language corpus makes it possible to detect the productivity degree of the semantic groups and formal types of the Old High German verbs.

Key words: Old High German, denominal verb, motivating noun, meaning formula, semantic type, formal type.

Древневерхненемецкий язык (двн.) представляет собой первый период существования письменного немецкого языка и охватывает временной отрезок со середины VIII в. до середины XI в. Он представлен значительным количеством письменных памятников преимущественно религиозной литературы. Грамматика, фонетика, лексика языка данного периода описаны в работах лингвистов XIX–XX вв. Многие частные вопросы строя двн. языка продолжают привлекать внимание ученых. Это относится, в частности, к историческому словообразованию, которое относительно недавно получило новую методологическую основу (см. [Калиущенко, 2016; Ягупова, 2007; Herbers, 2002; Iagupova, 2013; Kaliuščenko, 1988; Klein, Solms, Wegera, 2009; Leipold, 2006; Prell, Schebben-Schmidt, 1996; Wegera, Prell, 2000]).

В данной статье описываются семантические типы группы отыменных глаголов древневерхненемецкого языка, отобранных преимущественно из словаря Э. Г. Граффа «*Althochdeutscher Sprachschatz oder Wörterbuch der althochdeutschen Sprache*» [Graff, 1836-1842]. Корпус исследования составляет 301 лексему.

Как известно, в древневерхненемецком языке несколько морфологических типов глаголов: сильные, слабые, претерито-презентные и неправильные. Во всех трёх классах слабых глаголов в древневерхненемецком языке отмечены отыменные глаголы. Ни одна из семантических групп глаголов не связана с определённым классом глаголов [Paul, 1955: 112]. Часто глаголы, относящиеся к разным классам, имеют одно мотивирующее имя существительное и выражают одно и то же значение, напр.: *merken*, *markōn* ‘размежёвывать’, *nemnen*, *namōn* ‘называть’, *zuhten*, *zuhtōn* ‘выращивать (животных)’ [Henzen, 1965: 215]. Чаще всего конкурируют глаголы первого класса (германские глаголы на *-jan*, в двн. языке – глаголы на *-an*, *-en*) с глаголами второго класса (глаголы на *-ōn*). Главным фактором возникновения подобных глагольных пар следует считать близость семантики обеих словообразовательных моделей с суффиксами *-jan* и *-ōn*, т. е. возможность с помощью обоих суффиксов выражать одинаковые отношения глагола с мотивирующим его именем существительным.

Имена существительные, мотивирующие отыменные глаголы на *-jan*, обозначают результат, средство или инструмент действия, или находятся в других разнообразных отношениях с действием, выраженным отыменным глаголом [Гухман, 1966: 174].

Многие глаголы двн. языка образованы при помощи суффикса *-ōn* [Henzen, 1965: 215]. Отношения между базовым именем существительным и образованным от него глаголом в данном классе семантически не ограничены: имя существительное может выражать инструмент или средство, с помощью которого совершается действие, оно может также называть предмет, с которым каким-либо образом связано действие. Редко имя существительное обозначает результат какого-либо процесса. Данная функция мотивирующего имени существительного продуктивна в классе глаголов на *-jan* [Гухман, 1966: 178].

В данной работе при описании образования глаголов от имен существительных суффиксы *-an*, *-ōn* и *-ēn* рассматриваются как нулевая аффиксация. Во-первых, эти морфемы не имеют собственного значения, они не связаны четко с определёнными семантическими группами отыменных глаголов. Во-вторых, этим трём морфемам в средневерхненемецком и современном немецком языке соответствует одна морфема *-en*, являющаяся грамматическим, а не словообразовательным элементом.

Классификация глаголов производится на основе мотивационных отношений между мотивирующими именами (МИ) существительными (S_m) и отыменными глаголами (см. [Волоцкая, 1972; Калиущенко, 2016; Kühnhold, 1973; Wellmann, 1973] и др.). В свою очередь, мотивационные отношения устанавливаются при помощи формулы толкования (ФТ), которая отражает структуру ситуации, представленной предикатом – отыменным глаголом и его аргументами (S_1, S_2, S_3). На основе формул толкования в данной работе выделены 26 групп отыменных глаголов (ещё одну группу глаголов образуют отыменные глаголы с «индивидуальным» мотивационным отношением с соответствующим именем существительным или отношением, которое можно объяснить только в диахроническом аспекте). Каждая из 26 групп относится к одному из пяти основных типов отыменных глаголов, в зависимости от того, какой из элементов ситуации обозначен мотивирующим именем существительным (см. примеры ниже из современного немецкого языка, на материале которого была разработана данная модель [Kaliuščenko, 1988]):

1) Отыменные глаголы, МИ которых обозначает признак одного из участников ситуации, ср.:

(1) *Er kellnert* 'Он работает официантом'. \approx *Er ist Kellner* 'Он официант'.

2) Отыменные глаголы, МИ которых обозначает одного из участников ситуации, ср.:

(2) *Der Alte fischt* 'Старик рыбачит'. \approx *Der Alte fängt Fische* 'Старик удит рыбу'.

3) Отыменные глаголы, МИ которых обозначает действие, процесс, состояние или отношение, ср.:

(3) *Das Kind fiebert* 'Ребёнка лихорадит'. \approx *Das Kind hat Fieber* 'У ребёнка лихорадка'.

4) Отыменные глаголы, МИ которых обозначает характеристику действия (место, время, способ), ср.:

(4) *Sie zelten* \approx *Sie wohnen im Zelt* 'Они живут в палатке';

5) Отыменные глаголы, МИ которых обозначает ситуацию в целом, ср.:

(5) *Es tagt* 'Светает'. \approx *Es wird Tag* 'Наступает день'.

Первый тип отыменных глаголов

ФТ 1: « S_1 есть (как) S_m »

Словообразовательные средства: $-\emptyset - 7$, $-in\bar{o} - 1$, $ge- - 1$ (всего – 9 ОГ).

Восемь глаголов мотивированы наименованиями лиц, напр.: *wirt* 'хозяин' \rightarrow *wirtōn* 'угощать', *wīzago* 'пророк' \rightarrow *wīzagōn* 'предсказывать, пророчествовать'. Один глагол данной группы – *ga-diuban* (*ga-diuben*) 'воровать' – приведён в словаре Э. Г. Граффа только с префиксом *ga-*. Его можно рассматривать как глагол с двойной мотивацией, ср.:

diob ‘вор’ и *diuba* ‘воровство’. Один глагол мотивирован наименованием животного: *svīn* ‘свинья’ → *swīnōn* (*suīnōn*) ‘пачкать’.

ФТ 2: «S₁ становится (как) S_m»

Словообразовательные средства: -*ō* – 3, -*isō* – 1, *ir-* / *ar-* – 3 (всего – 7 ОГ).

Мотивирующие имена существительные пяти глаголов – наименования лица. Два глагола основываются лишь на сравнении, напр.: *manno* ‘мужчина’ → *ir-mannēn* ‘проявлять мужество’, *narro* ‘глупец’ → *ir-narrēn* ‘стать глупцом’.

Другие глаголы приписывают лицу (предмету) S₁ признак S_m, напр.: *ganōz* ‘спутник’ → *ga-nōzan* ‘объединяться’, *stab* ‘палка, посох’ → *staben* ‘затвердевать’, *wald* ‘лес’ → *ir-waldēn* ‘заростать лесом’.

ФТ 3: «S₁ делает S₂ (как) S_m» («S₁ каузирует S₂ быть (как) S_m»)

К этой группе относятся 16 глаголов, образованных с помощью нулевой аффиксации. Шесть ОГ мотивированы наименованиями лиц, напр.: *ophar* ‘жертва’ → *opharōn* ‘жертвовать’, *scalch* ‘раб, слуга’ → *scalchian* ‘продавать в собственность, поработать’, *gisell* ‘спутник’ → *gisellan* ‘брать в спутники’. Один глагол означает «обращаться, как с S_m»: *diwa* ‘служанка’ → *diwen* ‘унижать, обращаться, как со служанкой’.

Десять ОГ мотивированы неодушевлёнными именами существительными, которые имеют следующие значения:

а) объединение отдельных предметов или лиц S₂ в S_m, напр.: *hūfo* ‘куча’ → *hūfōn* (*hufōn*) ‘собирать в кучу, толпу’, *scara* ‘толпа, свита, войско’ → *scarōn* ‘собирать в толпу, свиту, войско’ (но и ‘делить на (группы)’);

б) разделение S₂ на S_m, напр.: *teil* ‘часть’ → *teilen* ‘делить на части’, *strāla* ‘полоса’ → *strālan* ‘делить на полосы; расчёсывать’;

в) придание, передача S₂ формы или движения S_m, напр.: *stab* ‘палка’ → *stabēn* ‘выстраивать в прямую линию’, *scība* ‘круг’ → *scīban* ‘вращать’, *waga* ‘волна’ → *wagōn* ‘катить волны’;

г) превращать по состоянию в S_m, напр.: *ōsi* ‘пустошь’ → *ōsen* ‘опустошать’.

Второй тип отыменных глаголов

ФТ 4: «S_m появляется у / на S₁»

Все 12 глаголов группы 4 образованы при помощи нулевого аффикса. Здесь можно выделить следующие подгруппы:

1) «S_m растёт на / у S₁, появляется на S₁», напр.: *loub* ‘листва’ → *loubēn* ‘покрываться листвой’, *rost* ‘ржавчина’ → *rostēn* ‘ржаветь’, ср. также: *zanōn* ‘расти (о зубах)’;

2) один отыменный глагол обозначает возникновение локативных отношений: *wolchan* ‘облако’ → *wolchanōn* ‘покрываться облаками’;

3) «S₁ выделяет S_m», напр.: *bluot* ‘кровь’ → *bluotēn* ‘кровоточить’, *scūm* ‘пена’ → *scūman* ‘пениться’. Ср. также: *feimen* ‘пениться’, *sweizan* ‘потеть’;

4) «S₁ создаёт, производит на свет S_m», напр.: *scimbal* ‘плесень’ → *scimbalōn* ‘плесневеть’; *stimma* ‘звук, голос’ → *stimmian* ‘издавать звук, кричать’; *kint* ‘ребёнок’ → *kindōn* ‘рожать детей’.

ФТ 5: «S₁ снабжает S₂ (предметом) S_m»

Словообразовательные средства: -*ø* – 48, *bi-* – 1, (всего – 49 ОГ).

Конкретными именами существительными мотивированы 39 отыменных глаголов, напр.: *angul* ‘крючок’ → *angulōn* ‘снабжать крючком’, *dorn* ‘шип, колючка’ → *bithurnēn* ‘снабжать шипами’. Большинство отыменных глаголов данного типа можно разделить на следующие лексико-семантические ряды:

а) *mast, fuotar* ‘корм’ → *mesten, fuoterēn* ‘кормить’;

б) *scuoh* ‘обувь’ → *scuohhōn* ‘обувать’, *wāt* ‘одежда’ → *wāten* ‘надевать’;

в) *pfeffar* ‘перец’ → *pfeffarōn (pfefferōn)* позднедвн. ‘перчить’, *salz* ‘соль’ → *salzan* ‘солить’; *dilla* ‘доска’ → *dillōn* ‘устилать досками’, *tunihha* ‘побелка, штукатурка’ → *tunihhōn* ‘штукатурить’. Ср. также: *tavalōn* ‘обшивать деревом’, *ga-steinan* ‘украшать (драгоценными) камнями’;

г) *salba* ‘мазь’ → *salbōn* ‘натирать мазью’, *wahs* ‘воск’ → *wahsēn (wahsen)* ‘покрывать воском’;

д) *zūn* ‘ограда’ → *zūnen* ‘огораживать’, *hring* ‘кольцо’ → *umbihringen* ‘брать в кольцо’ (или от *umbihring* ‘круг’?). Ср. также: *bremen* ‘обносить терновником’, *circōn* ‘окружать’, *hegen* ‘огораживать’, *markōn* ‘отмечать знаком, обозначать’ и т. д.

Двенадцать ОГ мотивированы абстрактными именами существительными, они обозначают отношения, которые здесь определены как посессивные, напр.: *lōn* ‘награда’ → *lōnōn* ‘вознаграждать’. Ср. также: *namōn (namen)* ‘называть’, *sculdan* ‘обвинять’, *scadōn* ‘причинять вред’.

ФТ 6: «S₁ лишает S₂ (предмета) S_m»

Словообразовательные средства: -*ø* – 4, *ant-* – 7, *bi-* – 1, *ar-* – 1 (всего – 13 ОГ).

S_m семи глаголов – конкретные имена существительные. Данные отыменные глаголы представляют причину разрыва отношений:

а) «часть – целое», напр.: *bein* ‘кость’ → *ant-beinan* ‘удалять кости’. Ср. также: *kirnen* ‘удалять косточки (из плодов)’, *scelan* ‘очищать (от кожуры)’;

б) локативных, напр.: *mist* ‘навоз’ → *mistōn* (*miston*) ‘убирать навоз’;

в) посессивных, напр.: *scuoh* ‘обувь’ → *ant-scuohhōn* ‘снимать обувь’. Ср. также: *int-wāten* ‘снимать одежду’.

Абстрактные имена существительные мотивируют три глагола, выражающие ситуацию разрыва отношений, которые традиционно обозначаются как посессивные, напр.: *ēra* ‘честь’ → *ant-ērēn* ‘обесчестить’, *teil* ‘часть’ → *bi-teilen* ‘лишать кого-либо чего-либо’, *erbe* ‘наследство’ → *an-arpēn* ‘лишать наследства’.

ФТ 7: «S₁ изготавливает, создаёт S_m»

Словообразовательные средства: -*ø* – 8, напр.: *hūs* ‘дом’ → *hūsōn* ‘строить дом’, *burg* ‘город’ → *burgōn* ‘основать город’. Ср. также: *munizōn* ‘чеканить монеты’, *nīsten* ‘вить гнёзда’, *prievan* ‘записывать’.

ФТ 8: «S₁ совершает характерное действие над S_m»

К данной группе относятся восемь безаффиксных глаголов, напр.: *bluoma* ‘цветок’ → *bluomōn* ‘рвать цветы’, *gras* ‘трава’ → *grasōn* ‘косить траву’, *gouma* ‘еда, корм’ → *goumen* ‘пировать’, *fisc* ‘рыба’ → *fiscōn* (*fiskōn*) ‘рыбачить’.

ФТ 9: «S₁ создаёт S_m предмета S₂»

Эта группа состоит из пяти безаффиксных глаголов, напр.: *zeichan* ‘образ’ → *zeichanōn* (*zeichanen*) ‘изображать что-либо, кого-либо’, ‘создавать изображение чего-либо, кого-либо’.

Два глагола означают «определять S_m предмета (предметов) по S₂», напр.: *zala* ‘число’ → *zalōn* ‘считать’, *ratisca* ‘загадка’ → *ratiscōn* ‘разгадывать, отгадывать’.

ФТ 10: «S₁ воздействует на S_m – часть предмета S₂»

Три глагола данной группы – безаффиксные дериваты, напр.: *hals* ‘шея’ → *halsōn* ‘обнимать (за шею)’, *ouga* ‘глаз’ → *ougen* ‘показывать’.

ФТ 11: «S₁ производит S₂ из S_m»

Данное значение выявляет один отыменный глагол: *zimbar* ‘древесина’ → *zimbarōn* ‘изготавливать что-либо, строить из древесины’.

ФТ 12: «S₁ воздействует на S₂ при помощи S_m»

Словообразовательные средства: -*ø* – 23, -*alō* – 2, *bi-* – 1 (всего – 26 ОГ).

Здесь, кроме группы с разными значениями, могут быть выделены некоторые лексико-семантические ряды:

а) «соединять посредством S_m»: *seil* ‘канат, верёвка’ (*Seil*) → *seilen* ‘связывать канатом’, *nagel* ‘гвоздь’ → *(bi)nagalen* (*(bi)nageln*) ‘прибивать гвоздями’;

б) «обрабатывать огнём, ветром»: *eit* ‘огонь’ → *eiten* ‘обжигать’, *wint* ‘ветер’ → *wintōn* ‘проветривать’;

в) «делать что-либо с помощью части тела»: *hant* ‘рука’ → *hantalōn* ‘ощупывать’, *fūst* ‘кулак’ → *fūstōn* ‘бить кулаком’.

ФТ 13: «S₁ совершает действие при помощи S_m»

Данной формуле толкования соответствует один глагол: *ruodar* ‘весло’ → *ruodarōn* (*ruodaron*) ‘плыть на вёслах’.

Третий тип отыменных глаголов

ФТ 14: «S₁ совершает действие S_m, направленное на S₂»

Словообразовательные средства: *-ø* – 24, *bi-* – 1 (всего – 25 ОГ), напр.: *suona* ‘суд’ → *suonan* (*suonen*) ‘судить’, *champf* ‘борьба’ → *champfan* ‘бороться, сражаться’. Ср. также: *freisōn* ‘угрожать’, *bi-warōn* ‘беречь’, *sahhan* ‘вести судебную тяжбу’.

ФТ 15: «S₁ совершает действие S_m»

Эта формула толкования описывает в двн. языке девять безаффиксных глаголов, напр.: *fluht* ‘бегство’ → *fluhten* ‘спасаться бегством’, *huor* ‘супружеская измена’ → *huorōn* ‘прелюбодействовать’. Ср. также: *reisōn* ‘совершать (военный) поход’, *wankōn* ‘шататься’.

ФТ 16: «S₁ находится в состоянии S_m»

Словообразовательные средства: *-ø* – 11, *-isō* – 1 (всего – 12 ОГ), напр.: *ātum* ‘дыхание’ → *ātamōn* (*atamōn*) ‘дышать’, *rast* ‘привал’ → *rastōn* ‘делать привал’. Ср. также: *hungiren* ‘испытывать голод’, *kraften* ‘окрепнуть’, *rāwēn* (*rāvēn*) ‘почивать’, *lustisōn* ‘веселиться’.

S₁ четырёх глаголов – неодушевлённое имя существительное, напр.: *fiur* ‘огонь’ → *fiurēn* ‘гореть’. Ср. также: *lohen* ‘пылать’, *swilizōn* ‘тлеть’.

ФТ 17: «S₁ вызывает у S₂ чувство или состояние S_m»

Все 34 глагола данной группы – безаффиксные дериваты, 25 глаголов описывают ситуацию, в которой лицо S₁ выражает чувство S_m в отношении S₂. При этом S₂ обозначает:

а) «причину»: S₁ в этом случае не активный по отношению к S₂, напр.: *scama* ‘стыд’ → *sih scamēn* ‘стыдиться’. Ср. также: *angustōn* (*angusten*) ‘бояться’, (*sih*) *wuntarōn* ‘удивляться’;

б) «объект»: S₁ является активным при выражении чувства S_m по отношению к S₂, напр.: *minna* ‘любовь’ → *minnōn* ‘любить’. Ср. также: *ērēn* ‘читать’, *hazen* ‘ненавидеть’, *niotōn* ‘испытывать страстное влечение’.

С глаголами *lustōn* ‘веселиться’, *ga-lusten* ‘испытывать страстное влечение’, как и в современном немецком языке, S₁ употребляется в аккумулятиве. Это придаёт глаголу значение невольного желания, исходящего от S₁:

(б) *mih galustet minnōn* ‘Меня влечёт любовь’.

Девять глаголов обозначают состояние, которое S_1 каузирует у S_2 своим воздействием, напр.: *angust* ‘страх’ → *angustōn (angusten)* ‘пугать’, *smērza* ‘боль’ → *smēzen* ‘причинять боль’. Ср. также: *deomōten* ‘унижать’, *pīnōn* ‘мучить’, *entōn* ‘убить’.

ФТ 18: « S_1 говорит S_m (лицу S_2)»

Словообразовательные средства: $-\emptyset - 20$, $-inō - 1$ (всего – 21 ОГ).

Имя существительное, которое мотивирует глаголы данной группы, выражает:

а) «статус высказывания в коммуникативном акте» (2 ОГ): *frāgēn (fragen)* ‘вопросить’, *ant-wurten* ‘отвечать’;

б) «коммуникативную цель высказывания» (7 ОГ), напр.: *ant-frist(a)* ‘объяснение’ → *ant-fristōn (ant-friston)* ‘объяснять’;

в) «чувство, отношение говорящего к высказыванию» (10 ОГ), напр.: *chara* ‘жалоба’ → *charōn* ‘жаловаться’;

г) «негативную оценку высказывания» (1 ОГ), напр.: *lastar* ‘клевета’ → *lastarōn* ‘клеветать’;

д) «обращение», напр.: *titul* ‘титул’ → *titulōn* (1 ОГ) ‘титуловать’.

ФТ 19: « S_m – отношение (между S_1 и S_2)» (« S_1 каузирует S_2 быть в отношении S_m с S_3 »)

Эта формула толкования описывает всего один глагол: *ga-fridōn* ‘примирять, успокаивать’ ← *fridu* ‘мир, покой’.

Четвёртый тип отыменных глаголов

ФТ 20: « S_1 есть в (месте) S_m »

Данной формуле толкования соответствует один безаффиксный глагол: *heriberga* ‘военный лагерь’ → *heribergōn* ‘находиться в военном лагере’.

Два глагола выражают действие, типичное для S_m : *bad* ‘купель’ → *badōn* ‘окупаться в купель’, *hūs* ‘дом’ → *hūsōn* ‘обитать (в доме)’.

ФТ 21: « S_1 начинает быть в (месте) S_m »

Один глагол соответствует вышеуказанной формуле толкования: *lant* ‘земля’ → *lenten* ‘причаливать, приставать (к берегу)’.

ФТ 22: « S_1 каузирует S_2 быть в S_m »

Словообразовательные средства: $-\emptyset - 11$, $-igō - 1$ (всего – 12 ОГ), напр.: *spiz* ‘вертел’ → *spizzōn (spizzen)* ‘насаживать на вертел’.

Четыре глагола имеют значение « S_1 совершает направленное на S_2 действие, которое обычно совершают в / на (месте) S_m », напр.: *rōst* ‘решётка’ → *rōsten* ‘жарить на решётке’, *krūzi* ‘крест’ → *krūzigōn* ‘распять на кресте’.

Один глагол означает абстрактное размещение: *gaganwarti* ‘настоящее время’ → *gaganwerten* ‘переносить в настоящее время’.

ФТ 23: « S_1 удаляет S_2 из / от S_m »

Эта формула толкования описывает один глагол: *gart* ‘стебель’ → *gartōn* ‘обрывать’.

ФТ 24: « S_m – способ действия (S_1 над S_2)»

К этой группе относятся шесть безаффиксных глаголов, мотивирующие имена которых имеют семантическую функцию *Mod* ‘способ’. Три глагола имеют значение « S_1 воздействует на S_2 определённым образом S_m »: *hring* ‘круг’ → *hringan* ‘кружиться’. Ср. также: *circōn* ‘кружить’, *nōten* ‘принуждать кого-либо что-либо делать’.

Другие глаголы означают « S_1 получает S_2 способом S_m (в качестве S_m)», напр.: *phant* ‘залог’ → *phantōn* ‘брать в залог’, *mieta* ‘плата’ → *mietan* ‘оплачивать’.

ФТ 25: « S_m – период (времени)»

Имена существительные, которые мотивируют глаголы данной группы, имеют семантическую функцию «period».

Словообразовательные средства: $-\emptyset - 1$, *be-* – 1, *ubar-* – 1 (всего – 3 ОГ).

Два глагола имеют значение «проводить время S_m »: *naht* ‘ночь’ → *ubar-nahtēn* ‘переночевать’, *tag* ‘день’ → *be-tagēn* ‘проводить день, оставаться на целый день’. Один глагол описывается при помощи ФТ « S_1 совершает действие, типичное для (времени) S_m »: *wintarēn* ‘замерзать’.

Пятый тип отыменных глаголов

ФТ 26: « S_m – ситуация»

Имена существительные, которые мотивируют восемь безаффиксных глаголов данной группы, обозначают события. Четыре глагола имеют значение «есть (имеет место) событие S_m »: *donarōn* ‘греть (о громае)’, *reganōn* ‘дождить, идти (о дожде)’, *sniwan* ‘снежить, идти (о снеге)’, *tropfōn* ‘капать’. Четыре отыменных глагола обозначают наступление (времени):

а) суток: *ābent* ‘вечер’ → *ābendēn* ‘вечереть’, ср. также: *nahtēn* ‘наступать (о ночи)’, *tagēn* ‘наступать (о дне)’;

б) времени года: *wintar* ‘зима’ → *wintarēn* ‘наступать (о зиме)’.

Остаточная группа отыменных глаголов

Семь отыменных глаголов в корпусе двн. языка – это лексемы, отношения которых с мотивирующим именем существительным определяются как индивидуальные, напр.: *kraft* ‘сила’ → *kraftēn* ‘окрепнуть’, *herza* ‘сердце’ → *ga-hirzen* ‘вспоминать’, *be-herzen* ‘принимать (близко) к сердцу, запоминать’.

Таблица. *Формальные типы ОГ в древневерхненемецком языке*

№	Структурные типы ОГ	Количество
1.	ОГ, образованные путем нулевой аффиксации	273 (91%)
2.	Префиксные ОГ (<i>ant-, ar-, ir-, bi-, ge-, ubar-, be-</i>)	19 (6%)
3.	Суффиксные ОГ (<i>-inō, -isō, -igo, -alō</i>)	7 (2,3%)
4.	Рефлексивные ОГ	2 (0,7%)
	Всего	301 (100%)

Наиболее продуктивны в двн. ОГ второго и третьего типов, то есть глаголы, мотивирующие имена которых в их ФТ обозначают одного из участников ситуации, а также действие, процесс, состояние. Менее продуктивны первый, четвертый и пятый типы ОГ, мотивирующие имена которых обозначают в ФТ признак участника ситуации, характеристику действия или ситуацию в целом. Основную часть ОГ представляют безаффиксные глаголы (см. таблицу). Продуктивность префиксных ОГ невелика, они отмечены прежде всего в группах глаголов с ФТ 6 и ФТ 4. Суффиксальные и рефлексивные ОГ представлены единичными образованиями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Волоцкая З. М. Опыт описания деривативных значений (на материале русского и польского языков): автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.19. М., 1972. 25 с.
2. Гухман М. М. Глагол в германских языках // Сравнительная грамматика германских языков. М.: Наука, 1966. Т. IV. С. 124-434.
3. Калиущенко В. Д. От лингвистической типологии к исторической лингвистике: Избранные труды / под ред. Л. Н. Ягуповой. Донецк: ДонНУ, 2016. 281 с. (Типологические, сопоставительные, диахронические исследования; Т. 12).
4. Ягупова Л. Н. Мовно-географічна варіативність системи середньовісньонімецьких префіксальних іменників. Донецьк: ДонНУ, 2007. 605 с. (Типологічні, зіставні, діахронічні дослідження. Т. 4).
5. Henzen W. Deutsche Wortbildung. Tübingen: Niemeyer, 1965. 314 S.
6. Herbers B. Verbale Präfigierung im Mittelhochdeutschen: eine semantisch-funktionale Korpusanalyse. Tübingen: Niemeyer, 2002. 372 S.
7. Iagupova L. Idiomatisierte Präfixsubstantive mit ge- im Mittelhochdeutschen // Semantik und Pragmatik im Spannungsfeld der germanistischen und kontrastiven Linguistik. Frankfurt am Main u.a.: Peter Lang, 2013. S. 183-193. (Donezk Studien zur Germanistik, kontrastiven und diachronen Linguistik; Bd. 1).
8. Kaliuščenko V. D. Deutsche denominalen Verben. Tübingen: Narr, 1988. 180 S. (Studien zur deutschen Grammatik; Bd. 30).
9. Klein Th., Solms H.-J., K.-P. Wegera Mittelhochdeutsche Grammatik. Teil III Wortbildung. Max Niemeyer Verlag, Tübingen, 2009. 684 S.
10. Kühnhold I. Deutsche Wortbildung. Typen und Tendenzen in der Gegenwartssprache. Erster Hauptteil: Das Verb / Ingeburg Kühnhold, Hans Wellmann. Düsseldorf: Schwann, 1973. 375 S. (Sprache der Gegenwart; XXIX).
11. Leipold A. Verbleitung im Mittelhochdeutschen: Eine synchron-funktionale Analyse der Motivationsbeziehungen suffixaler Verbwortbildungen. De Gruyter; Aufl.: 20. Juli 2006. 368 S. (Studien zur mittelhochdeutschen Grammatik; Bd. 2).

12. Paul H. Deutsche Grammatik: in 5 Bdn. 2. Aufl. Halle (Saale): Niemeyer, 1955. Bd. V: Wortbildungslehre. 142 S.
13. Prell H.-P., Schebben-Schmidt M. Die Verbbildung im Frühneuhochdeutschen. Berlin / New York, 1996. 424 S. (Studia Linguistica Germanica; Bd. 41).
14. Wegera K.-P., Prell H.-P. Wortbildung des Frühneuhochdeutschen // Sprachgeschichte. Ein Handbuch zur Geschichte der deutschen Sprache und ihre Erforschung. Hrsg. v. Werner Besch, Anne Betten, Oskar Reichmann, Stefan Sonderegger. Zweiter Teilbd. 2., (HSK 2.2), vollständig neu bearbeitete u. erweiterte Aufl. Berlin / New York, 2000. S. 1594-1605.
15. Wellmann H. Verbbildung durch Suffixe // Deutsche Wortbildung. Erster Hauptteil: Das Verb. Sprache der Gegenwart. Düsseldorf: Schwann, 1973. Bd. XXIX. S. 17-140.

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Graff E. G., Massmann H. F. Althochdeutscher Sprachschatz oder Wörterbuch der althochdeutschen Sprache: in 6 Bdn. Berlin: Beim Verf. und Commission der Nikolaischen Buchh., 1836-1842. Bd. 1-6.

REFERENCES

1. Volotskaya, Z. M. (1972). *Opyt opisaniya derivativnykh znacheniy (na materiale russkogo i polskogo yazykov)* [Experience in describing derivative values (based on Russian and Polish)]: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk: 10.02.19. Moskva. (In Russ.).
2. Gukhman, M. M. (1966). Glagol v germanskikh yazykakh [Verb in Germanic languages]. In *Sravnitel'naya grammatika germanskikh yazykov*. M.: Nauka, T. IV. Pp. 124-434.
3. Kaliuščenko, V. D. (2016). *Ot lingvisticheskoy tipologii k istoricheskoy lingvistike: Izbrannye trudy* [From linguistic typologie to historical linguistics: Selected Works]. In L. N. Jagupovoj (ed.). Donetsk: DonNU. (Tipologicheskie, sopolstavitelnye, diakhronicheskie issledovaniya; T. 12). (In Russ.).
4. Yagupova, L. M. (2007). *Movno-geografichna variatyvnist system serednoverkhnonimetskykh prefiksalnykh imennykiv* [Lingua-geographical variability of the systems of Middle High German prefix nouns]. Donetsk: DonNU. (Typolohichni, zistavni, diakhronichni doslidzhennya. T. 4). (In Ukr.).
5. Henzen, W. (1965). *Deutsche Wortbildung*. Tübingen: Niemeyer.
6. Herbers, B. (2002). *Verbale Präfigierung im Mittelhochdeutschen: eine semantisch-funktionale Korpusanalyse*. Tübingen: Niemeyer.
7. Jagupova, L. (2013). Idiomaticisierte Präfixsubstantive mit ge- im Mittelhochdeutschen. In *Semantik und Pragmatik im Spannungsfeld der germanistischen und kontrastiven Linguistik*. Frankfurt am Main u.a.: Peter Lang. S. 183-193. (Donezk Studien zur Germanistik, kontrastiven und diakhronen Linguistik; Bd. 1).
8. Kaliuščenko, V. D. (1988). *Deutsche denominale Verben* Tübingen: Narr. (Studien zur deutschen Grammatik. Bd. 30)
9. Klein, Th., Solms, H.-J., Wegera, K.-P. (2009). *Mittelhochdeutsche Grammatik. Teil III Wortbildung*. Max Niemeyer Verlag, Tübingen.
10. Kühnhold, I. (1973). *Deutsche Wortbildung. Typen und Tendenzen in der Gegenwartssprache. Erster Hauptteil: Das Verb* / Ingeburg Kühnhold, Hans Wellmann. Düsseldorf: Schwann. (Sprache der Gegenwart; XXIX).
11. Leipold, A. (2006). *Verbbildung im Mittelhochdeutschen: Eine synchron-funktionale Analyse der Motivationsbeziehungen suffixaler Verbwortbildungen* De Gruyter; Aufl.: 20. Juli. (Studien zur mittelhochdeutschen Grammatik; Bd. 2).
12. Paul, H. (1955). *Deutsche Grammatik*: in 5 Bdn. 2. Aufl. Halle (Saale): Niemeyer. Bd. V: Wortbildungslehre.

13. Prell, H.-P., Schebben-Schmidt, M. (1996). *Die Verbableitung im Frühneuhochdeutschen*. Berlin / New York. (Studia Linguistica Germanica; Bd. 41).
14. Wegera, K.-P., Prell, H.-P. (2000). Wortbildung des Frühneuhochdeutschen. In *Sprachgeschichte. Ein Handbuch zur Geschichte der deutschen Sprache und ihre Erforschung*. Hrsg. v. Werner Besch, Anne Betten, Oskar Reichmann, Stefan Sonderegger. Zweiter Teilbd. 2., (HSK 2.2), vollständig neu bearbeitete u. erweiterte Aufl. Berlin / New York. Pp. 1594-1605.
15. Wellmann, H. (1973). Verbbildung durch Suffixe. In: *Deutsche Wortbildung. Erster Hauptteil: Das Verb. Sprache der Gegenwart*. Düsseldorf: Schwann. Bd. XXIX. Pp. 17-140.

LEXICOGRAPHICAL SOURCE

Graff, E. G., Massmann, H. F. (1836-1842). *Althochdeutscher Sprachschatz oder Wörterbuch der althochdeutschen Sprache*: in 6 Bdn. Berlin: Beim Verf. und Commission der Nikolaischen Buchh. Bd. 1-6.

Калиущенко Владимир Дмитриевич – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой германской филологии (e-mail: vladimirkaliuscenko@gmail.com), Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Донецкий национальный университет» 283001, Донецк, Университетская, 24

Kaliuščenko Vladimir D. – Doctor of Philology, Professor, Head of Germanic Philology Department (e-mail: vladimirkaliuscenko@gmail.com), State Educational Institution of Higher Professional Education «Donetsk National University» 24 Universitetskaya, Donetsk, 283001

Поступила в редакцию 01 ноября 2018 г.

ОЦЕНИВАНИЕ В ДИСКУРСЕ НЕМЕЦКОГО МЛАДШЕГО ШКОЛЬНИКА (НА МАТЕРИАЛЕ СИТУАЦИЙ С ОБРАЩЕНИЯМИ)

В статье рассматриваются обращения как особые средства вербализации оценивания в речи немецкого ребенка младшего школьного возраста. В применении оценочных обращений в речи ребенка прослеживается определенная динамика в зависимости от возраста коммуниканта: происходит переход от абсолютного оценивания к относительному, усложняется структура оценочных средств. Для вербализации положительного оценивания характерна метафоризация и гиперболизация. Негативное оценивание реализуется посредством использования в речи экспрессивно-оценочных обращений отрицательной коннотации, пейоративных форм, эвфемизмов, композитов, содержащих словообразовательные элементы экспрессивной семантики, дразнилок.

Ключевые слова: обращение, дискурс, немецкий язык, младший школьный возраст, оценка, оценивание.

EVALUATION IN THE GERMAN JUNIOR SCHOOLCHILD'S DISCOURSE (BASED ON THE COMMUNICATIVE SITUATIONS WITH ADDRESS)

The article reveals addresses as special means of verbalization of evaluation in the German junior schoolchild's discourse. There is certain dynamics in the use of evaluation address within the age period under study: there is a transition from absolute evaluation to relative, the structure of evaluation means becomes more complicated. Metaphorization and hyperbolization are characteristic for verbalization of positive evaluation. Certain language tools and techniques are also typically used to represent negative evaluation: expressive-evaluative addresses of a negative connotation, pejorative forms, euphemisms, the composites containing word-formation elements of expressional semantics, teasing rhymes.

Key words: address, discourse, German language, junior schoolchild age, assessment, evaluation.

1. Вводные замечания

Особый интерес современных лингвистических исследований вызывают вопросы о связи языка с миром человека, о том, каким образом ситуация общения обуславливает выбор языковых средств. При этом внимание ученых привлекает изучение речи различных социальных и возрастных групп [Акулова, 2016; Белова, 2015; Матвеева, 2014 и др.], в том числе изучение детской речи [Амзаракова, 2014; Лемяскина, 2018 и др.]. Исследование речи ребенка младшего школьного возраста заслуживает особого внимания, так как именно этот возрастной период, как отмечает И. А. Зимняя, выступает началом общественного бытия человека как субъекта деятельности [Зимняя, 2001: 226].

Цель данного исследования – выявление специфики обращений как способов вербализации оценивания в речи немецких детей младшего школьного возраста.

В качестве **объекта** исследования выступает речь немецкоговорящих детей младшего школьного возраста. Предметом исследования являются особенности вербализации оценивания в таком компоненте дискурса немецкого младшего школьника, как обращение.

В качестве **материала** исследования использованы речевые примеры, зафиксированные в анкетах и интервью, а также эпизоды с ситуациями обращения, полученные методом сплошной выборки из текстов детской художественной литературы.

Для раскрытия заявленной проблематики важно обратиться к характеристике дискурса младшего школьника. Дискурс младшего школьника определяется как речевая продукция, адресатом и/или адресантом которой является ребенок (в представленной работе – ребенок младшего школьного возраста). В данной речевой продукции отражаются механизмы рече- и словотворчества, опыт и психолингвистическая информация, свойственная детскому языковому сознанию [Кононова, 2013: 123]. А. Н. Приходько отмечает, что дискурс ребенка является бытовым, а его специфика определяется средой общения носителей языка [Приходько, 2009: 27]. При этом немаловажную роль играет социальное окружение, как один из факторов, влияющих на освоение речи ребенком. Кроме непосредственной речевой деятельности ребенка в процессе коммуникации (собственно-детский дискурс), в центре внимания лингвистов оказывается несобственно-детский дискурс, т. е. речь ребенка, представленная в тексте авторского произведения [Кононова, 2013: 123]. В текстах как собственно-, так и несобственно-детского дискурса, вербализуется детская языковая картина мира, игровое мышление ребенка, отображаются свойственная детям система ценностей и специфичное использование ими оценки как языкового факта.

Категория оценки в лингвистике рассматривается как универсальная категория, выражающая отношение говорящего к объекту действительности. В словаре лингвистических терминов понятие «оценка» – это суждение говорящего, его отношение – одобрение или неодобрение, желание, поощрение и т. п. – одна из основных частей стилистической коннотации [Ахманова, 2004: 305].

При этом одним из способов вербализации оценивания выступают обращения, несущие модально-оценочную семантику, которые определяются как прагматически ориентированные единицы, выражающие отношение говорящего к референциальному аспекту значения [Леонович, 1999].

2. Основные результаты исследования

В младшем школьном возрасте основным приемом оценивания ребенком внешнего мира выступает не смех и плач, как это было в раннем детстве, а язык. Ребенок вербализирует собственные представления о том, что «хорошо», а что «плохо». Г. Кезелинг отмечает, что отличительной характеристикой оценки младшего школьника является полярность [Keseling, 1978: 194]. Ребенок оценивает окружающих однозначно. Для детей 6-7 лет характерно использование абсолютной оценки. В их оценочных высказываниях отмечается использование полярных лексем «*gut, prima / schlecht*», «*klasse / dumm (doof)*». Однако постепенно палитра приемов вербализации оценивания расширяется. Все большую роль в речи начинают играть обращения, несущие модально-оценочную семантику. Остановимся подробнее на позитивно-одобрительном оценивании.

На лексическом уровне позитивно-одобрительное оценивание реализуется через выбор единиц с положительной коннотацией (*gut, klasse, prima*). Однако в составе обращений такие лексемы преимущественно выступают в форме суперлативов. Гиперболизация является типичной для речи школьника и придает оцениванию экспрессивность, которая также достигается за счет употребления тавтологических средств и усилительных частиц (*sehr sehr groß ...*, *sehr normal, unheimlich schlecht*). С целью упрощения или в ситуации оправдания ребенок обратится к бабушке или маме, используя следующие обращения: *eine sehr sehr gute Oma, die beste Mutter in der ganzen Welt*.

Подобное использование тавтологических единиц, с одной стороны, говорит об относительной бедности лексического состава и недостаточной зрелости семантической структуры слова в тезаурусе ребенка. С другой стороны, тавтология свидетельствует о стремлении ребенка к гипероценочности [Лебеденко, 2018: 151].

Следующим способом вербализации позитивно-положительного оценивания в речи младшего школьника выступают обращения, выраженные гипокористикой – уменьшительно-ласкательным именем. Наиболее употребительной является гипокористика, образованная от имени собственном посредством усечения и добавления суффикса *-i*. С ее помощью ребенок не только положительно оценивает адресата, но и подчеркивает доверительность отношений между говорящими: *Luki* от *Lukas*, *Philli* от *Philip*, *Tobi* от *Tobias*, *Michi* от *Michel*, *Juli* от *Julia* и др.

Использование вариантов с диминутивными суффиксами *-chen* и *-lein* подчеркивает положительное оценивание и придает высказыванию оттенок ласкательности (*Annelein, Marilein, Sophielein*).

В кругу семьи используются диминутивы, образованные от обозначений родства:

Vati / Papi, Mutti / Mami / Mumpsi, Omi, Opi.

Чем старше становится ребенок, тем чаще он использует в речи оценочные ласкательные имена, образованные путем метафорического переосмысления значения, вторичной номинации.

В семантике подобных обращений преобладают зоосемические основы: *Hasilein, Mausi, kleine Schnecke, kleine Schnucki.*

Распространенным является обращение, построенное на основе метафоры по признаку материальной ценности: *Schatz, Schätzchen, Goldschatz.*

Вкусовые ощущения также выступают основой для выражения отношения к собеседнику через переименование. Для немецкого языка типично обращение *mein Süßer / meine Süße, Süßling, Schokomaus, Honeyspatz.*

Однако с возрастом отношение к ласковому прозвищу и его употреблению в речи меняется. Ласкательные именованья дети более старшего возраста используют как дразнилки. Здесь ярко выражается стремление ребенка к словотворчеству, потребность в языковой игре для выражения своих эмоций и самоутверждения в мире сверстников. Ласкательное обращение используется для принижения статуса другого ребенка, приобретает отрицательную коннотацию. Рассмотрим пример из детской литературы: «*Hallo, Kleiner*», sagt Karl. «*Komischer Zufall, oder?*» sagt Karl. «*Ich hab dein Quix gefunden, Kleiner. Ist doch deins, oder?*» [Boie, 2002: 89]. На восприятие обращения в данной ситуации влияет экстралингвистический и лингвистический контекст. Лингвистический контекст выражается в семантике использованных единиц и агрессивности речи. Экстралингвистический контекст становится ясным из сюжета произведения: участники диалога – одноклассники Карл и Никлас, но Карл пытается возвыситься и всячески унижает Никласа, используя соответствующие речевые средства.

Далее перейдем к более подробной характеристике негативно-неодобрительного оценивания. В коммуникации между ровесниками или младшими по возрасту детьми школьники с легкостью «награждают» друг друга прилагательными с негативной оценкой. Основанием образования таких единиц выступают умственные и физические особенности человека: *doof, blöd, dumm: Blöder Klaus! Blöde Kuh! Blodes Vieh! Fette Kuh!*

С возрастом в речи ребенка появляются оценочные средства более сложной структуры – субстантивные композиты, содержащие словообразовательные элементы экспрессивной семантики: *Fettklops, Dickmadam, Fettwanz, Stinkbombe u. dp.* В следующем

примере оцениванию подвергается внешность ребенка. Адресант указывает на излишний вес адресата и призывает его освободить плавательную дорожку в бассейне:

Fettklops, du sollst die Bahn nicht verstopfen! [Lüdwig, 2015: 126].

Так же, как и в ситуации положительного оценивания, неодобрительное оценивание характеризуется гиперболизацией в речи ребенка. Например:

Super dummer Doofmann! Du hast doch alles kaputt gemacht! [Lüdwig 2015: 71].

В процессе игровой деятельности для выражения оценки действий коммуниканта младший школьник прибегает к использованию сниженной лексики, пейоративных форм, таких, как *Idiot, Arsch, Arschloch, Scheiße*, производных обращений от глаголов *ficken, furzen*.

Согласимся с замечанием Х. Коттхофф, что в данный возрастной период дети уже способны понимать табуированность некоторых сфер человеческой деятельности и показывают попытки соблюдения морально-этических норм в речевом общении [Kotthoff, 2003]. Для этого младший школьник пользуется перифразой и эвфемизмами. Например: *Ach leck mich doch irgendwo* вместо *Arsch*; *Scheibe* вместо *Scheiße*.

Кроме этого, в тезаурус ребенка постепенно начинают проникать пейоративные заимствования из английского языка, которые характерны для молодежного жаргона. Наиболее часто подобные единицы (*bitch, shit, bastard*) используют в речи мальчики 9–10 лет.

Коммуникация мальчиков этого возраста в целом характеризуется внешней ярко-выраженной вербальной грубостью, посредством которой коммуниканты «атакуют» друг друга. Однако обращения, содержащие негативные элементы значения, часто лишь подчеркивают принадлежность адресанта к «группе своих», демонстрируют «игру по правилам». Подобное агрессивное речевое поведение под названием *smack talk* («smack» – англ. «пощечина», «удар») возникло в процессе командных спортивных игр. Сегодня такой вид коммуникации отмечен в коллективных компьютерных играх онлайн, в процессе которых участники используют инвективные номинации, отпускают в адрес соперника оскорбительные шутки, хвастаются собственным превосходством и т. д. [Курьян, 2013: 116].

Особое место в коммуникации младших школьников и использовании оценки как факта языка занимают детские дразнилки. Хотя большая часть детских дразнилок является формально-мотивированной, т. е. образована на основе звуковых ассоциаций и рифмы (*Basti-Spasti, Kai-Osterei*), встречаются семантически-мотивированные фразы, рифмованные тексты различной сложности или одиночные наименования, отражающие разные основания для высмеивания [Лебедеко, 2017: 154]. При этом оцениваются умственные способности ребенка (*Ute – dumme Pute*), особенности поведения (*Heiner, der*

Weiner, den mag keiner), внешности (*Lene mit den krummen Beenen; Annete, die Fette, sitzt auf der Toilette*) и др.

Подчеркнем, что не только лица, но и предметы, окружающие ребенка, подвергаются негативному оцениванию. В отношении туфельки, которую ребенок не может найти, используется соответствующее обращение: *Wo ist er denn jetzt? Jetzt ist er wieder nicht da! Dummer Schuh!* К нелюбимому колючему свитеру ребенок обратится *Du, Affenpullover!* К высохшему фломастеру: *Blödes Ding!* Такие реплики ярко показывают постепенно уходящие черты эгоцентричности речи ребенка [Лебеденко, 2018: 128].

3. Выводы

В результате анализа эмпирического материала удалось прийти к выводам о специфике вербализации оценки в речи немецкого ребенка младшего школьного возраста. Она заключается в определенной динамике развития оценочных обращений в дискурсе младшего школьника. Для речи детей 6–7 лет характерно абсолютное оценивание, которое выражается посредством лексических единиц с полярной семантикой. Постепенно набор и структура оценочных средств усложняются. В образовании положительных оценочных обращений большую роль играют суффиксальное словообразование и метафоризация. Для негативно-неодобрительного оценивания характерно языковое творчество ребенка: гиперболизация, эвфемизмы, переосмысления и использование словообразовательных возможностей языка. Эти приемы позволяют ребенку вербализировать свое отношение к происходящему, оценить окружающий его социальный мир и осознать свое место в нем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акулова М. Е., Матвеева Г. Г. Особенности речевого поведения носителей молодежного мультиэтнолекта *Kiezdeutsch* (прагмалингвистический аспект) // Политическая лингвистика. 2016. № 1 (55). С. 136-143.
2. Амзаракова И. П. Проблемы и перспективы изучения детской речи // Вестник Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. Абакан, 2014. № 7. С. 12-16.
3. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: URSS, 2004. Изд. 5-е. 576 с.
4. Белова В. Ф. Сопоставительное исследование метафор в парламентском и публицистическом дискурсах на немецком языке // Политическая лингвистика, 2015. 2 (52) С. 122-129.
5. Зимняя И. А. Лингвопсихология речевой деятельности. М.: Изд-во Московского психолого-социального ин-та; Воронеж: НПО «МОДЭК», 2001. 432 с.
6. Кононова Ю. Н. Детский дискурс: аспектология и типология // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2013. № 3. С. 122-125.
7. Курьян М. Л. Функционирование стратегии обращения в дружеской межличностной коммуникации // Вестник Чувашского гос. пед. ун-та. 2013. № 1-1 (77). С. 112-118.
8. Лебеденко Г. А. Обращение в речи немецкого ребенка младшего школьного

возраста: прагмалингвистический аспект: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Пятигорск, 2018. 184 с.

9. Лебеденко Г. А. Структурно-семантические особенности и прагмалингвистический потенциал дразнилок в дискурсе немецкого младшего школьника // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. 2017. № 2. С. 152-159.

10. Лемяскина Н. А. Важнейшие составляющие образа мира современного младшего школьника // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива. 2018. № 2. С. 298-303.

11. Леонович Е. О. Прагматический аспект обращения (на материале английского языка): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Пятигорск, 1999. 207 с.

12. Матвеева Г. Г., Тактарова А. В. Речевые привычки журналиста на примере стратегии «Акцентуация автором элементов речевого события» // Вестник Волжского гос. ун-та им. В. Н. Татищева. 2014. № 4 (17). С. 252-258.

13. Приходько А. Н. Таксономические параметры дискурса // Язык. Текст. Дискурс: научный альманах Ставропольского отделения РАЛК. Ставрополь: Изд-во СГПИ, 2009. Вып. 7. С. 22-30.

14. Boie K. Nicht Chicago. Nicht hier. Hamburg: Oetinger Taschenbuch Verlag, 2002. 220 S.

15. Keseling G. «Gut» und «schlecht»: Affektive und emotionale Bestandteile in der Sprache des Schulkindes. Versuch einer ontogenetischen Rekonstruktion // Spracherwerb von 6 (sechs) und 16 (sechzehn): linguist., psychol., soziologische Grundlagen / Gerhard Augst (Hrsg.). 1. Aufl. Dusseldorf: Pad. Verl. Schwann, 1978. S. 192-208.

16. Kotthoff H. Witz komm raus! Komik und Humor bei Kindern: ein Überblick // TELEVISION. 2003. №1 (16). S. 4-11.

17. Lüdwig S. Klassentreffen bei Miss Braitwhistle. Hamburg: Dressler, 2015. 192 S.

REFERENCES

1. Akulova, M. E., Matveeva, G. G. (2016). Osobnosti rechevogo povedeniya nositeley molodezhnogo multietnolekta Kiezdeutsch (pragmalingvisticheskiy aspekt) [Peculiarities of verbal behavior of Kiezdeutsch speakers (pragmalinguistic aspect)]. In *Politicheskaya lingvistika*. 2016. No. 1 (55). Pp. 136-143. (In Russ.).

2. Amzarakova, I. P. (2014). Problemy i perspektivy izucheniya detskoy rechi [The Issues and Trends in the Study of Children's Speech]. In *Vestnik Khakasskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. F. Katanova*. Abakan. No. 7. Pp. 12-16. (In Russ.).

3. Akhmanova, O. S. (2004). *Slovar lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of linguistic terms]. M.: URSS. (In Russ.).

4. Belova, V. F. (2015). Sopostavitelnoe issledovanie metafor v parlamentskom i publitsisticheskom diskursakh na nemetskom yazyke [Comparative Research of metaphors in parliamentary and journalistic discourses in the German language]. In *Politicheskaya lingvistika*. No. 2 (52). Pp. 122-129. (In Russ.).

5. Zimnyaya, I. A. (2001). *Lingvopsikholgiya rechevoy deyatel'nosti* [Linguopsychics of the speech action]. M.: Izd-vo Moskovskogo psikhologo-social'nogo in-ta; Voronezh: NPO «MODEK». (In Russ.).

6. Kononova, Yu. N. (2013). Detskiy diskurs: aspektologiya i tipologiya [Children's discourse: aspectology and typology]. In *Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*. No. 3. Pp. 122-125. (In Russ.).

7. Kuryan, M. L. (2013). Funktsionirovanie strategii obrashcheniya v druzheskoy mezhlichnostnoy kommunikatsii [Functioning of strategy of address in friendly interpersonal communication]. In *Vestnik Chuvashskogo gos. ped. un-ta*. No. 1-1 (77). Pp. 112-118. (In Russ.).

8. Lebedenko, G. A. (2018). *Obrashchenie v rechi nemetszkogo rebenka mladshogo shkolnogo vozrasta: pragmalingvisticheskiy aspekt* [Forms of address in the speech of German junior schoolchild: pragmalinguistic aspect]: dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.04. Pyatigorsk. (In Russ.).

9. Lebedenko, G. A. (2017). *Strukturno-semanticheskie osobennosti i pragmalingvisticheskiy potentsial draznilok v diskurse nemetszkogo mladshogo shkolnika* [Structural-semantic features and pragmalinguistic potential of teasing rhymes in German junior schoolchild's discourse]. In *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie*. No. 2. Pp. 152-159. (In Russ.).

10. Lemyaskina, N. A. (2018). *Vazhneyshie sostavlyayushchie obraza mira sovremennogo mladshogo shkolnika* [The most important components of the image of the world of the modern younger schoolchild]. In *Uralskiy filologicheskiy vestnik. Seriya: Yazyk. Sistema. Lichnost: Lingvistika kreativa*. No. 2. Pp. 298-303. (In Russ.).

11. Leonovich, E. O. (1999). *Pragmaticheskiy aspekt obrashcheniya (na materiale angliyskogo yazyka)* [Pragmatic aspect of address (based on the English language)]: dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.04. Pyatigorsk. (In Russ.).

12. Matveeva, G. G., Taktarova, A. V. (2014). *Rechevye privychki zhurnalista na primere strategii «Aksentuatsiya avtorom elementov rechevogo sobytiya»* [Verbal habits of journalist as exemplified in the strategy «author's accentuation in elements of speech event»]. In *Vestnik Volzhskogo gos. un-ta im. V. N. Tatishcheva*. No. 4 (17). Pp. 252-258. (In Russ.).

13. Prikhodko, A. N. (2009). *Taksonomicheskie parametry diskursa* [Taxonomic characteristics of discourse]. In *Yazyk. Tekst. Diskurs*. Stavropol. No. 7. Pp. 22-30. (In Russ.).

14. Boie, K. (2002). *Nicht Chicago. Nicht hier*. Hamburg: Oetinger Taschenbuch Verlag.

15. Keseling, G. (1978) «Gut» und «schlecht»: Affektive und emotionale Bestandteile in der Sprache des Schulkindes. Versuch einer ontogenetischen Rekonstruktion. In *Spracherwerb von 6 (sechs) und 16 (sechzehn): linguist., psychol., soziologische Grundlagen*. Aufl. Dusseldorf: Pad. Verl. Schwann.

16. Kotthoff, H. (2003). *Witz komm raus! Komik und Humor bei Kindern: ein Überblick*. In *TELEVIZION*. No. 1 (16). S. 4-11.

17. Lüdwig, S. (2015). *Klassentreffen bei Miss Braitwhistle*. Hamburg: Dressler.

Лебеденко Галина Александровна – преподаватель кафедры германистики и межкультурной коммуникации (e-mail: g-lebedenko@mail.ru), Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Пятигорский государственный университет» 357502 Пятигорск, проспект Кирова 63

Lebedenko Galina A. – Lecturer at the Department of Germanistics and Intercultural Communication (e-mail: g-lebedenko@mail.ru), Federal State Budget Educational Institution of Higher Education «Pyatigorsk State University» 63 Kirova, Pyatigorsk, 357502

Поступила в редакцию 01 ноября 2018 г.

УДК 81-26

© 2018 Н. А. Новоградская-Морская

АНГЛОЯЗЫЧНЫЕ ТЕЛЕВИЗИОННЫЕ ИНФОРМАЦИОННЫЕ СООБЩЕНИЯ: ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Статья посвящена анализу лингвистических и экстралингвистических особенностей англоязычных телевизионных информационных сообщений из телепрограмм британского и американского телевидения с целью дальнейшего использования в обучении аудированию студентов. Определяются композиционно-речевые формы информационных телевизионных сообщений, дается их лексико-грамматический и синтаксический анализ, выявляются языковые трудности. Выясняются функциональные особенности паралингвистической и экстралингвистической информации телевизионной программы и их значение в восприятии сообщения.

Ключевые слова: англоязычные телевизионные информационные сообщения, телевизионные программы, лингвистические и экстралингвистические особенности, композиционно-речевые формы.

© 2018 N. A. Novogradskaya-Morskaya

ENGLISH NEWS ITEMS: A PHILOLOGICAL ASPECT

The prime concern of the paper is the analysis of linguistic and extralinguistic features of English news items on the British and American television for further use in teaching students listening. Compositional speaking forms of TV news items have been defined, their lexical, grammatical and syntactic analysis has been carried out and the language difficulties have been described. Functional features of the paralinguistic and extralinguistic information of the television programs and their role in a message perception have been revealed.

Key words: English language news items, television programs, linguistic, extralinguistic features, compositional speaking forms.

1. Вводные замечания. Телевизионная информация включает языковой, изобразительный и звуковой компоненты. В своем единстве они адресованы большой аудитории, чем и обусловлен функциональный подход к изучению телевизионной речи информационных программ. Телевидение создает определенную культуру, выполняя информационные и образовательные функции. Необходимость формирования умений профессионально ориентированного аудирования с использованием аутентичных телевизионных программ, высокий лингводидактичный, профессиональный потенциал этих программ и недостаточная разработанность этих вопросов обусловили актуальность данного исследования.

Большинство исследователей согласны с тем, что речь постоянно меняется. История лингвистической эволюции и, конечно же, то, что мы можем наблюдать в ранних исторических записях, демонстрирует, что языковые вариации и изменения возникают

в результате процессов, происходящих между ораторами во время живого социального взаимодействия. Когда люди разговаривают друг с другом, небольшие корректировки производятся на индивидуальном уровне и, со временем, эти сдвиги могут привести к системным изменениям на уровне сообщества [Stuart-Smith, 2013: 501].

Речь ведущих программ и журналистов на телевидении все больше приближается к разговорной речи и, в свою очередь, формирует ее. Средства массовой информации в значительной степени определяют нормы языка и общения. Таким образом, телевизионная речь интересна как явление современной словесной реальности [Ковальчук, 2008]. Анализу жанровых и стилистических особенностей телевизионных англоязычных бизнес-программ была посвящена предыдущая работа автора. Была определена композиционная модель телепрограммы и социолингвистическая структура телевизионного информационного сообщения (ТИС) [Новоградская-Морская, 2018].

Целью статьи является анализ лингвистических и экстралингвистических особенностей англоязычных ТИС из телепрограмм HighTech (NBC), Story Board (CNBC), World Business Report (BBC) с задачей дальнейшего использования в обучении аудированию студентов. Было отобрано 12 информационных сообщений из англоязычных телепередач по 500 знаменательных слов каждый, – в соответствии с требованиями лингвостатистического анализа. Общий объем выборки составил 1500 предложений. Предметом исследования являются устные тексты, а также паралингвистический и экстралингвистический компоненты англоязычных телепередач.

2. Композиционно-речевые формы ТИС. Как известно, основным элементом общения является высказывание, которое берется за основу классификации композиционно-речевых форм (КРФ). По словам Н. В. Бессмертной, композиционно-речевые формы – это формы речемыслительной деятельности. С одной стороны, они являются формами процесса мышления, а с другой – формами речевой коммуникации, которая обеспечивает взаимодействие между языком и содержанием [Бессмертная, 1972]. Типичные КРФ включают КРФ-сообщение, КРФ-описание, КРФ-рассуждение (размышление).

КРФ-сообщение является ведущей формой повествования в художественной прозе, разновидности которых включают сообщения о событиях, переживаниях, настроении и сообщения о фактах (констатирующий рассказ).

КРФ-описание включает статические и динамические описания в зависимости от объекта. В статическом описании предметы изображаются в их качественной определенности, стабильности и неизменности в отдельный промежуток времени.

В динамическом описании, при котором предметы изображаются в процессе их изменения и перемещения относительно друг друга, можно выделить описание предметов, действий, процессов и внутреннего состояния героев. В КРФ-рассуждении предметное содержание определяется логическим развитием мыслей, рассуждениями по поводу какой-либо темы или проблемы. Ее основными разновидностями можно считать разъяснения, комментарии, а также размышления о событиях, связанных с главной темой какими-либо ассоциативными связями. Н. В. Бессмертная, Г. А. Гринюк, Г. П. Лытнева, И. С. Онисина и другие исследователи утверждают, что тексты ТИС имеют три основных КРФ: сообщение, описание и рассуждение. В телевизионных сообщениях речь идет о фактах действительности, которые имеют место, например, в деловой среде, и случаются последовательно; в описаниях изображаются факты действительности, связанные пространственными отношениями, например, новые товары; в рассуждениях автор размышляет относительно определенных фактов, подключая причинно-следственные отношения, например, причины снижения спроса на товары.

Приведем примеры трех основных КРФ ТИС:

Boss suit is a steady symbol for many men and a money maker for the best known German Fashion House. The company reports about 10% more in profits in 2007 despite the struggle in Europe. Hugo Boss says that it points out its fashion plans towards China that's where the company sees the biggest future demand for Hugo Boss fashion. Because of the increase in demand in China Boss plans to double the number of stores in the next four years (КРФ-сообщение).

First of all, we put the handset back and see advertising spot here. We call it an attract tub. It has Christmas greetings and information services for voters as for coming elections. If you pick up the receiver you will hear fine music. Traditional pay-in-phones don't have fine ring tone. Listen to it! (КРФ-описание).

The plasma display boards are thinner and wider than normal television sets. They are only 97 mm thin. They have been put in sale at the Winter Olympics exhibition, but these models are still for the richest consumers. They cost about 10000 dollars, that is 300-400 dollars for inch. The first barrier is price. They need to bring it down to \$100 for inch to compete with normal TVs. Normally, 1ml TVs are sold on the world market. We think in a few years we can have 3-4% – 3 ml units (КРФ-рассуждение).

Эти типы КРФ включают также переходные формы: сообщение с элементами описания, сообщение-размышление, сообщение-рассказ, сообщение-оценка. Содержательная часть телепередачи, разделенная нами на сегменты, охватывает все эти

типы КРФ. Например: в передаче HighTech 2000 Боб Никсон объявляет о создании компанией I-Magic INFOMEDIA нового телефонного аппарата для общественного пользования: *«When Alexander Bell invented his telephone a century ago, his first words saying into a microphone were: «Watson, come here!» Probably he wanted to tell him how much money he is going to make. Telephoning has gone through staggering changes: mobile phones, internet phones, network telephoning, even pay-in-phones are not what they used to be». Our guest today is Dorothy Tsang, executive director of I-Magic INFOMEDIA, makers of new power phones. Welcome to HighTech 2000! What's a power phone? You've got it here* (сообщение-рассказ). Этот тип КРФ характеризуется такими чертами, как логичность, объективность, нейтральность, фактичность и эмоциональность.

Представитель компании делает свое сообщение с элементами описания: *«Nice being here. Let me start telling you about the basic differences between traditional pay-in-phone and a power phone. First of all, the pay-in-phone has a hard key and our telephone has a soft key and a touch screen. If you pick up a handset you hear music. The screen has an ad spot ...»*.

Приведем примеры остальных переходных КРФ:

The events are beginning to swing back into PDP's favour. It has a crystal display, it requires much less power. Makers of PDP are offering brighter images and better contrasts.

Consumers are demanding high-tech products sitting in the digital living-rooms. PDP will look as a bridge between PC and television. Consumers want the displays fully compatible with new digital technology like a digital visual disk (сообщение с элементами оценки).

There is another PR disaster for one of the giants of motor industry. The future of its car divisions is in doubt after the German company Daimler-Chrysler pulled down the rescue plan last week (сообщение-размышление).

Для этих типов КРФ свойственны такие черты, как точность, ясность, наглядность, конкретность.

3. Лексико-грамматический анализ ТИС. Для того, чтобы научить понимать телевизионную информацию, необходимо провести лексико-грамматический анализ ТИС. Было отобрано 12 информационных сообщений из англоязычных телепередач по 500 знаменательных слов каждый – в соответствии с требованиями лингвостатистического анализа [Гринюк, 1986]. Общий объем выборки составил 1500 предложений. При анализе лексического компонента ТИС за основу были взяты предложенные Л. Ю. Кулиш терминологические, общенаучные и общеупотребительные слои лексики [Кулиш, 1976]. Лексический материал ТИС был разделен на общепринятую,

общенаучную, специальную терминологическую лексику, к которой относятся также аббревиатуры, и сленг.

Таблица 1. *Терминологическая, общенаучная и общеупотребительная лексика в ТИС*

Лексический материал	Ведущий программы	Гость студии
Общеупотребительная лексика	55%	65%
Общенаучная лексика	25%	17%
Терминологическая лексика, аббревиатуры	19%	11%
Сленг	1%	7%
Всего	100%	100%

Таблица показывает, что общеупотребительная лексика используется в речи ведущих и гостей студии широко (55% и 65% соответственно). На втором месте – общенаучная лексика (25% и 17% соответственно), термины, включая аббревиатуры, составляют 17% и 11%, а процент сленга является относительно незначительным – 1% и 7% соответственно.

Лингвистические или языковые трудности подразделяются на фонетические, лексические и грамматические [Прусаков, 1981]. Фонетические трудности аудирования ТИС включают: отсутствие четкого раздела между звуками в слове и между словами в предложении; непохожесть графического и звукового образов слова; различные смысловые значения, которые передают длинные и короткие звуки, а также открытость, закрытость, изменение звучания некоторых слов под влиянием ассимиляции. Проблемой является неполное произношение некоторых грамматических конструкций: *they will – they'll; she has – she's; he is – he's*.

Лексические трудности традиционно связаны с наличием омонимов: *record* – запись, рекорд, репутация; *allowance* – технический допуск, часть прибыли без налогообложения; *security* – безопасность, залог, ценные бумаги. Терминологическая насыщенность также является большим препятствием в понимании: *lame duck* – слабая компания, *face value* – номинальная стоимость, *feather bedding* – трудоустройство большого количества рабочих. Омофоны препятствуют пониманию высказываний: *knew – new, buy – by, week – weak, bank (financial institute) – bank (of the river), whole – hole*.

Грамматические трудности содержат такие явления, как фразовые глаголы, инфинитивные конструкции, конструкции с герундием. Например: *They want to lay off their workers. If expenditure exceeds revenue The company's breaking into this market is the main event of the year. More money is needed to offset the financial loss.*

Стилистические особенности также затрудняют понимание телевизионного вещания: инверсия – *had they forecast the situation the company would not have had so many troubles*; предложения без союзов: *he told us he would come*. Имеются трудности с пониманием языковых реалий, к которым относятся географические названия, названия учреждений, организаций, исторических фактов, праздников, традиций и тому подобное. Например: *Yard* – Скотленд-Ярд, *WTO* – Всемирная Торговая Организация, *Middle East* – Ближний Восток, *Fleet street* – пресса, *Netscape Communication* – название компании и тому подобное. В отобранных фрагментах телепередач используются также имена, аббревиатуры, цифры, даты, – они несколько затрудняют восприятие текста ТИС. Например: *MPs* – парламентарии, *PM* – премьер-министр, *EU* – Европейский Союз, *PDP* (*plasma display boards*), *OPEC*, *GDP*, *GNP*.

Язык ТИС характеризуется наличием атрибутивных конструкций, бессоюзных цепочек существительных, которые присущи аналитической природе современного английского языка. Атрибутивные конструкции представлены различными частями речи:

1) цепочка существительных: *day-to-day management, consumer products market share, London Stock Exchange, image corporation category*;

2) существительное и причастие прошедшего или настоящего времени: *state-owned companies, match-making systems, film-making process*;

3) наречие и причастие прошедшего времени: *heavily-traded shares, technically inclined people, still unexplored regions*;

4) прилагательное и существительное: *cost-effective production, ill-gotten profits, all customers 'needs, low-level production*;

5) прилагательное и причастие прошедшего времени: *best-known product, British made computers, old-fashioned management*.

Одной из языковых особенностей ТИС является использование интернациональных слов, которые легко воспринимаются на слух и не требуют дополнительной семантизации. Например: *management, distribution, technical, exploit, signal, multimedia, process, aspect, image, marketing*. К этому перечню можно добавить и слова, вошедшие в нашу жизнь сравнительно недавно: *provider, browsers, net, web, HighTech, merchandise, venture, brands*.

4. Синтаксические особенности ТИС. Следует отметить, что ТИС содержат фрагменты телепередач, в которых принимают участие представители различных профессий и групп населения. Если речь дикторов, ведущих телепрограмм, комментаторов и тележурналистов является образцом литературного языка, хотя и

эмфатична, в зависимости от контекста «emphatic, context-dependent discourse» – по терминологии американских исследователей [Sardinha, Pinto, 2017], то речь гостей телепередачи иногда лишена многих атрибутов правильности. Лучше воспринимается речь «хозяев» телепередачи, а именно, сообщение-описание при совпадении аудио- и видеорядов или преобладании видеоряда. На основании лингвостатистического анализа выделено три типа предложений, наиболее часто встречающихся в ТИС. Тип 1: простые предложения (средняя длина – 5 слов), 650 предложений. Тип 2: сложноподчиненные предложения, состоящие из двух структурных частей (средняя длина предложения – 9 слов), 405 предложений. Тип 3: сложносочиненные предложения, содержащие две структурные части (средняя длина предложения – 17 слов), 445 предложений (см. табл. 2).

Таблица 2. Синтаксическая характеристика ТИС

Типы предложений	Количество предложений	Ведущий программы, кол-во предложений (%)	Гость программы, кол-во предложений (%)
1. Простые	650	360 (60%)	624 (78%)
2. Сложносочиненные	405	102 (17%)	40 (5%)
3. Сложноподчиненные	445	138 (23%)	136 (17%)
Всего	1500	600 (100%)	800 (100%)

Как видно из таблицы, в речи ведущих и участников программы преобладают простые предложения (60% – 78% соответственно); на втором месте – сложносочиненные, и затем – сложноподчиненные предложения (17% – 5%, 23% – 17% соответственно). Наблюдения показали, что тяжелее воспринимаются на слух сложноподчиненные и сложносочиненные предложения. Это выяснилось из результатов контроля аудирования у 44 студентов 2-го курса направления подготовки «Менеджмент». Контроль базировался на соотношении количества понятных для студентов фактов и общего количества фактов информации в аудиотексте. Коэффициент восприятия 0,7 (70%) принимался как удовлетворительный уровень понимания.

5. Паралингвистические и экстралингвистические элементы информации ТИС.

Аудирование ТИС включает видеоряд, который является важным элементом восприятия информации. Паралингвистические и экстралингвистические средства общения стали объектом исследования многих ученых [Колшанский, 1974; 1976; Смирнова, 1973; Бацевич, 2004 и др.].

Прежде чем коснуться паралингвистических и экстралингвистических элементов в ТИС и их функций в восприятии, поясним, что мы понимаем под этими понятиями.

Паралингвистические средства – функционально оправданные проявления физического состояния говорящих, которые сопровождают речевое высказывание и влияют на его структуру таким образом, что передача общего содержания высказываний достигается совокупностью лингвистических и паралингвистических средств [Колшанский, 1974: 30]. Во время невербального общения коммуниканты могут получить определенную информацию о личности друг друга и об их отношении к предмету обсуждения. Функциями невербальных сообщений могут стать: дополнения или объяснения вербального сообщения, отрицание вербального сообщения, регулирование сообщения.

Итак, одной из характеристик телевизионной передачи является наличие разнообразной паралингвистической и экстралингвистической информации, которая имеет свои функциональные особенности: объяснение, привлечение, обучение. Экстралингвистическая часть передачи включает множество элементов: это кадры, на фоне которых происходят события; поведение участников программы (жесты, мимика, манеры, движения); фоновая музыка, сопровождающая показ; различные объекты: предметы, интерьер студии, одежда участников, атмосфера, настроение собеседников. Все это несет определенную информацию, привлекает внимание и помогает в понимании текста, дает информацию о стране изучаемого языка.

6. Выводы. Учитывая изложенное выше, ТИС представляют собой интересный материал для анализа филологам и методистам. Результаты исследования особенностей восприятия телевизионных сообщений позволили определить основные композиционно-речевые формы ТИС: сообщение, описание и рассуждение. В результате проведения лексико-грамматического и синтаксического анализов было выяснено, что в текстах ТИС, наряду с общими для аудирования иноязычной речи трудностями, имеются характерные сложности, включающие языковые реалии, аббревиатуры, цифры, статистические данные, атрибутивные конструкции и т. д. Поэтому первым этапом работы студентов с ТИС может быть выполнение разнообразных упражнений по преодолению этих трудностей. Также были выявлены функции паралингвистической и экстралингвистической информации ТИС в процессе восприятия, а именно: функции объяснения, привлечения и обучения, которые способствуют пониманию текста.

Таким образом, особенности телевизионной речи в контексте информационных телевизионных сообщений дают нам возможность эффективно использовать их в обучении студентов профессионально-ориентированному аудированию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бацевич Ф. С. Основы комунікативної лінгвістики. Київ: Академія, 2004. 344 с.
2. Бессмертная Н. В. Речевая форма «динамическое описание» и ее лингвистическая характеристика: дисс. ... канд. филологических наук: 10.02.04. Киев, 1972. 224 с.
3. Гринюк Г. А. Обучение различным видам чтения с учётом типологии текстов по уровню сложности // Текстуальная лингвистика и обучение чтению и аудированию на иностранных языках. Киев: КГПИИЯ. 1986. С. 88-101.
4. Ковальчук Г. Л. Языковые и стилистические особенности телевизионной речи в информационных программах телеканалов республики Татарстан (на материале информационных выпусков 2002-2007 гг.): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.10. Казань: КФУ, 2008. – 16 с.
5. Колшанский Г. В. Проблемы коммуникативной лингвистики // Вопросы языкознания. Москва, 1976. № 6. С. 51-59.
6. Колшанский Г. В. Паралингвистика. Москва: Наука, 1974. 81 с.
7. Кулиш Л. Ю. Виды аудирования // Вопросы языковой структуры. Киев: Высшая школа, 1976. 254 с.
8. Новоградская-Морская Н. А. Жанровые, стилистические и лингвистические особенности телевизионных англоязычных бизнес программ // Филологический аспект. Нижний Новгород, 2018. №1 (33). С. 49-59.
9. Прусаков Н. Н. Трудности при обучении аудированию иноязычного звучащего текста // Иностранные языки в школе. Москва, 1981. № 3. С. 57-61.
10. Смирнова Н. И. Невербальные аспекты коммуникации на материале русского и английского языков: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Москва, 1973. – 21 с.
11. Stuart-Smith J., Pryce G. Television can also be a factor in language change: evidence from an urban dialect // Language. September 2013. Vol. 89. N 3. Pp. 501-536. Available at: <https://www.linguisticsociety.org/content/volume-89-number-3-septembe>. (accessed: 25.02.2018).
12. Sardinha T., Pinto M. A American television and off-screen registers: a corpus-based comparison // Corpora. April 2017. N 12 (1), pp. 85-114. Available at: <https://scholar.google.com/citations?user=T8z7TwwAAAAJ&hl=zh-CN>. (accessed: 25.02.2018).

REFERENCES

1. Batsevych, F. S. (2004). *Osnovy kommunikativnoyi lingvistyky* [The basics of communicative linguistics]. Kyiv: Academia. (In Ukr.).
2. Bessmertnaya, N. V. (1972). *Rehevaya forma «dinamicheskoe opisanie» i ee lingvisticheskaya kharakteristika* [Speech form «dynamic description» and its linguistic characteristics]: diss. ... kand. filol. nauk: 10.02.04. Kiev. (In Russ.).
3. Grinyuk, G. A. (1986) Obuchenie razlichnym vidam chteniya s uchyetom tipologii tekstov po urovnyu slozhnosti [Teaching various types of reading, taking into account the typology of texts of the level of complexity]. In *Tekstualnaya lingvistika i obuchenie chteniyu i audirovaniyu na inostrannykh yazykakh*. Kiev. Pp. 88-101. (In Russ.).
4. Kovalchuk, G. L. (2008). *Yazykovye i stilisticheskie osobennosti televizionnoy rechi v informatsionnykh programmakh telekanalov respubliki Tatarstan (na materiale informatsionnykh vypuskov 2002-2007 gg.)* [Language and Stylistic Features of Television Speech in Information Programs of TV Channels of the Republic of Tatarstan]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.01.10. Kazan. (In Russ.).
5. Kolshanskiy, G. V. (1976). Problemy kommunikativnoy lingvistiki [Problems of communicative linguistics]. In *Voprosy yazykoznaneya*. Moskva. No. 6. Pp. 51-59. (In Russ.).
6. Kolshanskiy, G. V. (1974). *Paralingvistika* [Paralinguistics]. Moskva: Nauka. (In Russ.).

7. Kulish, L. Yu. (1976). Vidy audirovaniya [Types of listening comprehension]. In *Voprosy yazykovoy struktury*. Kiev: Visshaya shkola. (In Russ.).

8. Novogradskaya-Morskaya, N. A. (2018). Zhanrovye, stilisticheskie i lingvisticheskie osobennosti televisionnykh angloyazychnykh biznes programm [Genre, stylistic and linguistic features of television English-language business programs]. In *Filologicheskiy aspekt*. Nizhniy Novgorod. No. 1 (33). Pp. 49-59. (In Russ.).

9. Prusakov, N. N. (1981). Trudnosti pri obuchenii audirovaniyu inoyazychnogo zvuchashchego teksta [Difficulties in teaching listening to a foreign-sounding text]. In *Inostrannye yazyki v shkole*. Moskva. No. 3. Pp. 57-61. (In Russ.).

10. Smirnova, N. I. (1973). *Neverbalnye aspekty kommunikatsii na materiale russkogo i angliyskogo yazykov* [Nonverbal aspects of communication on the material of Russian and English languages]: avtorefer. diss. ... kand. filol. nauk: 10.02.04. Moskva. (In Russ.).

11. Stuart-Smith, J., Pryce, G. (2013). Television can also be a factor in language change: evidence from an urban dialect. In *Language*. September 2013. Vol. 89. No. 3. Pp. 501-536. Available at: <https://www.linguisticsociety.org/content/volume-89-number-3-septembe>. (accessed: 25.02.2018).

12. Sardinha, T., Pinto, M. (2017). An American television and off-screen registers: a corpus-based comparison. In *Corpora*. April 2017. No. 12 (1). Pp. 85-114. Available at: <https://scholar.google.com/citations?user=T8z7TwwAAAAJ&hl=zh-CN>. (accessed: 25.02.2018).

Новоградская-Морская Нинель Антоновна –
кандидат педагогических наук, доцент
кафедры иностранных языков
(e-mail: nnovogradskaya@mail.ru),
Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Донецкая академия управления
и государственной службы при Главе Донецкой
Народной Республики»
283015, Донецк, ул. Челюскинцев, 163а

Novogradskaya-Morskaya Ninel A. –
Candidate of Pedagogy, Associate Professor of
Foreign Languages Department
(e-mail: nnovogradskaya@mail.ru),
State Educational Institution of Higher
Professional Education «Donetsk Academy of
Management and Public Administration under the
aegis of the Head of Donetsk People's Republic»
163f Chelyuskintsev, Donetsk, 283015

Поступила в редакцию 14 июня 2018 г.

СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ С СЕМОЙ 'ЦВЕТ' В НЕМЕЦКИХ ТЕКСТАХ XVI–XVII ВЕКОВ

Статья посвящена изучению существительных с семой 'цвет' в немецких текстах разных жанров XVI-XVII веков. Рассматриваются семантические особенности и лексическая сочетаемость исследуемых существительных, изучается развитие лексемного состава анализируемых единиц.

Ключевые слова: *сема, существительное, цвет, цветообозначение, XVI-XVII века.*

NOUNS WITH THE SEME 'COLOUR' IN GERMAN TEXTS OF THE XVI-XVII CENTURIES

This paper is concerned with the study of nouns with the seme 'colour' in german texts of different genres dating from the XVI-XVII centuries. The semantic peculiarities as well as the syntagmatic properties of the nouns under study have been described. The development of the lexeme composition of the units in question has been traced.

Key words: *seme, noun, colour, colour name, XVI-XVII centuries.*

1. Вводные замечания. Современные исследования в области диахронии немецкого языка характеризуются разносторонностью проблематики [Калиущенко, 2017; Шавкун, 1999; Ягупова, 2016; Jagupova, 2013; Ring, 2008; Schulz, 2002]. Одно из ведущих мест занимают работы, посвященные некоторым цветообозначениям (далее – ЦО) [Розен, 2000; König, 1928; Oguu, 2010] различных исторических периодов.

Несмотря на усиленный интерес лингвистов к ЦО, они, как правило, ограничиваются изучением прилагательных, тогда как вопрос развития лексико-семантической группы существительных с семой 'цвет' в немецком языке остается недостаточно освещенным. Именно этим обусловлена актуальность данного исследования.

В предложенной статье дается общая характеристика существительных с семой 'цвет' в XVI–XVII вв., с учетом их структурно-семантических особенностей, сочетаемости в корпусе текстов разных жанров, прослеживается появление новых терминов, которые могут использоваться как ЦО.

Эмпирический материал отобран из корпуса немецкоязычных текстов разных жанров XVI-XVII вв., на основе которого проведено данное и ряд других исследований автора [Ус, 2016; Ус, 2017; Us, 2013].

2. Существительные с семой 'красный'. Исследовательский корпус текстов XVI в. содержит такие существительные с семой 'красный': *Purpur* 'пурпур' (59 словоупотреблений

(далее – СУ)), *Scharlach* 'багрянец', 'ткань багряного цвета' (32 СУ), *Morgenröte* (18 СУ), *Morgenrot* 'утренняя заря' (3 СУ), *Röte* 'покраснение, румянец'. Повышенной частотностью отличаются *Purpur*, *Scharlach*, *Morgenröte* благодаря частому употреблению в Библии М. Лютера.

От прилагательного *rot* образовано существительное *Röte*, известное еще в двн. период [AWB, 1995: 241]. В лирических текстах XVI в. *Röte* обозначает 'покраснение, румянец': *Ihr wängelein <...> mit röte zu viel vermischet <...>* [Fischart, 1895: 362] 'Ее щека сильно покраснела'.

Rot- является первым компонентом композитов *Rothturm* 'красная башня' (2 СУ), *Rotäugl* 'плотва'. В анализированных текстах зафиксированы также лексемы, где ЦО *-rot*, *-röte* – второй компонент: *Morgenrot*, *Morgenröte*.

Для лексемы *Morgenrot* характерны следующие значения: 1) это – красный цвет неба перед восходом и во время восхода солнца; 2) *das Morgenrot* обозначает определенный отрезок суток; 3) эта лексема употребляется в метафорическом значении и имеет позитивную коннотацию [DWB 6, 1984: 4453-6596].

Существительные *Morgenrot* и *Morgenröte* имеют древнюю историю в немецком языке. В Библии М. Лютера последняя лексема зафиксирована 16 раз прежде всего в символическом значении. Утром начинаются важные дела, важные события, напр.: *Als nun die Morgenröte aufging, drängten die Engel Lot zu Eile <...>* [Luther, 1991: 20] 'Как только занялась утренняя заря, ангелы стали торопить Лота'.

Утренняя заря – награда за хорошие поступки, с ней сравнивают девичью красоту, напр.: *Wer ist sie, die hervorbricht wie die Morgenröte, schön wie der Mond <...>* [Luther, 1991: 660]. 'Кто она, та, которая появляется, будто утренняя заря, красивая, как месяц'.

Пожелание не увидеть рассвет является одним из суровых наказаний. Так, в библейской «Книге Хиоба» он проклинает день своего рождения и желает, чтобы ночь никогда не встречалась с утренней зарей, потому что она не помешала его матери и не скрыла беду от него: *Die Nacht hoffe aufs Licht, doch es komme nicht, und sie sehe nicht die Wimpern der Morgenröte <...>* [Luther, 1991: 525] 'Ночь надеется на свет, однако его не будет, и она не увидит ресниц утренней зари'.

В народных песнях зафиксирован случай персонификации существительного *Morgenrot*: *Das Morgenrot ist weit, es streut schon seine Rosen; ade, du schöne Maid* [Deutsche Volkslieder, 1998: 69] 'Утренняя заря далеко, она уже рассыпает свои розы; прощай, красивая девушка'.

Отобранные из текста Библии существительные *Purpur* и *Scharlach* используются для

обозначения дорогой одежды или ткани соответственного оттенка. Такие вещи применялись во время жертвоприношения, для украшения храма, одежды священников и королей.

В исследованных текстах *Purpur*- выступает первым компонентом композитов *Purpurmantel* (3 СУ), *Purpurgewand* (2 СУ) ‘пурпурная мантия’, *Purpurkleider* ‘пурпурный наряд’, *Purpurwolle* ‘пурпурная шерсть’, а *Scharlach*- – *Scharlachwolle* ‘шерсть темно-красного цвета’.

Употребление лексем *Purpurkleider*, *Purpurwolle* в Библии подчеркивает связь с богатством, властью, напр.: <...> *und Purpurkleider, die die Könige* <...> *getragen hatten* <...> [Luther, 1991: 321] ‘и пурпурный наряд, который носили короли’.

В корпусе текстов XVII в. в группу лексем с семой ‘красный’ входят такие существительные: *Morgenröte* ‘утренняя заря’ (5 СУ), *Purpur* ‘пурпур’ (5 СУ), *Rubin* ‘рубин’ (5 СУ), *Aurora* ‘утренняя заря’ (2 СУ), *Corall* ‘коралл’ (2 СУ), *Rose* ‘роза’ (2 СУ), *Scharlach* ‘багрянец’ (2 СУ), *Karmesin* ‘кармезин’, *Röte* ‘покраснение, румянец’, *Zinnober* ‘киноварь’. К данной группе следует также отнести лексему *Zornröthe / Zornesröthe* ‘покраснение от гнева’.

В текстах XVII в. для обозначения утренней зари употребляется не только существительное *Morgenröte*, но и его латинский эквивалент *Aurora*.

В лирических произведениях зафиксирован ряд существительных с семой ‘красный’, образованных в результате метафорического переноса. Источником создания ЦО могут выступать разнообразные красители, а именно: *Karmesin*, *Purpur*, *Scharlach*.

Существительное *Purpur* традиционно передает цвет дорогой ткани. В одном случае К. Гоффманнсвальдау создает с помощью ЦО *Purpur* привлекательный метафорический образ женских уст, напр.: *Mund! Laß mich einen kuß auff deinen purpur setzen* [Hoffmannswaldau, 1838: 74] ‘Уста! Позвольте мне поцеловать Ваш пурпур’.

В единичных случаях *Purpur* употребляется как первый компонент композитов *Purpurschein* ‘пурпурное сияние’, *Purpurtod* ‘пурпурная смерть’. Существительное *Purpurschein* становится синонимом к *Morgenröte*. Лексема *Purpurtod* выступает антонимом к более привычному образу бледной смерти – *Bleichtod*.

Касательно лица один из авторов употребляет *Scharlach*, контекст способствует выявлению негативного оценочного значения данного ЦО: *Wie scharlach, vnd wie rotes blut von sünden bin geferbet* [Spee, 1968: 52]. ‘В багрянец и в красный цвет крови окрасили меня грехи’.

А. Силезиус находит другую метафору и сравнивает девичьи уста с кармезиновым платком. Очевидно, в то время кармезин был ценным красителем, который высоко ценили:

Deine Lippen <...> sind ein Tuch von Kermesin [Silesius, 1952: 85] 'Твои уста, как платок из кармезина'.

Рубины и кораллы определяют прежде всего цвет уст. Рубин упоминается и при изображении груди: <...> *zwo brüste, wo rubin durch alabaster bricht* [Hoffmannswaldau, 1838: 88] 'Две груди, где рубин разбивается об алебастр'.

По одному разу *Corall-* и *Rubin-* выступают первыми компонентами композитов *Corallenmund* 'коралловые уста', *Corallenschein* 'коралловое сияние', *Rubinenmund* 'рубиновые уста'. Лексема *Rose*, как и красители, передает цвет уст и щек, напр.: *Die rosen krönten ihr die wangen und den mund* [Hoffmannswaldau, 1838: 46] 'Розы увенчивают ее щеки и уста'.

Аналогичное значение реализует существительное *Röte*, оппозицию к которому образует *Todtenblasse*, напр.: *Nein! Nein! Hier ist kein tod. / Der reinen röthe prangen / Das lebet hier so gut als auff Aurorens wangen* [Hoffmannswaldau, 1838: 87] 'Нет! Нет! Здесь смерти нет. Румянец играет, он тут такой же красивый, как на щеках Авроры'.

3. Существительные с семой 'белый'. В текстах, датированных XVI в., зафиксировано субстантивированное прилагательное *Weiß* 'белый цвет' (3 СУ) для обозначения цвета одежды, напр.: *In weiß das erste fräulein edel* [Sachs, 1885: 34] 'В белом первая благородная женщина'.

Кроме этого, ЦО *weiß* является первым компонентом существительного *Weißfisch* 'елец'.

Из текстов XVII в. также отобрано субстантивированное прилагательное *Weiß* (5 СУ) 'белый цвет', дважды *Weiß-* является первым компонентом сложных существительных *Weißbrot* 'белый хлеб' (2 СУ), *Weißpfening* 'белый пфенинг', единожды *-weiß* – последний компонент композита (*Bleiweiß* 'свинцовые белила').

Исследовательский корпус XVII в. дополняют многочисленные существительные-метафоры с семой 'белый': *Schnee* 'цвет снега' (6 СУ), *Elfenbein* 'цвет слоновой кости' (3 СУ), *Alabaster* 'цвет алебастра', *Silber* 'цвет серебра' (2 СУ), *Marmorstein* 'цвет мрамора', *Schwan* 'цвет лебяжьего пуха', *Schwanenschnee* 'лебединый снег', *Silbertau* 'серебряная роса'.

Существительные-метафоры передают цвет частей тела человека: шеи (*der Hals von Alabaster* [Fleming, 1865: 64] 'шея из алебастра'), волос (*Laß deiner haare gold gar langsam silber werden* [Hoffmannswaldau, 1838: 87] 'Пусть золото твоих волос очень медленно станет серебром'), или употребляются для обозначения самого человека (*Du meines*

herzens Silbertau, Komm, fall herab auf dessen Au [Silesius, 1952: 40] ‘Ты моего сердца серебряная роса, приди, упади на его долину’).

4. Существительные с семой ‘синий’. Группа существительных с семой ‘синий’ в XVI в. представлена одной лексемой – *Blau* ‘синева’. Существительное *Blau*, в зависимости от контекста, обозначало синий цвет одежды либо небесную синеву, голубое небо:

<...> *das drit fräulein, in blau gekleit, bedeut der von Nürnberg warheit* [Sachs, 1885: 41] ‘третья девушка, одетая в синее, символизирует Нюрнберга правду’.

Viel fremdes Volk schaut ins Blau <...> [Schmetzl, 1892: 29] ‘Много чужаков смотрят в небесную синеву’.

К группе существительных с семой ‘синий’ в XVII в. можно отнести 4 лексемы: *Blau* (3 СУ), которое встречалось в лирических текстах предыдущего столетия, а также *Himmelblau* ‘небесная синева’, *Indigo* ‘цвет индиго’, *Lasur* ‘лазурь’.

Субстантивированное прилагательное *Himmelblau* функционирует в значении, близком к *Blau*, – ‘небесная синева’: *Begehr die Farb auß allen / Das Himmelblaw* <...> [Balde, 1983: 7] ‘Желаю одного цвета из всех – небесной синевы’.

Заимствованные существительные *Indigo* и *Lasur* дополняют гамму оттенков синего цвета. Оба существительных употребляются в одном контексте: <...> *es kam gleich ein mahler mit seinem werkzeug daher [mich abzumalen], nemlich mit minien und zinober zu meinen augliedern, mit lack, endig und lasur zu meinen corallen-rothen lippen* <...> [Grimmelshausen, 1972: 62] ‘в тот же миг пришел художник со своим инструментом [чтобы меня нарисовать], а именно, со свинцовым суриком и киноварью – для моих век, с лаком, индиго и лазурью – для моих кораллово-красных уст’.

5. Существительные с семой ‘серый’. Исследовательский корпус текстов XVI в. содержит единичные употребления 4 ЦО-существительных, передающих серый цвет и его оттенки. В качестве ЦО употребляется субстантивированное прилагательное *Grau* ‘серый цвет’ как цвет ночи, употребляемый уже в свн. период для передачи атмосферного явления (*des Tages grâ*) и цвета беличьего меха [MHW I, 1992: 1064].

Дважды встречаются композиты с первым компонентом *Esel-* (*Esel* ‘осел’), а именно: *Eselfarbe* ‘цвет осла’, *Eselgrau* ‘ослино-серый цвет’, один раз – с *Spatz-* (*Spatz* ‘воробей’): *Spatzengrau* ‘воробьино-серый цвет’. Эти лексемы передают исключительно цвет одежды (в данном случае – монахов), что подтверждают также лексикографические данные DWB 3, 1984: 1149], ср.: *Der ain will Eselfarb han die Kutt, / Den anderen Spatzengraw dunkt gut* [Fischart, 1895: 412] ‘Один хочет иметь рясу ослиного цвета, другим воробьино-серый цвет кажется красивым’.

В источниках XVII в. выявлено одно существительное с семой 'серый' – *Erdfarbe* 'цвет земли': *Des Halses Schnee wird Erdfarb* [Gryphius, 1963: 12] 'Снег шеи станет цветом земли (превратится в цвет земли)'.

В приведенном примере *Erdfarbe* – цвет кожи умершей девушки. Анализированное ЦО образует антитезу с существительным *Schnee*. При помощи этой метафоры автор описывает белую, как снег, шею девушки при жизни.

6. Существительные с семой 'черный'. Анализированные тексты XVI в. содержат единичные примеры употребления двух существительных с семой 'черный' – *Schwarz* 'черный цвет', *Schwärze* 'чернота' и композита *Schwarzbeere* 'черника', в котором прилагательное *schwarz* является первым компонентом. Такие лексемы не исключение, время их появления приходится именно на XVI век. Я. Гримм и В. Гримм отмечали, что субстантивированное прилагательное *Schwarz* как ЦО зафиксировано впервые в XVI в. [DWB 14, 1984: 2320], а ссылка на существительное *Schwarzbeere* датирована 1537 г. [DWB 14, 1984: 2322].

Группа существительных с семой 'черный' в XVII в. содержит кроме лексем *Schwarz* (5 СУ) и *Schwärze* (2 СУ) существительное *Pech* 'смола'.

Чтобы подчеркнуть темный цвет глаз, К. Гоффманнсвальдау использует метафорическое соединение двух существительных – *Pech* и *Schnee*, где первая лексема обозначает оттенок зрачка, в то время как последняя – белизну белков глаз: *Die augen, wo das pech sich in den schnee gesetzt* [Hoffmannswaldau, 1838: 43] 'Глаза, где смола погружается в снег'.

Г. Гриммельсгаузен употребляет четыре композита с первым цветовым компонентом *schwarz-*. Во-первых, он зафиксирован в географическом названии *Schwarzwald* (9 СУ), а также называет жителей этой местности – *Schwarzwälder*. Во-вторых, параллельно со словосочетанием *das schwarze Brot* 'черный хлеб' в тексте функционирует лексема *Schwarzbrot*. Дважды упоминается существительное *Schwarzkünstler* 'чернокнижник'.

7. Существительные с семой 'зеленый'. Группа существительных с семой 'зеленый' в исследовательском корпусе текстов XVI в. представлена одной лексемой *Grün* (4 СУ). Существительное *Grün* передает зеленый цвет женской одежды в лирическом произведении Г. Закса.

Характерными для анализированных текстов XVII в. являются субстантивированные прилагательные. Как и в предыдущем веке, встречаются существительные *das Grüne* (2 СУ) и *Grünen*.

Лексема *das Grüne* употребляется в одном случае как гипероним относительно многих названий цветов: *Am **Grünen** fehl' es nicht. Die Flora bracht heran Narcissen, Rosen, Klee, Violen, Tulipan <...> [Gloger, 1865: 654]* 'Зелени достаточно. Флора принесла нарциссы, розы, клевер, фиалки, тюльпаны'.

Субстантивированный глагол *Grünen* употребляется в переносном значении 'процветание': *Für ihr **Grünen** sie bedienen, / Ehrn und rühmen, / wie ich kann [Silesius, 1952: 62]* 'Служить для ее процветания, почитать и восхвалять, как я могу'.

В результате метафорического переноса для передачи оттенка зеленого цвета используется существительное *Chrysolith* 'хризолит': *Die Wangen sind **Beryll**, die Lippen ein **Rubin** <...> Das Kinn ist Perlen voll, der Hals von **Alabaster**, die Kehle **Chrysolith** <...> die Finger pures **Gold** [Fleming, 1865: 64]* 'щеки – берил, уста – рубины. Подбородок полон жемчуга, шея из алебаstra, горло – хризолит. Пальцы – чистое золото'.

Кроме этого, прилагательное *grün* выступает компонентом сложных существительных *Berggrün* 'медная руда', *Grünland* 'Гренландия', отобранных из прозаических текстов XVII в.

8. Существительные с семантикой 'желтый' и 'коричневый'. В исследованных текстах XVI в. нет ни одного примера употребления существительных с семантикой 'желтый' и 'коричневый'.

В корпусе текстов XVII в. выявлено пять существительных с семантикой 'желтый': *Gold* (3 СУ), *Beryll*, *Bleigelb*, *Rauschgelb*, *Sand*. Вследствие семантической инновации в поэтических текстах XVII в. лексемы *Beryll* 'берил', *Gold* 'золото', *Sand* 'песок' употребляются как ЦО. Цвет щек передает ЦО *Beryll* и имеет позитивное оценочное значение, тогда как сравнение их с песком – негативное.

Цвет волос передает метафора *Gold* с позитивным оценочным значением.

ЦО *Sand* получает негативную окраску, так как она контрастирует со снегом (*warmer Schnee* – синестезия), и цвет (холодного) песка напоминает цвет умершего человека: *Es wird der bleiche tod mit seiner kalten hand Dir endlich mit der zeit umb deine brüste streichen. Der schultern warmer **schnee** wird werden kalter **sand** [Hoffmannswaldau, 1838: 46]* 'Бледная смерть холодной рукой со временем коснется твоей груди. Плеч теплый снег превратится в холодный песок'.

Существительное *Bleigelb* 'окись свинца', *Rauschgelb* 'аурипигмент' называют красители или вещества, и таким образом содержат сему цвета.

Как и в предыдущем веке, в текстах XVII в. отсутствуют существительные с семантикой 'коричневый'.

9. Выводы. Проведенный анализ корпуса разножанровых текстов XVI-XVII веков позволяет сделать следующие выводы:

1. Группа существительных с семой 'цвет' в XVI в. включает в себя 14 существительных, в то время как в XVII в. она насчитывает уже 37 лексем, что свидетельствует о развитии данной группы.

2. Почти все основные ЦО в исследованных текстах, за исключением *braun, gelb* в XVI в., и *braun* – в XVII в., употребляются как существительные (напр.: *Blau, Eselgrau, Röte, Schwärze, Spatzengrau*).

3. Следует отметить, что компонент цвета может быть частью существительных, обозначающих денотаты с соответствующей окраской целого или части (ср.: *Rotäugl, Weißfisch*). Подобные лексемы не принимались во внимание в статистических подсчетах, так как они не являются ЦО.

4. В XVII в. тематика анализируемых народных песен, стихотворений, прозы существенно влияет на выбор и статистическое преобладание некоторых ЦО. Так, например, в лирических произведениях (в описаниях женщин) зафиксированы многочисленные метафорические переносы, в результате которых существительные, обозначающие красители, материалы, минералы, благородных птиц, употребляются как ЦО.

5. Красота женщины, цвет ее кожи, волос, уст сравнивается с предметами, которые имеют позитивное оценочное значение, являются символами красоты и / или богатства. В этом смысле существительные *Corall, Purpur, Rose, Rubin* употребляются как ЦО со значением 'красный'; *Alabaster, Elfenbein, Marmorstein, Schnee, Schwann* выступают прототипами белого цвета. Оппозиционными к ним становятся *Erdfarbe, Sand*, которые, наоборот, ассоциируются со старостью или со смертью.

6. В текстах XVII в., в отличие от предыдущего исторического периода, было зафиксировано большее количество композитов-ЦО (*Corallenschein, Erdfarbe, Purpurschein, Schwanenschnee*) и композитов, обозначающих части тела, а также абстрактных понятий с семой 'цвет' (*Bleichtod, Corallenmund, Rubinenmund*).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Калиущенко В. Д. Немецкие орнативные глаголы в диахроническом аспекте // Сопоставительные и диахронические исследования языковых единиц и категорий. Донецк, 2017. С. 93-104.

2. Розен Е. В. Как появляются слова?: Немецкая лексика: история и современность. М. : Издательство МАРТ, 2000. 156 с. (Deutsch problemlos).

3. Ус Ю. Н. Динамика цветообозначения *gelb* и его производных в словаре и тексте (XVI-XVII века) // Сопоставительные и диахронические исследования языковых единиц и категорий. Донецк, 2016. С. 188-194.

4. Ус Ю. Н. Развитие системы цветообозначений в немецком языке XVI-XIX вв. // Сопоставительные и диахронические исследования языковых единиц и категорий 2017. Донецк, 2017. С. 203-209.

5. Шавкун Н. С. К вопросу соотношения словообразования и синтаксиса // Вопросы германской филологии. Юбилейный сборник научных трудов кафедры немецкой филологии. Пятигорск, 1999. С. 262-281.

6. Ягупова Л. Н. От urloup до Urlaub, или Как изменялся немецкий язык // Сопоставительные и диахронические исследования языковых единиц и категорий. Донецк, 2016. С. 204-212.

7. Jagupova L. Idiomatisierte Präfixsubstantive mit ge- im Mittelhochdeutschen // Semantik und Pragmatik im Spannungsfeld der germanistischen und kontrastiven Linguistik. Frankfurt am Main u.a.: Peter Lang, 2013. S. 183-193. (Donezk Studien zur Germanistik, kontrastiven und diachronen Linguistik. Bd. 1).

8. König J. Die Bezeichnung der Farben: Umfang, Konsequenz und Übereinstimmung der Farbenennung, philologisch-historisch betrachtet, sowie experimentell-psychologisch untersucht. Leipzig, 1928. 204 S.

9. OGuy O. Mittelhochdeutsche Farbadjektive: Tendenzen ihres Gebrauchs // Ukrainisch-deutsche Begegnungen: Sprache, Literatur, Didaktik. Lwiw, 2010. S. 46-47.

10. Ring U. Substantivderivation in der Urkundensprache des 13. Jahrhunderts. Eine historisch-synchrone Untersuchung anhand der ältesten deutschsprachigen Originalurkunden. Berlin; New York: de Gruyter, 2008. 581 S. (Studia Linguistica Germanica 96).

11. Schulz M. Wortbildung in Wörterbüchern und Texten des 17. Jahrhunderts // Historische Wortbildung des Deutschen. Tübingen, 2002. S. 269-287. (Reihe Germanistische Linguistik 232).

12. Us I. Farbadjektiv rot: Entwicklungstendenzen im 16. Jahrhundert // Diachronie. Linguistische Typologie. Kontrastive Linguistik: Empirische Untersuchungen zu germanischen, romanischen und slawischen Sprachen. Donezk: Nationale Universität Donezk, 2013. S. 88-89.

СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

1. AWB: Schützeichel R. Althochdeutsches Wörterbuch. 5., überarb. u. erw. Aufl.. Tübingen: Niemeyer, 1995. 341 S.

2. DWB 3: Grimm J., Grimm W. Deutsches Wörterbuch: In 33 Bd-n. Nachdruck. Bd. 3. Nachdruck der Erstausgabe 1854. München: dtv, 1984. 1904 S.

3. DWB 6: Grimm J., Grimm W. Deutsches Wörterbuch: In 33 Bd-n. Nachdruck. Bd. 6. Nachdruck der Erstausgabe 1911. München: dtv, 1984. S. 4453-6596.

4. DWB 14: Grimm J., Grimm W. Deutsches Wörterbuch: In 33 Bd-n. Nachdruck. Bd. 14. Nachdruck der Erstausgabe 1878. München: dtv, 1984. 2684 S.

5. MHW I: Lexer M. Mittelhochdeutsches Handwörterbuch: In 3 Bd-n. Nachdruck der Ausgabe Leipzig 1872-1878. Stuttgart: S. Hierzel, 1992. Bd. 1. 2262 S.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

1. Balde J. Ehrenpreis // Deutsche Dichtungen. Amsterdam, 1983. 96 S.

2. Deutsche Volkslieder. 168 Volkslieder und volkstümliche Lieder. Stuttgart: Philipp Reclam, 1998. 264 S.

3. Fischart J. Kleinere Dichtungen // Werke. Eine Auswahl. Stuttgart: Union Deutsche Verlagsgesellschaft, 1895. Teil 1. S. 355-438.

4. Fleming P. Deutsche Gedichte. Stuttgart, 1865. 100 S.

5. Gloger G. Gedichte // Deutsche Gedichte. Stuttgart, 1865. S. 654-668.

6. Grimmelshausen H. Der abenteuerliche Simplicissimus Teutsch: In 2 Bd-n. Berlin und Weimar: Aufbau-Verlag, 1972. Bd. 1. 309 S.

7. Gryphius A. Vermischte Gedichte // Gesamtausgabe der deutschsprachigen Werke: In 2 Bd-n. Tübingen: Niemeyer, 1963. Bd. 3. S. 5-96.
8. Hoffmannswaldau C. H. Gespräch eines Kindes mit seiner Mutter // Gedichte aus Neukirchs Anthologie. Bd.1. Leipzig: Brockhaus, 1838. S. 31-149.
9. Luther M. Luther-Bibel. Das alte Testament. Deutsche Bibelgesellschaft. 1991. 906 S.
10. Sachs H. Dichtungen. Zweiter Teil: Spruchgedichte (Auswahl). Leipzig: Brockhaus, 1885. 65 S.
11. Schmetzl W. Ein Lobspruch der Stadt Wien in Österreich. Wien, 1892. S. 17-74.
12. Silesius A. Heilige Seelenlust oder geistliche Hirtenlieder // Sämtliche poetische Werke. in 3 Bd-n. Bd. 1. München: Hanser, 1952. S. 31-91.
13. Spee F. Geistliche Lieder aus dem Guldernen Tugendbuch // Sämtliche Schriften. Bd.2. München: Kiesel, 1968. S. 11-473.

REFERENCES

1. Kaliušhchenko, V. D. (2017). Nemetskie ornativnye glagoly v diakhronicheskom aspekt [German ornative verbs in diachronic aspect]. In *Sopostavitelnye i diakhronicheskie issledovaniya yazykovykh edinits i kategoriy*. Donetsk. Pp. 93-104. (In Russ.).
2. Rozen, E. V. (2000). *Kak poyavlyayutsya slova?: Nemetskaya leksika: istoriya i sovremennost* [How do the words appear? German vocabulary: history and modernity]. M.: Izdatelstvo MART. (Deutsch problemlos).(In Russ.).
3. Us, Yu. N. (2016). Dinamika tsvetooboznacheniya gelb i ego proizvodnykh v slovare i tekste (XVI-XVII veka) [The dynamics of the color term yellow and its derivatives in the dictionary and the text (XVI-XVII centuries)]. In *Sopostavitelnye i diakhronicheskie issledovaniya yazykovykh edinits i kategoriy*. Donetsk. Pp. 188-194. (In Russ.).
4. Us, Yu. N. (2017). Razvitie sistemy tsvetooboznacheniy v nemetskom yazyke XVI-XIX vv. [Development of the system of color terms in the German language of the XVI-XIX centuries]. In *Sopostavitelnye i diakhronicheskie issledovaniya yazykovykh edinits i kategoriy*. Donetsk. Pp. 203-209. (In Russ.).
5. Shavkun, N. S. (1999). K voprosu sootnosheniya slovoobrazovaniya i sintaksisa [On the question of the correlation of word formation and syntax]. In *Voprosy germanskoy filologii. Yubileynyy sbornik nauchnykh trudov kafedry nemetskoy filologii*. Pyatigorsk. Pp. 262-281.
6. Yagupova, L. N. (2016). Ot urloup do Urlaub, ili Kak izmenyalsya nemetskiy yazyk [From urloup to Urlaub, or how the German language changed]. In *Sopostavitelnye i diakhronicheskie issledovaniya yazykovykh edinits i kategoriy*. Donetsk. Pp. 204-212. (In Russ.).
7. Iagupova, L. (2013). Idiomaticisierte Präfixsubstantive mit ge- im Mittelhochdeutschen. In *Semantik und Pragmatik im Spannungsfeld der germanistischen und kontrastiven Linguistik*. Frankfurt am Main u.a.: Peter Lang. S. 183-193. (Donezk Studien zur Germanistik, kontrastiven und diachronen Linguistik; Bd. 1).
8. König, J. (1928). *Die Bezeichnung der Farben: Umfang, Konsequenz und Übereinstimmung der Farbennennung, philologisch-historisch betrachtet, sowie experimentell-psychologisch untersucht*. Leipzig.
9. Ogyu, O. (2010). Mittelhochdeutsche Farbadjektive: Tendenzen ihres Gebrauchs. In *Ukrainisch-deutsche Begegnungen: Sprache, Literatur, Didaktik*. Lwiw. S. 46-47.
10. Ring, U. (2008). *Substantivderivation in der Urkundensprache des 13. Jahrhunderts. Eine historisch-synchrone Untersuchung anhand der ältesten deutschsprachigen Originalurkunden*. Berlin; New York: de Gruyter. (Studia Linguistica Germanica 96).
11. Schulz, M. (2002). Wortbildung in Wörterbüchern und Texten des 17. Jahrhunderts. In *Historische Wortbildung des Deutschen*. Tübingen. S. 269-287. (Reihe Germanistische Linguistik 232).
12. Us, I. (2013). Farbadjektiv rot: Entwicklungstendenzen im 16. Jahrhundert. In *Diachronie*.

Linguistische Typologie. Kontrastive Linguistik: Empirische Untersuchungen zu germanischen, romanischen und slawischen Sprachen. Donezk: Nationale Universität Donezk. S. 88-89.

LEXICOGRAPHICAL SOURCES

1. AWB: Schützeichel, R. (1995). *Althochdeutsches Wörterbuch*. 5., überarb. u. erw. Aufl. Tübingen: Niemeyer.
2. DWB 3: Grimm, J., Grimm, W. (1984). *Deutsches Wörterbuch*: In 33 Bd-n. Nachdruck. Bd. 3. Nachdruck der Erstausgabe 1854. München: dtv.
3. DWB 6: Grimm, J., Grimm, W. (1984). *Deutsches Wörterbuch*: In 33 Bd-n. Nachdruck. Bd. 6. Nachdruck der Erstausgabe 1911. München: dtv. S. 4453-6596.
4. DWB 14: Grimm, J., Grimm, W. (1984). *Deutsches Wörterbuch*: In 33 Bd-n. Nachdruck. Bd. 14. Nachdruck der Erstausgabe 1878. München: dtv.
5. MHW I: Lexer, M. (1992). *Mittelhochdeutsches Handwörterbuch*: In 3 Bd-n. Nachdruck der Ausgabe Leipzig 1872-1878. Stuttgart: S. Hierzel. Bd. 1.

SOURCES OF ILLUSTRATIVE MATERIAL

1. Balde, J. (1983). Ehrenpreis. In *Deutsche Dichtungen*. Amsterdam.
2. *Deutsche Volkslieder*. 168 Volkslieder und volkstümliche Lieder. Stuttgart: Philipp Reclam, 1998.
3. Fischart, J. (1895). Kleinere Dichtungen. In *Werke. Eine Auswahl*. Stuttgart: Union Deutsche Verlagsgesellschaft. Teil 1. S. 355-438.
4. Fleming, P. (1865). *Deutsche Gedichte*. Stuttgart.
5. Gloger, G. (1865). Gedichte. In *Deutsche Gedichte*. Stuttgart, S. 654-668.
6. Grimmelshausen, H. (1972). *Der abenteuerliche Simplicissimus Teutsch*: In 2 Bd-n. Berlin und Weimar: Aufbau-Verlag. Bd. 1.
7. Gryphius, A. (1963). Vermischte Gedichte. In *Gesamtausgabe der deutschsprachigen Werke*: In 3 Bd-n. Tübingen: Niemeyer Bd. 3. S. 5-96.
8. Hoffmannswaldau, C. H. (1838). Gespräch eines Kindes mit seiner Mutter. In *Gedichte aus Neukirchs Anthologie*. Leipzig: Brockhaus. Bd. 1. S. 31-149.
9. Luther, M. (1991). *Luther-Bibel. Das alte Testament*. Deutsche Bibelgesellschaft.
10. Sachs, H. (1885). *Dichtungen. Zweiter Teil: Spruchgedichte (Auswahl)*. Leipzig: Brockhaus.
11. Schmetzl, W. (1892). *Ein Lobspruch der Stadt Wien in Österreich*. Wien. S. 17-74.
12. Silesius, A. (1952). Heilige Seelenlust oder geistliche Hirtenlieder. In *Sämtliche poetische Werke*. In 3 Bd-n. München: Hanser. Bd. 1. S. 31-91.
13. Spee, F. (1968). Geistliche Lieder aus dem Guldernen Tugendbuch. In *Sämtliche Schriften*. München: Kiesel. Bd. 2. S. 11-473.

Ус Юлия Николаевна – кандидат
филологических наук, доцент кафедры
германской филологии
(e-mail: usjulia80@yandex.ru),
Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Донецкий национальный университет»
283001, Донецк, Университетская, 24

Us Iuliia N. – Candidate of Philology, Associate
Professor of Department of Germanic Philology
(e-mail: usjulia80@yandex.ru),
State Educational Institution of Higher
Professional Education «Donetsk National
University»
24 Universitetskaya, Donetsk, 283001

Поступила в редакцию 01 ноября 2018 г.

СИМВОЛИКА ЖИВОТНОГО МИРА В НЕМЕЦКИХ РОМАНТИЧЕСКИХ СКАЗКАХ БРАТЬЕВ ГРИММ

Данная статья посвящена рассмотрению символических образов в немецких романтических сказках братьев Гримм «Die treuen Tiere», «Katz und Maus in Gesellschaft», «Der Fuchs und die Katze». Научная новизна заключается в исследовании семиотического и когнитивного аспектов функционирования символов животного мира в немецких романтических сказках братьев Гримм. В статье осуществлён комплексный анализ символики животного мира.

Ключевые слова: романтизм, сказка, животный мир, концепт, символ, образ.

SYMBOLIC REPRESENTATION OF THE ANIMAL WORLD IN THE GERMAN ROMANTIC TALES OF GRIMM BROTHERS

This article deals with the study of symbolic images in the German romantic tales of the Brothers Grimm «Die treuen Tiere», «Katz und Maus in Gesellschaft», «Der Fuchs und die Katze». The scientific novelty lies in studying the semiotic and cognitive aspects of the animal world characters functioning in the German romantic tales of Grimm Brothers. The article presents the results of a complex analysis of the symbolism of the animal world.

Key words: romanticism, fairy tale, animal world, concept, symbol, image.

В поэтической речи важную роль отводят изучению символики природы, так как ни одно художественное произведение без образа и символа не существует. Символика природы усиливает образное начало в поэтической речи. Язык поэтических произведений является функциональным стилем, назначение которого состоит не только в образном представлении действительности, но и в символическом значении природы. Частое обращение к образам, которым можно придать символическое значение, свойственно немецким писателям периода романтизма. Интерпретация индивидуально-авторских символов природы ограничена авторским замыслом. Частое использование автором символики природы в смысловых параллелях приводит к закреплению символического значения. Символ, обогащенный дополнительными оттенками значения, в поэтической речи может стать единицей образного выражения языка.

В современной лингвистике понятие «символ» отмечается многозначностью и противоречивостью. В рамках семиотики символ рассматривается в качестве целевого обозначения его референта. В искусстве символ служит олицетворением способности художественного образа сочетать переносное и предметное значение [Степанов, 1983: 78]. Символ и образ служат основой для построения знаковой системы произведения, создают

его подтекст. Будучи очень близкими, понятия «символ» и «образ» не являются родственными. Образ включает в себя сочетание разноканальной информации, вызывает ассоциации при обозначении объекта. Сферой символа выступают абстрактные категории, его основой служат абстрактные смыслы, что является главным отличием от образа, который базируется на предметном мире [Болдырев, 2014: 25].

Для анализа поэтических произведений нами была выбрана двухэтапная методика, предложенная Л. И. Белеховой [Белехова, 2014]. Первый этап анализа поэтического произведения посвящен осмыслению механизмов формирования и реконструкции индивидуально-авторского поэтического образа. Этот этап базируется на трех операциях, а именно: 1) предкатегоризации словесного поэтического образа – выявлении его предконцептуальных оснований (архетипов, когнитивных моделей и т. п.); 2) категоризации образа путем построения концептуальных схем; 3) исследовании вербальной стороны образа.

Второй этап анализа текста посвящен исследованию лингвокогнитивных средств создания образа. Применение описанной методики анализа поэтического произведения позволило нам выявить содержание, а также смысл предконцептуальной, концептуальной и вербальной сторон индивидуально-авторских поэтических образов.

В ходе исследования нами была проанализирована символика животного мира в немецких романтических сказках братьев Гримм.

Большое разнообразие образов мы находим в произведениях немецких писателей эпохи романтизма. В человеческом сознании животные выступают как символы, на основе которых составляются образные картины тех или иных аспектов бытия. Символика и поэтические образы животного мира пронизывают текст сказки, создавая определенный облик персонажа и психологический настрой, подчеркивая при этом концептуально-значимые моменты произведения.

Немецкие романтики в своих произведениях часто используют образ жабы. Так, в сказке Якоба и Вильгельма Гримм «Die treuen Tiere» вербальным фоном концепта ЖАБЫ выступает композит «*die Laubfrösche*» или «*Quakfrosch*». Несмотря на расхождение в начальной морфеме («*Laub-*» как «листва», т. е. название, характеризующее среду обитания, а «*Quak*» имеет звукоподражательный характер) лексема «*frosch*» не изменяет своего значения в пределах контекста сказки: «...*Da beratschlagten sie sich und riefen die Laubfrösche, Unken und alles Getier, das im Wasser lebt, zusammen und sagten: «Es wird ein gewaltiger Feind über euch kommen, macht, dass ihr Steine zusammenschafft...».* *Da erschranken die Tiere und brachten Steine von allen Seiten herbeigeschleppt; endlich kam auch ein alter*

dicker Quakfrosch aus dem Grund heraufgerudert...» [Grimm]. Опираясь на словарь символов, можно установить концептуальные признаки выделенного образа, такие как: «безобразие», «греховность», «низость» [Тресиддер, 1999: 445]. В другом источнике находим, что в христианской традиции образ жабы характеризуется дуализмом содержания: она символизирует и воскрешение, и отрицательный аспект – грех, зло. В китайской культуре жаба является символом богатства и обогащения [Купер, 1995: 87], который выражается в тексте сказки с помощью лексемы «*Wunderstein*». Лексема-репрезентант образа «*Quakfrosch*» сочетается с прилагательными «*alter*» и «*dicker*», которые изображают концептуальный признак «*мудрость*», «*доброта*».

В результате контекстуального анализа сказки братьев Гримм «*Die Treuen Tiere*» мы можем утверждать, что образ жабы олицетворяет такие понятия, как сотрудничество и помощь. Основой концепта ЖАБА выступает архетип *Voda*, ведь во многих культурах она позиционируется в качестве символа месячных вод и сил тьмы. Жаба – широко распространенный символ плодovitости, предвестница весенних дождей и пробуждения природы.

Вместе с этим символом в тексте встречается белый камень. Он выступает обозначением ожидаемого и дареного богатства главного героя, которое тот потерял. В этом случае образ жабы также олицетворяет помощь, ведь согласно тексту произведения, она помогает главному герою вернуть утраченное – помогает достать камень со дна водоема. В тексте просматривается концептуальная метафорическая схема ЖАБА ЯВЛЯЕТСЯ ПОМОЩЬЮ, где основой выступает когнитивная модель ЕСТЕСТВЕННОЕ & СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННОЕ.

Для того, чтобы глубже понять, какую роль играет концепт КОШКА в немецких романтических сказках, мы рассмотрим данный концепт на основе нескольких сказок братьев Гримм и сделаем сравнительный анализ.

Кошка нередко выступает как воплощение женского начала, а также как образ сверхъестественной живучести, необыкновенной жизненной силы. В некоторых традициях кошка, особенно черная, может наделяться негативными характеристиками и выступать в качестве противника светлого божества. Еще в Древнем Египте кошка обладала сверхъестественной силой, благодаря чему стала обожествляться. В Риме своеволие кошки стало символом свободы. В Японии кошек считали предвестниками неудач [Тресиддер, 1999: 325].

Братья Гримм в сказке «*Die treuen Tiere*» представляют нам образ кошки, которая предстает в обличье часового: «*Die Maus war willig, kam aber wieder uns sagte: «Es geht*

nicht, ich habe hineingeguckt, der Stein hängt unter dem Spiegel an einem roten Bändchen, <...> sitzen ein paar große Katzen mit feurigen Augen, die sollen ihn bewachen» [Grimm]. В контексте представленного произведения кошка, представляя образ стража, выступает препятствием для выполнения действия мыши. Атрибутом кошки выступают глаза, дескриптором которых является прилагательное «*feurigen*», являющиеся в пространстве текста в качестве символа агрессии и ярости. Это служит основанием для вывода о том, что в представленном случае основой для образа кошки выступает концептуальная метафорическая схема КОШКА ЯВЛЯЕТСЯ ПРЕПЯТСТВИЕМ, основой для которой выступает когнитивная модель ЕСТЕСТВЕННОЕ & СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННОЕ.

Следующая сказка, где кошка также является главной героиней, – «*Der Fuchs und die Katze*» братьев Grimm. В ней сосредоточено внимание на описании ловкости и изворотливости кошки, которая обратилась к лису с вопросом: «*Guten Tag, lieber Herr Fuchs, wie geht's? Wie schlagt Ihr Euch durch in dieser teuren Zeit?*» *Der Fuchs antwortete: «O du armseliger Bartputzer, du buntscheckiger Narr, du Hungerleider und Mäusejäger...»* [Grimm]. Кошка сказала, что умеет ловить мышей и от собак уходить. А еще она ловкая. Лис над ней только посмеялся, а когда появился охотник с собаками, кошка взобралась на макушку дерева. А лис поплатился шкурой.

В этой сказке кошка проявила себя в качестве хитрого, умного, ловкого животного. Представленный анализ дает нам возможность сделать вывод о том, что в поэтическом тексте сказки представленный образ генерирует концептуальную метафорическую схему КОШКА ЯВЛЯЕТСЯ ЛОВКОСТЬЮ, основой для которой выступает когнитивная модель ЕСТЕСТВЕННОЕ & ЭСТЕТИЧЕСКОЕ.

Таким образом, проанализировав сказки братьев Grimm «*Die treuen Tiere*», «*Der Fuchs und die Katze*», мы можем сделать вывод о том, что концепт КОТ / КОШКА в сказках выступает в виде разных образов. С одной стороны, кошка представлена перед нами в образе коварной, хитрой и агрессивной, а с другой стороны, она может быть умной и ловкой. Сделав сравнительный анализ сказок братьев Grimm, можно прийти к такому заключению, что образ кошки в сказке «*Die treuen Tiere*» описывается с помощью прилагательных с отрицательной оценочной семантикой, а в сказке «*Der Fuchs und die Katze*» образ раскрывает положительные качества.

Частотным в немецких романтических сказках является образ медведя. В германской культуре образ медведя связан с представлением о силе, умением защитить себя [Холл, 2007: 165]. Демонстрацию этой культурологической характеристики медведя мы находим в сказке братьев Grimm «*Die treuen Tiere*»: «*Da sagte der Bär: „Der kommt zu*

rechter Zeit, das ist ein Wunderstein: wem der eigen ist, der kann sich wünschen, wozu er nur Lust hat. Die treuen Tiere, Maus, Affe und Bär, wie sie sein Unglück sahen, kamen wieder herbei und wollten ihm helfen... Da sprach der Bär: „Wir müssen den Wunderstein wieder schaffen. Maus, guck einmal durchs Schlüsselloch und sieh, was anzufangen ist; du bist klein, dich merkt kein Mensch.“» [Grimm]. В фольклоре медведь символизирует воскресение, новую жизнь, инициацию и ритуалы, которые связанные с переходом [Купер, 1995: 202]. Это животное часто встречается в германской геральдике, символизируя те же качества, что и лев – смелость, мужество, величие. Образ медведя выступает в тексте сказки олицетворением мудрости и осторожности, что позволяет сформулировать концептуальную метафорическую схему МЕДВЕДЬ ЯВЛЯЕТСЯ МУДРОСТЬЮ, в пределах когнитивной модели ЕСТЕСТВЕННОЕ & СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННОЕ.

Следующим рассмотренным образом является обезьяна. Вариация символического содержания образа обезьяны является достаточно противоречивой в различных культурах: ее почитали в Древнем Египте, Африке, Индии и Китае, но христианская традиция относится к ней с большим подозрением, отождествляя ее с недостатками, страстями, идолопоклонством и дьявольскими ересями [Тресиддер, 1999: 67]. В европейской культуре она выступает символом греха, хитрости, коварства, стремления к роскоши, злобности. У христиан раннего Средневековья обезьяна стала символом дьявола и, скорее, знаком язычества, чем греховности [Фоли, 1997: 145].

Однако в тексте сказки братьев Гримм концепт ОБЕЗЬЯНА наполнен положительными характеристиками: *«Der Mann ging fort und kam in ein anderes Dorf, da hatten die Jungen einen Affen, der musste tanzen und Purzelbäume machen, und sie lachten darüber und ließen dem Tier keine Ruh <...> Die treuen Tiere, Maus, Affe und Bär, wie sie sein Unglück sahen, kamen wieder herbei und wollten ihm helfen <...> Das war dem Affen ein Leichtes, er nahm den Stein in die Hand, und sie gingen miteinander bis zum Fluss»* [Grimm].

Представленный образ является несколько близким образу обезьяны в индийской культуре. Например, в индийском эпосе обезьяна Хануман, наделенная незаурядным умом и огромной физической силой, была мудрым советником царя обезьяньего племени и верным слугой Рима [Тресиддер, 1999: 176]. Согласно этому, характеристикой образа обезьяны из сказки братьев Гримм выступает физическая сила и ловкость (*«war dem Affen ein Leichtes»*), роль советчика медведя и слуги мужчины. Поэтому, исходя из контекста сказки, формируется такая метафорическая концептуальная схема ОБЕЗЬЯНА ЯВЛЯЕТСЯ ПОМОЩНИКОМ. Базой созданного образа выступает концептуальная модель ЕСТЕСТВЕННОЕ & СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННОЕ.

Образ мыши, как составляющая концепта, выступает атрибутом различных фольклорных жанров. Концепт, будучи универсалией, обладает национально-культурной спецификой, которая находит свое отражение прежде всего в языке и литературе народа, которые в свою очередь позиционируются как одна из основ творчества немецких романтиков. В сказке Вильгельма и Якоба Гримм «Die treuen Tiere» концепт МЫШЬ представлен положительным образом, основанием для которого служит концептуальная метафорическая схема МЫШЬ ЯВЛЯЕТСЯ ИЗОБРЕТАТЕЛЬНОСТЬЮ: «*Der Mann aber dauerte das arme Tierchen, und er sprach: „Lasst die Maus laufen, ihr Jungen, ich will euch auch Geld geben“.* «*Die Maus war willig, kam aber wieder und sagte: „Es geht nicht, ich habe hineingeguckt, <...> „Die Katzen taugen nichts, sie lassen die Mäuse herein, die mir die Haare vom Kopf abbeißen“*, und jagte sie alle beide fort. Da hatte die Maus gewonnen Spiel» [Grimm]. Это животное издавна символизировало трусливость. Слово «mus» образовано от греческого глагола «воровать», что явилось причиной для наделения мыши символикой кражи. Кроме того, мышь является персонажем, который связывает небо, землю и ад. В современном мире мышь стала символом юркости и изобретательности [Шейнина, 2001: 15]. Именно этими качествами наделяют авторы сказки героя, отражением чего служат лексемы «willig», «gewonnen».

Таким образом, проведенный анализ поэтических произведений послужил основанием для выделения нами таких концептов животного мира: ЖАБА, КОТ / КОШКА, МЕДВЕДЬ, ОБЕЗЬЯНА, МЫШЬ.

Анализ текстов сказок и образов животных в них предоставил нам возможность сделать вывод о том, что базовыми для животной символики выступают когнитивные модели ЕСТЕСТВЕННОЕ & СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННОЕ, что связано с доминированием принципа романтической неопределенности, обусловленной категорическим непринятием реальной действительности, и ЕСТЕСТВЕННОЕ & ЭСТЕТИЧЕСКОЕ – эта модель, в свою очередь, служит базисом для объективизации понятия эстетического в удаленных индивидуально-авторских образах проанализированных произведений. В рамках данных когнитивных моделей в текстовом пространстве формируются определенные концептуальные метафорические схемы.

В результате исследования можно сделать вывод, что немецкий романтизм формирует собственный подход к реализации поэтико-стилевых традиций в структуре анималистической образности путем обращения к ее глубинным корням, архетипическим представлениям. Проанализировав сказки, мы можем сделать вывод, что братья Гримм в

сказках употребляли богатое разнообразие символов животного мира, которые наполняли произведения глубоким смыслом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белехова Л. И. Когнітивна теорія образності поетичного тексту // Нова філологія. Запоріжжя: ЗНУ, 2014. С. 30-38.
2. Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику. Тамбов: ТГУ, 2014. 236 с.
3. Степанов Ю. С. Семиотика. М.: Радуга, 1983. 627 с.

СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

1. Купер Дж. Энциклопедия символов. М.: Золотой век, 1995. 399 с.
2. Тресиддер Дж. Словарь символов. М., 1999. 456 с.
3. Фоли Дж. Энциклопедия знаков и символов. М., 1997. 325 с.
4. Холл М. П. Энциклопедическое изложение масонской, герметической, каббалистической и розенкрейцеровской символической философии. М.: Эксмо, Мидгард, 2007. 864 с.
5. Шейнина Е. Я. Энциклопедия символов. М., 2001. 378 с.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

1. Grimm W. & J. Der Fuchs und die Katze. Available at: http://www.grimmstories.com/de/grimm_maerchen/der_fuchs_und_die_katze. (accessed: 20.09.2018).
2. Grimm W. & J. Kinder- und Hausmärchen. Berlin, 1812. 360 S.
3. Grimm W. & J. Die Treuen Tiere. Available at: http://www.sagen.at/texte/maerchen/maerchen_deutschland/brueder_grimm/dietreuentiere.html. (accessed: 20.09.2018).

REFERENCES

1. Belekhova, L. I. (2014). Kognityvna teoriya obraznosti poetychnogo tekstu [The cognitive theory of imagery of poetic text]. In *Nova filologiya*. Zaporizhzhya: ZNU. Pp. 30-38. (In Russ.).
2. Boldyrev, N. N. (2014). *Kognitivnaya semantika. Vvedenie v kognitivnuyu lingvistiku* [Cognitive semantics. Introduction to cognitive linguistics]. Tambov: TGU. (In Russ.).
3. Stepanov, Yu. S. (1983). *Semiotika* [Semiotics]. Moskva: Raduga. (In Russ.).

LEXICOGRAPHICAL SOURCES

1. Kuper, Dzh. (1995). *Entsiklopediya simvolov* [Encyclopedia of symbols]. Moskva: Zolotoy vek. (In Russ.).
2. Tresidder, Dzh. (1999). *Slovar simvolov* [Dictionary of symbols]. Moskva. (In Russ.).
3. Foli, Dzh. (1997). *Entsiklopediya znakov i simvolov* [Encyclopedia of signs and symbols]. Moskva. (In Russ.).
4. Khol, M. P. (2007). *Entsiklopedicheskoe izlozhenie masonskoy, germeticheskoy, kabbalisticheskoy i rozenkrejtserovskoy simvolicheskoy filosofii* [Encyclopedic exposition of the Masonic, Hermetic, Kabbalistic and Rosicrucian symbolic philosophy]. Moskva: Eksmo, Midgard. (In Russ.).
5. Sheynina, E. Ya. (2001). *Entsiklopediya simvolov* [Encyclopedia of symbols]. Moskva. (In Russ.).

SOURCES OF ILLUSTRATIVE MATERIALS

1. Grimm W. & J. *Der Fuchs und die Katze*. Available at: http://www.grimmstories.com/de/grimm_maerchen/der_fuchs_und_die_katze. (accessed: 20.09.2018).
2. Grimm W. & J. (1812). *Kinder- und Hausmärchen*. Berlin.
3. Grimm W. & J. *Die Treuen Tiere*. Available at: http://www.sagen.at/texte/maerchen/maerchen_deutschland/brueder_grimm/dietreuentiere.html. (accessed: 20.09.2018).

Безверхая Инна Викторовна – преподаватель
кафедры романо-германской филологии
(e-mail: inna9410@mail.ru),
Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Луганский национальный университет имени
Тараса Шевченко»
91011, Луганск, Оборонная, 2

Bezverkhaya Inna Viktorovna – Lecturer of
the Department of Romano-Germanic
Philology (e-mail: inna9410@mail.ru),
State Educational Institution of Higher
Professional Education «Luhansk
Taras Shevchenko National University»
2, Oboronnaya, Luhansk, 91011

Поступила в редакцию 03 октября 2018 г.

ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ И СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 811.11'373.237:811.161.1

© Ш. Р. Басыров, Е. И. Поддубная

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЛЕКСЕМ, НАЗЫВАЮЩИХ РУКОВОДЯЩЕЕ (ДОЛЖНОСТНОЕ) ЛИЦО, В АНГЛИЙСКОМ, НЕМЕЦКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Данная статья посвящена сопоставительному изучению наименований руководящего (должностного) лица в английском, немецком и русском языках. Выявлены и описаны основные семантические группы рассматриваемых номинатем, определены их сходные и отличительные черты в сопоставляемых языках.

Ключевые слова: номинатема, тематическая группа, продуктивность.

© Sh. R. Basyrov, E. I. Poddubnaya

SEMANTIC FEATURES OF THE LEXEMES NAMING MANAGERIAL POSITIONS IN ENGLISH, GERMAN AND RUSSIAN

The paper deals with the comparative study of the nomination of managerial positions in the English, German and Russian languages. The study presents the main semantic groups of the units in question; reveals similar and distinctive features in the compared languages.

Key words: nominatem, thematic group, productivity.

1. Введение. Настоящая статья посвящена исследованию лексем, называющих руководящее (должностное) лицо, в английском, немецком и русском языках, ср.: англ. *boss* 'глава'; нем. *der Leiter* 'руководитель'; русск. *начальник*.

Актуальность избранной темы заключается в сопоставительном исследовании номинатем «руководитель / должностное лицо» в английском, немецком и русском языках, что, по нашим наблюдениям, до сегодняшнего дня не было специально изучено.

Вопросы, связанные с номинацией человека, рассматривались в работах А. К. Бириха [Бирих, 1995], С. Р. Ван Несса [Ван Несс, 2008], Ж. А. Вардзелашвили [Вардзелашвили, 2000], А. В. Крюкова [Крюков, 2006], М. В. Николича [Николич, 2016], Е. О. Клименка [Клименко, 2004], И. Е. Кима [Ким, 2010], Т. Д. Подьяковой [Подьякова, 2013], Б. А. Серебренникова [Серебренников, 1977] и др. В этих и других исследованиях определялись признаки, на основании которых номинируется человек («род занятий», «внутренние качества», «личные отношения», «внешние особенности», «родственные связи» и т. д.).

Цель настоящей работы состоит в выявлении сходных и отличительных черт в номинации руководящего (должностного) лица в английском, немецком и русском языках.

Материалом данного исследования послужили лексические единицы (ЛЕ), отобранные путем сплошной выборки из толковых словарей русского [Абрамов, 1999; Апресян, 2004], немецкого [Grimm, 1996; Küpper, 1997] и английского языков [Morgan, 2008]. Общий объем ЛЕ составил: в английском языке – 110 единиц, в немецком – 94 единицы, а в русском – 116 единиц. За единицу семантического и количественного анализа взята номинатема в отдельном лексико-семантическом варианте (ЛСВ).

2. Семантические группы ЛЕ английского, немецкого и русского языков.

Семантическая классификация ЛЕ производилась с опорой на словарное толкование данных языковых единиц, что позволило выделить в семантической структуре анализируемых языковых единиц общие и дифференциальные семы. Для описания семантики ЛЕ составлены формулы толкования (ФТ). При выделении семантических групп учитывались также результаты специальных исследований, посвящённых изучению номинации человека в языке [Катермина, 2004; Катермина, 2013].

2.1. X (ответственное лицо) руководит Y (организация, офис, сотрудники и т. п.).

В данную группу входят лексемы, номинирующие лицо, наделенное управленческими, контролирующими и / или кадровыми функциями. Данная семантическая группа является в сопоставляемых языках наиболее продуктивной (англ. – 39 ед., нем. – 35 ед., русск. – 33 ед., ср. (см. табл.):

(1) англ. *director* <a person who is in charge of an activity, department, or organization> ‘человек, который отвечает за работу, отдел или организацию’; *manager* <a person responsible for controlling or administering an organization or group of staff> ‘лицо, ответственное за контроль или управление организацией или группой сотрудников’; *leader* <the person who leads or commands a group, organization> ‘человек, который возглавляет или командует группой, организацией’; *superintendent* <a person who manages or superintends an organization or activity> ‘человек, который управляет или руководит организацией или деятельностью’; *gaffer* <a person in charge of others; a boss> ‘лицо, ответственное за других; босс’; *administrator* <a person who administers something> ‘человек, который управляет чем-то’; *overseer* <a person who supervises others, especially workers> ‘человек, который контролирует других, особенно работников’; *director* <a person who supervises the actors and other staff in a film, play, or similar production> ‘человек, который контролирует актеров и других сотрудников в кино, спектакле и т.п.’;

foreman / forewoman <a male / female worker who supervises and directs other workers> ‘работник, который контролирует и направляет других работников’;

(2) нем. *ADir* <Führung, Chef> ‘управляющий, шеф’; *der Lenker* <jemand, der etwas, jemanden lenkt, leitet> ‘тот, кто чем-либо / кем-либо управляет, правит’; *der Direktor* <alleiniger Leiter> ‘единоличный начальник’; *der Leiter* <jemand, der etwas leitet, der leitend an der Spitze von etwas steht> ‘кто-либо, кто чем-либо управляет, стоит во главе чего-то’;

(3) русск. *руководитель* <человек, руководящий чем-н., возглавляющий что-н.>; *директор* <управляющий, начальник какого-н. предприятия, учреждения>; *заведующий* <тот, кто управляет чем-л.>; *руководитель* <лицо, которое руководит кем- / чем-н., учреждением>.

2.2. X (лицо) есть владелец Y и руководит Y (предприятие, фирма и т.п.).

Данная группа является более продуктивной в английском (17 ед.) и русском (15 ед.) языках, менее продуктивной – в немецком языке (10 ед.), ср. (см. табл.):

(4) англ. *owner* <a person who owns something> ‘человек, который владеет чем-то’; *padrone* <a patron or master> ‘хозяин’;

(5) нем. *der Geschäftsinhaber* <Inhaber eines Geschäfts> ‘владелец бизнеса’;

(6) русск. *хозяин* <то же, что владелец>; *совладелец* <лицо, владеющее чем-н. совместно с кем-н.>; *владелец* <владелец, правитель земли, пользующийся правами монарха>; *помещик* <в дореволюционной России и в государствах с пережитками феодальных (крепостнических) отношений – дворянин-землевладелец>; *предприниматель* <владелец предприятия, фирмы>.

Некоторые ЛЕ русского языка являются отрицательно коннотированными [Зайцева, 2014] номинатами, например: *патрон* <хозяин предприятия (в буржуазном обществе; часто ирон.)>; *хозяйчик* <(пренебр.) мелкий частный предприниматель (владелец какой-н. мастерской и т. п.)>.

2.3. X (лицо) есть предводитель Y (группы лиц, общины, племени и т.п.).

В данную семантическую группу входят лексемы, которые обозначают предводителя, выражающего определенные (по)желания, интересы группы людей (русск. – 9 ед.; англ. – 8 ед., нем. – 7 ед.), ср. (см. табл.):

(7) англ. *head / head man/woman* <the chief or leader of a community or tribe> ‘вождь или лидер общины или племени’; *president* <the head of a society, council, or other organization> ‘глава общества, совета или другой организации’; *leader* <the person who leads or commands a group, organization> ‘человек, который возглавляет группу,

организацию или командует ей'; *sachem* <(among some American Indian peoples) a chief> 'вождь среди некоторых американских индейцев';

(8) нем. *das Häuptling* <Anführer [einer Bande]> 'предводитель банды'; *der Chef* <Leiter> 'предводитель'; *große Nummer* <Boss> 'босс'; *der Manager* <Hauptmacher> 'заправила'; *der Führer* <Leader> 'лидер (движения и т. п.)'; *das/der Grandis* <jemand, der eine hohe gesellschaftliche Stellung hat> 'человек, занимающий высокое общественное положение'; *das Oberhaupt* <leader> 'лидер'; *der Boss* <Anführer einer Gruppe> 'шеф, руководитель определенной группы';

(9) русск. *предводитель* <человек, которому принадлежит руководство чем-н. (какой-н. группой лиц, племенем, войском и т. д.), предводитель племени>; *атаман* <предводитель разбойничьей или воровской шайки>; *кондотьер* <предводитель наемной дружины в старой Италии>; *заправила* <человек, играющий руководящую роль в каком-н. деле, предприятии>; *верховод* <человек, играющий руководящую роль в какой-н. среде (не по праву, а по авторитету и влиянию на окружающих)>.

2.4. X (лицо) дает работу Y (лицо). Данная семантическая группа включает лексемы, номинирующие работодателя (англ. – 6 ед., нем. – 6 ед., русск. – 7 ед.), ср. (см. табл.):

(10) англ. *governor* (*gʊv'nɔr*) <one's employer> 'работодатель'; *governor* <one's employer> 'работодатель';

(11) нем. *der Alte* <(salopp) Arbeitgeber> 'работодатель'; *der Brötchengeber* <Arbeitgeber> 'работодатель'; *der Brotgeber* <Arbeitgeber> 'работодатель'; *der Dienstherr* <Arbeitgeber> 'работодатель';

(12) русск. *наниматель* <лицо, которое нанимает, предоставляет другим работу>; *работодатель* <тот, кто предоставляет работу>.

2.5. X (лицо), которое избирается Y (коллективом) для руководства Z (общества, объединения и т. п.). В данную семантическую группу входят лексемы, называющие выборного руководителя. В английском и русском языках по 5 ЛЕ в каждом языке, а в немецком – 2 ЛЕ, ср. (см. табл.):

(13) англ. *chair / chairperson* <the permanent or long-term president of a committee, company, or other organization> 'постоянный или долгосрочный президент комитета, компании или организации';

(14) нем. *die Obfrau* <Vorsitzende eines Vereins> 'председатель общества, объединения'; *der Alte* <Vorgesetzte> 'председатель';

(15) русск. *старейшина* <в родовом обществе – глава родовой общины, выбираемый из числа старших и влиятельных ее членов>; *староста* <выборное (или назначенное) лицо для

ведения дел какого-н. небольшого коллектива>; *спикер* <наименование председателя палаты общин в Англии>; *председатель* <лицо, руководящее заседанием, собранием>.

2.6. X (лицо) политический деятель, который руководит или контролирует Y (партия, страна и т. п.). Данная семантическая группа включает наименования политического или государственного деятеля, избранного его сторонниками для управления страной, партией и т. п. (англ. – 8 ед., нем. – 7 ед., русск. – 10 ед.), ср. (см. табл.):

(16) англ. *governor* <the elected executive head of a state of the US> ‘избранный исполнительный глава государства США’; *boss* <a politician who controls the party organization in a particular district> ‘политик, который контролирует партийную организацию в том или ином районе’; *president* <the elected head of a republican state> ‘избранный глава республиканского государства’; *leader* <the person who leads country> ‘человек, который руководит страной’; *chair/ chairperson/ chairman/ chairwoman* <(since 1949) the leading figure in the Chinese Communist Party> ‘(с 1949 года) ведущая фигура в китайской коммунистической партии’; *chief* <a leader or ruler of a people or clan> ‘лидер или правитель народа или клана’;

(17) нем. *der Amtmann* <Leiter der Verwaltung eines Amtsbezirkes eines Landesherrn> ‘руководитель административного округа в государстве’; *der Führer* <im faschistischen Deutschland der Leader der nationalsozialistischen Partei> ‘фюрер (в фашистской Германии), лидер национал-социалистической партии’; *der Kanzler* <Regierungschef Deutschlands und Österreichs> ‘глава правительства в ФРГ и Австрии’; *der Satrap* <Tathalter einer Provinz (im Persien der Antike)> ‘правитель региона (в Древней Персии)’;

(18) русск. *глава* <один из столпов либеральной партии>; *президент* <глава государства в буржуазной республике>; *губернатор* <начальник какой-н. большой административно-территориальной федеративной единицы (напр., губернии в царской России, штата в США, колониальной области), а также (неофициально) глава исполнительной власти крупного города>; *повелитель* <человек, который повелевает кем-н., владыка>; *правитель* <лицо, которое правит страной, государством>.

К данной группе примыкает также историзм: *тысяцкий* <выборный от крестьян, старшина, выполнявший административные обязанности (истор.)>.

2.7. X (лицо) руководит Y (полиция, воинская часть / подразделение, корабль и т. п.). Номинатемы данной семантической группы называют лицо, руководящее определенным структурным подразделением в той или иной области государства (англ. – 6 ед., нем. – 8 ед., русск. – 11 ед.), ср. (см. табл.):

(19) англ. *top man / woman* <a main sailor on duty in a sailing ship> ‘старший моряк / старшая морячка при исполнении служебных обязанностей на парусном судне’; *master* <the captain of a merchant ship> (капитан торгового судна) ‘капитан, шкипер’; *skipper* <the captain of an aircraft> ‘капитан воздушного судна’; *superintendent* <(in the US) a high-ranking official, especially the chief of a police department> ‘(В США) высокопоставленный чиновник, в частности начальник отдела полиции’;

(20) нем. *der Bulle* <Polizei-, Kriminalbeamter (salopp. Soldatensprache)> ‘фам. солд. жарг. ‘чиновник полиции, криминалистики’; *der Chef* <der Chefs der Batteries> ‘штатный командир (батареи)’; *der Bulle* <Polizeier, Greifer> ‘разг. полицейский, фараон’; нем. *der Polizeipräsident* <Leiter eines Polizeipräsidiiums> ‘глава управления полиции’;

(21) русск. *военачальник* <военный или флотский начальник, командир (обычно высший)>; *командир* <начальник воинской части, подразделения, военного корабля, а также военизированной организации, стройотряда>; *командующий* <в вооруженных силах: начальник военного округа, групп войск, флота, армий и некоторых других соединений, а также начальник фронта>; *батяка* <командир партизанского отряда (на Украине, в Белоруссии и на юге России во время Великой Отечественной войны)>.

2.8. X (лицо) руководитель определенной государственной сферы. В данную семантическую группу входят лексические единицы, называющие конкретного руководителя в определенной государственной сфере (суд, производство и т. п.). Большинство номинатов данной группы отражают национальную специфику государственного управления, менеджмента той или иной страны (англ. – 5 ед., нем. – 4 ед., русск. – 7 ед.), ср. (см. табл.):

(22) англ. *controller* <a person in charge of an organization’s finances> ‘человек, отвечающий за финансы в организации’; *sherang* (Australia / New Zealand) ‘(Австралия / Новая Зеландия) начальник’; *master* <(in England and Wales) an official of the Supreme Court> ‘(в Англии и Уэльсе) должностное лицо Верховного суда’; *principal* <(in the UK) a senior civil servant in charge of a particular section> ‘значение’;

(23) нем. *SGL* <regionaler Manager> ‘региональный руководитель’;

(24) русск. *менеджер* <специалист по управлению производством, работой предприятия>; *тимлид* <руководитель небольших команд в сфере ИТ>; *тренинг-менеджер* <специалист по организации обучения персонала компании>.

2.9. X (лицо) есть главный (ведущий) специалист в сфере искусства, спорта, религии и т. п. Лексические единицы данной семантической группы называют ведущих

(главных) руководителей или работников в сфере искусства, спорта, религии, медицины (англ. – 8 ед., нем. – 9 ед., русск. – 10 ед.), ср. (см. табл.):

(25) англ. *skipper* <the captain of a side in a game or sport> ‘капитан в игре или спорте’; *principal* <the leading performer in a concert, play, ballet, or opera> ‘ведущий исполнитель в концерте, пьесе, балете или опере’; *director* <a person who supervises the actors and other staff in a film, play, or similar production> ‘человек, который контролирует актеров и других сотрудников в кино, спектакле и т. п.’; *manager* <a person in charge of the activities, tactics, and training of a sports team> ‘лицо, ответственное за работу, подготовку и тактику спортивной команды’; *bigwig* (← *big wheel*) <an important person, in a particular sphere> ‘выдающийся человек в той или иной сфере’; *big cheese* <an important person> ‘важная персона’;

(26) нем. *der Leiter* <Sportlehrer> ‘тренер’; *der Primarius* <(Musik) Erster Geiger in einem Streichquartett> ‘первая скрипка в струнном квартете’; *der Rabbuni* <Maitre> ‘мэтр’; *der Gesalbte* <Champion> ‘чемпион’; <Abtissin> ‘настоятельница монастыря’; *der Präpositus* <Vorsteher einer Kirche, Propst> ‘главный в церкви, старший пастор’; *der Primarius* <leitender Geistliche> ‘главный священник’; *der Vorsteher* <Dekan> ‘настоятель’. К данной группе относится также лексема, употребляемая в федеративном государстве Австрии: *der Primarius* <(österreichisch) Primararzt> ‘(Австрия) главный врач’;

(27) русск. *корифей* <выдающийся деятель на каком-н. поприще>; *обер-кондуктор* <старший, главный кондуктор>; *светило* <знаменитый человек, прославившийся в какой-н. области науки или искусства>; *владыка* <титулованный архиерей>; *мэтр* <учитель, наставник / деятель искусства или науки – почитаемый авторитет среди своих учеников, своего окружения (часто при обращении или упоминании)>.

К данной группе относятся также лексемы, употребляемые в определенной части / регионе той или иной страны: *big kahuna* <in Hawaii: a prominent priest, sage, or healer> ‘(Гавайи) видный священник, маг или целитель’; *leader* <North American. A conductor of a small musical group> ‘(Северная Америка) руководитель небольшой музыкальной группы’.

2.10. X (лицо) руководитель учебного заведения. В анализируемой семантической группе представлены языковые единицы, номинирующие руководителя учебного заведения. Данная группа содержит в английском языке – 4 ед., в немецком – 3 ед., а в русском – 5 ед., ср. (см. табл.):

(28) англ. *master* <the head of a college or school> ‘руководитель колледжа или школы’;

(29) нем. *der Ausbilder* <Lehrer des Wehrunterrichts> ‘преподаватель; руководитель военных занятий’; *der Direktor* <Leiter bestimmter Schul- und Hochschultypen, Leiter einer öffentlichen Institution oder bestimmter Behörden> ‘руководитель школы или высшего учебного заведения’; *der Kanzler* <leitender Beamter in der Verwaltung einer Hochschule> ‘руководящий чиновник в управлении высшим учебным заведением’;

(30) русск. *директор* <руководитель учебного заведения>; *ректор* <лицо, стоящее во главе управления университетом и некоторыми другими высшими учебными заведениями>.

К рассматриваемой группе относится также номинатема, распространенная в Северной Америке: *president* <North American. The head of a university> ‘(Северная Америка) руководитель университета’.

2.11. X (лицо) оказывает финансовую или иную поддержку Y (лицо, организация и т. п.). В данную семантическую группу входят лексемы, которые называют определенное лицо, оказывающее финансовую поддержку кому-либо (англ. – 4 ед., нем. – 3 ед., русск. – 4 ед.), ср. (см. табл.):

(31) англ. *patron* <a person who gives financial or other support to a person, organization> ‘лицо, которое оказывает финансовую или иную поддержку какому-л. лицу, организации’; *kingpin* <a person that is essential to the success of an organization or operation> ‘человек, который имеет большое значение для успеха организации или операции’;

(32) нем. *das/der Grandis* <jemand, der eine hohe gesellschaftliche Stellung hat> ‘человек с крупным общественным положением’; *der Shirmherr* <Beschirmer> ‘покровитель; патрон’;

(33) русск. *покровитель* <человек, который оказывает кому-н. покровительство, финансовую поддержку>; *попечитель* <лицо, заботящееся об интересах, нуждах или потребностях другого лица или организации, оказывая при этом финансовую помощь>; *меценат* <тот, кто покровительствует какому-н. делу, начинанию финансово>.

3. Выводы

3.1. В ходе сопоставительного исследования семантики ЛЕ, обозначающих руководителя / должностное лицо в английском, немецком и русском языках, выявлено в целом 11 семантических групп (см. табл.).

3.2. Самой продуктивной в сопоставляемых языках является группа ЛЕ с семантикой «X (ответственное лицо) руководит Y (организация, офис, отдел и т. п.)» (англ. – 39 ед., нем. – 35 ед., русск. – 33 ед.).

3.3. Второе место по продуктивности в английском, немецком и русском языках занимает группа «X (лицо) есть владелец Y (предприятия и т.п.) и руководит Y» (англ. – 17 ед., русск. – 15 ед., нем. – 10 ед.).

3.4. Во всех сопоставляемых языках обнаружены многочисленные номинатемы, обозначающие руководящее (должностное) лицо в сфере экономики (англ. – 39 ед., нем. – 35 ед., русск. – 33 ед.) (см. (1), (2), (3)). Данный факт объясняется в частности тем, что экономика является приоритетной сферой в жизни каждого социума.

3.5. В английском и немецком языках выявлены уникальные (национально-специфические) наименования руководящих и должностных лиц, которые употребляются только в той или иной стране либо в ее определенной области или регионе. Данные номинатемы относятся к сферам религии, политики, медицины (см. (25), (26), (27)).

3.6. В английском, немецком и русском языках обнаружены номинатемы, содержащие в своем значении оценку, которая чаще является негативной (ирония, грубо, шутил. и т. п.) (см. (6), (20), (25)). Большинство данных ЛЕ, во всех вышеперечисленных языках, относятся к сфере экономики и политики, что связано, в частности, с негативным отношением населения (говорящих) к руководящим лицам в этих областях общественной жизни.

Таблица. *Продуктивность семантических групп ЛЕ, обозначающих руководящее лицо в английском, немецком и русском языках*

Семантическая группа	Английский		Немецкий		Русский	
	При- мер	Кол-во, %	При- мер	Кол-во, %	При- мер	Кол- во, %
X (ответственное лицо) руководит Y (организация, офис, сотрудники и т. п.)	см. (1)	39 (35,4%)	см. (2)	35 (37,2%)	см. (3)	33 (28,4%)
X (лицо) есть владелец Y и руководит Y (предприятием, фирмой и т. п.)	см. (4)	17 (15,4%)	см. (5)	10 (10,6%)	см. (6)	15 (12,9%)
X (лицо) есть предводитель Y (группы лиц, общины, племени и т. п.)	см. (7)	8 (7,2%)	см. (8)	7 (7,4%)	см. (9)	9 (9,2%)
X (лицо) дает работу Y (лицо)	см. (10)	6 (5,4%)	см. (11)	6 (6,3%)	см. (12)	7 (6%)
X (лицо), которое избирается Y (коллективом) для руководства Z (общества, объединения и т. п.)	см. (13)	5 (4,5%)	см. (14)	2 (2,1%)	см. (15)	5 (4,3%)
X (лицо) политический деятель, который руководит или контролирует Y (партия, страна и т. п.)	см. (16)	8 (7,2%)	см. (17)	7 (7,4%)	см. (18)	10 (8,6%)

Окончание табл.

Х (лицо) руководит Y (полиция, воинская часть / подразделение, корабль и т. п.)	см. (19)	6 (5,4%)	см. (20)	8 8,5% (8,5%)	см. (21)	11 (9,4%)
Х (лицо) руководитель определенной государственной сферы	см. (22)	5 (4,5%)	см. (23)	4 (4,2%)	см. (24)	7 (6%)
Х (лицо) есть главный (ведущий) специалист в сфере искусства, спорта, религии и т. п.	см. (25)	8 (7,2%)	см. (26)	9 (9,5%)	см. (27)	10 (8,6%)
Х (лицо) руководитель учебного заведения	см. (28)	4 (3,6%)	см. (29)	3 (3,1%)	см. (30)	5 (4,3%)
Х (лицо) оказывает финансовую или иную поддержку Y (лицо, организация и т. п.)	см. (31)	4 (3,6%)	см. (32)	3 (3,1%)	см. (33)	4 (3,4%)
Всего		110 (100%)		94 (100%)		116 (100%)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бирих А. К. Метонимия в современном русском языке: семантический и грамматический аспекты. Verlag Otto Sagner, 1995. 191 с.
2. Ван Несс С. Р. Использование вторичной номинации при создании прозвищных наименований // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. 2008. Вып. 7. С. 74-77.
3. Вардзелашвили Ж. А. К вопросу о толковании термина «номинация» в лингвистических исследованиях // Славистика в Грузии ТГУ. Тбилиси, 2000. Вып. 1. С. 62-68.
4. Зайцева С. С. Оценочная номинация человека (на материале английских пейоративных суффиксов) // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2014. № 2 (87). С. 78-81.
5. Катермина В. В. Представление национально-культурной специфики образа человека в системе номинаций XIX века (на материале русского и английского языков): автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.20. Ростов н/Д, 2004. 44 с.
6. Катермина В. В. Профессиональные номинации человека: семантический аспект (на материале английских неологизмов) // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 31 (322). С. 95-97.
7. Ким И. Е. Социальные субъекты: принципы номинации // Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. 2010. № 57. С. 47-51.
8. Клименко Е. О. Концепт «Менеджмент» в американской и русской лингвокультурах: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. Волгоград, 2004. 26 с.
9. Крюков А. В. Концептуализация интеллектуальных характеристик человека (на материале русского и английского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. М., 2006. 24 с.
10. Николич М. Национально-культурный компонент семантики родства – свойства в русской и сербской языковой картине мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. М., 2016. 16 с.
11. Подьякова Т. Д. Семантика статусных номинаций как объект интерпретации // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 14 (305). Вып. 77. С. 55-57.
12. Серебренников Б. А. Языковая номинация. Общие вопросы. М.: Наука, 1977. 358 с.

СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

1. Абрамов Н. А. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений. М.: Русские словари, 1999. 433 с.
2. Апресян Ю. Д. Новый большой англо-русский словарь: в 3-х т. Available at: <http://www.classes.ru/dictionary-english-russian-Appresyan.htm?#>. (accessed: 13.10.2017).
3. Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.
4. Grimm J. Deutsches Wörterbuch. Available at: <http://woerterbuchnetz.de/DWB/?sigle=DWB&mode=Vernetzung&lemid=GT11119#XGT11119>. (accessed: 18.11.2017).
5. Harper D. Online Etymology Dictionary. 2001. Available at: <http://www.etymonline.com/>. (accessed: 25.11.2017).
6. Küpper H. Pons. Wörterbuch der deutschen Umgangssprache. Stuttgart: Klett Verlag für Wissen und Bildung, 1997. 959 с.
7. Morgan C. Cambridge Advanced Learner's Dictionary. Cambridge University Press, 2008. Available at: <http://dictionary.cambridge.org/>. (accessed: 02.09.2017).

REFERENCES

1. Birikh, A. K. (1995). *Metonimiya v sovremennom russkom yazyke: semanticheskij i grammaticheskij aspekt* [Metonymy in modern Russian: semantic and grammatical aspects]. Verlag Otto Sagner. (In Russ.).
2. Van Ness, S. R. (2008). Ispolzovaniye vtorichnoy nominatsii pri sozdanii prozvischnykh naimenovaniy [Use of the secondary nomination during creation of nicknames]. In *Vestnik Yuzhno-Uralskogo gosudarstvennogo universiteta*. Seriya: Lingvistika. Vyp. 7. Pp. 74-77. (In Russ.).
3. Vardzelashvili, Zh. A. (2000). K voprosu o tolkovanii termina «nominatsiya» v lingvisticheskikh issledovaniyakh [To a question of interpretation of the term «nomination» in linguistic researches]. In *Slavistika v Gruzii TGU*. Tbilisi. Vyp. 1. Pp. 62-68. (In Russ.).
4. Zaytseva, S. S. (2014). Otsenchnaya nominatsiya cheloveka (na materiale angliyskikh peyorativnykh suffiksov) [The estimated nomination of the person (on material of the English peyorative suffixes)]. In *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. No. 2 (87). Pp. 78-81. (In Russ.).
5. Katermina, V. V. (2004). *Predstavlenie natsionalno-kulturnoy spetsifiki obraza cheloveka v sisteme nominatsiy XIX veka (na materiale russkogo i angliyskogo yazykov)* [Representation of national and cultural specifics of an image of the person in the system of the nominations of the 19th century (on material of the Russian and English languages)]: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk: 10.02.20. Rostov n/D. (In Russ.).
6. Katermina, V. V. (2013). Professionalnye nominatsii cheloveka: semanticheskij aspekt (na materiale angliyskikh neologizmov) [Professional nominations of the person: semantic aspect (on material of the English neologisms)]. In *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 31 (322). Pp. 95-97. (In Russ.).
7. Kim, I. Ye. (2010). Sotsialnye subjekty: printsipy nominatsii [Social subjects: principles of the nomination]. In *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta im. Yaroslava Mudrogo*. No. 57. Pp. 47-51. (In Russ.).
8. Klimenko, Ye. O. (2004). *Kontsept «Menedzhment» v amerikanskoj i russkoj lingvokulturakh* [Concept «Management» in the American and Russian lingvocultures]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.20. Volgograd. (In Russ.).
9. Kryukov, A. V. (2006). *Kontseptualizatsiya intellektualnykh kharakteristik cheloveka (na materiale russkogo i angliyskogo yazykov)* [Conceptualization of intellectual characteristics

of the person (on material of the Russian and English languages]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.20. Moskva. (In Russ.).

10. Nikolich, M. (2016). *Natsionalno-kulturnyy komponent semantiki rodstva – svoystva v russkoy i serbskoy yazykovoy kartine mira* [National and cultural component of semantics of relationship – properties in the Russian and Serbian language picture of the world]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.19. Moskva. (In Russ.).

11. Podyakova, T. D. (2013). Semantika statusnykh nominatsiy kak obekt interpretatsii [Semantics of the status nominations as subject to interpretation]. In *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 14 (305). Vyp. 77. Pp. 55-57. (In Russ.).

12. Serebrennikov, B. A. (1977). *Yazykovaya nominatsiya. Obshchie voprosy* [Language nomination. General questions]. M.: Nauka. (In Russ.).

LEXICOGRAPHICAL SOURCES

1. Abramov, N. A. (1999) *Slovar russkikh sinonimov i skhodnykh po smyslu vyrazheniy* [Dictionary of the Russian synonyms and expressions, similar in sense]. M.: Russkie slovari. (In Russ.).

2. Apresyan, Yu. D. *Novyy bolshoy anglo-russkiy slovar: v 3-kh t.* [The new big English-Russian dictionary]. Moskva. Available at: <http://www.classes.ru/dictionary-english-russian-Apresyan.htm?#>. (accessed: 13.10.2017). (In Russ.).

3. Kuznetsov, S. A. (2000). *Bolshoy tolkovyy slovar russkogo yazyka* [Big explanatory dictionary of Russian]. SPb.: Norint. (In Russ.).

4. Grimm, J. *Deutsches Wörterbuch* [German dictionary]. Available at: <http://woerterbuchnetz.de/DWB/?sigle=DWB&mode=Vernetzung&lemid=GT11119#XGT11119>. (accessed: 18.11.2017).

5. Harper, D. (2001). *Online Etymology Dictionary*. Available at: <http://www.etymonline.com/>. (accessed: 25.11.2017).

6. Küpper, H. Pons. (1997). *Wörterbuch der deutschen Umgangssprache* [Dictionary of the German colloquial language]. Stuttgart: Klett Verlag für Wissen und Bildung.

7. Morgan, C. (2008). *Cambridge Advanced Learner's Dictionary*. Cambridge University Press. Available at: <http://dictionary.cambridge.org/>. (accessed: 02.09.2017).

Басыров Шамиль Рафаилович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры германской филологии (e-mail: schamraf@rambler.ru), Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Донецкий национальный университет» 283001, Донецк, Университетская, 24

Basyrov Shamil R. – Doctor of Philology, Professor of Germanic Philology Department (e-mail: schamraf@rambler.ru), State Educational Institution of Higher Professional Education «Donetsk National University» 24 Universitetskaya, Donetsk, 283001

Поддубная Екатерина Игоревна – студентка кафедры теории и практики перевода (e-mail: kat.piddubna@yandex.ua), Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Донецкий национальный университет» 283001, Донецк, Университетская, 24

Poddubnaya Ekaterina I. – Student of the Department of Theory and Practice of Translation (e-mail: kat.piddubna@yandex.ua), State Educational Institution of Higher Professional Education «Donetsk National University» 24 Universitetskaya, Donetsk, 283001

Поступила в редакцию 12 октября 2018 г.

УДК 811.111:81'373.6

© 2018 Л. В. Беспамятная

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ДЕРИВАЦИЯ СУБСТАНТИВНЫХ ТЕРМИНОВ КОРАБЛЕСТРОЕНИЯ В АНГЛИЙСКОМ, НЕМЕЦКОМ, РУССКОМ И УКРАИНСКОМ ЯЗЫКАХ

Статья посвящена изучению семантической деривации в терминосистемах кораблестроения английского, немецкого, русского и украинского языков. Осуществляется систематизация субстантивных терминов кораблестроения, образованных путем метафорического и метонимического переносов, определяются механизмы и закономерности метафорического и метонимического терминообразования в анализируемых терминосистемах и устанавливается продуктивность данных способом терминопроизводства в сопоставляемых языках.

Ключевые слова: субстантивные термины кораблестроения, терминообразование, метафора, метонимия.

© 2018 L. V. Bespamyatnaya

SEMANTIC DERIVATION OF SUBSTANTIVE SHIPBUILDING TERMS IN ENGLISH, GERMAN, RUSSIAN AND UKRAINIAN

The paper deals with the study of lexico-semantic derivation in shipbuilding terminology of the English, German, Russian and Ukrainian languages. The substantive terms of shipbuilding, formed by means of metaphor and metonymy have been analysed. The attention is paid to the tools and regularities of metaphorical and metonymic term formation in the analyzed terminology and their productivity in the languages under comparison.

Key words: substantive terms of shipbuilding, metaphorical and metonymic formation, term formation.

1. Введение. На современном этапе развития лингвистики изучение терминологии как системы является одной из важных и актуальных задач. Анализ различных терминосистем находится в центре внимания многих ученых (см. работы: З. С. Гандалоева [2016], Н. Н. Крючкова [2006], А. В. Материнская [2013], Л. А. Матвеева [2006], А. В. Милюк [2004], А. Г. Рябов [2009], Н. С. Шарафутдинова [2006], Р. Е. Шкилёв [2009]). В этих и других исследованиях выявляются общие закономерности формирования терминологического фонда, устанавливаются общие и отличительные черты в способах и средствах номинации. Одним из таких способов пополнения терминосистемы является процесс вторичной номинации.

Общеизвестно, что существует два типа номинации: первичная (прямая) и вторичная (непрямая). Первичная номинация квалифицируется в лингвистике как форма, которая применяется в своей первичной функции для обозначения объекта в данных условиях.

Если та же самая языковая форма используется для обозначения других объектов при помощи языковой асимметрии, то речь идет о вторичной номинации. Вторичная номинация внутренне характеризует природу языка в целом и речи в частности. Перенос функции связан с тем, что средства номинации (номинанты) ограничены в своем количестве, тогда как объектов номинации – множество [Гак, 1998: 322]. Для обозначения процесса вторичной номинации в лингвистике используются разные термины, в частности: лексическая (лексико-семантическая, семантическая) деривация и лексический (лексико-семантический) способ.

К семантической деривации относятся прежде всего процессы метафоризации и метонимизации лексики. Метафора – это разновидность вторичной лексической номинации, предполагающая «производство значения» на основе сопоставления двух предметов по общему признаку, возникновение которого гарантируется единством всех сторон практико-преобразующей деятельности человека, а также единством процессов, которые происходят в его сознании [Вовк, 1986: 47]. Метафора как феномен сознания проявляется не только в языке, но и в мышлении, и в действии: «наша обыденная понятийная система, в рамках которой мы думаем и действуем, по сути своей метафорична» [Лакофф, Джонсон, 2004: 25]. Таким образом, метафора представляет собой «неотъемлемую принадлежность языка, необходимую для коммуникативных, номинативных и познавательных целей» [Скляревская, 1993: 6]. Метонимия, в свою очередь, представляет собой перенос значения слова на основе ассоциации по смежности (близости) предметов или явлений в пространстве, во времени, в их логической смежности, внутренней причинно-следственной связи. В основе метонимии могут лежать различные виды связи: между формой и содержанием, между действием и его результатом, между автором и содержанием, между целым предметом и его частью и др. [Матвеева, 2006: 236].

Метафора и метонимия позиционно распределены и находятся между собой в синтагматических отношениях. Метонимия тяготеет к позиции субъекта и других референтных членов предложения. Она не может быть употреблена в предикате. Метафора, напротив, в своей первичной функции прочно связана с позицией предиката [Арутюнова, 1990: 31]. В современной лингвистике существует также понятие взаимодействия метафоры и метонимии, получившее название «метафтонимия». Термин «метафтонимия» как концептуальное взаимодействие между метафорой и метонимией был разработан и введен Л. Гуссенсом [Goossens, 1995]. Отметим, однако, что в настоящей работе данный способ вторичной номинации не анализируется.

Как и другие специальные подсистемы языка, терминология кораблестроения развивается и функционирует как одна из лексических подсистем общелитературного языка, подчиняясь общезыковым законам развития, о чем свидетельствует, в частности, наличие в этой терминосистеме лексико-семантических дериватов. Терминосистема кораблестроения (ТК) не была предметом сопоставительного исследования в германских и славянских языках, что обуславливает актуальность предлагаемой работы.

Таким образом, объектом исследования в настоящей статье являются субстантивные термины кораблестроения (СТК), а предметом – СТК в германских (английский и немецкий) и славянских (русский и украинский) языках, образованные путем метафоризации и метонимизации.

Материалом исследования послужили СТК, отобранные путем сплошной выборки из специальных словарей, интернет-источников и журналов. Общий объем выборки составил 1040 ед. (англ. – 237 ед., нем. – 324 ед., рус. – 233 ед., укр. – 246 ед.)

Целью данного исследования является поиск и систематизация СТК, возникших путем метафорического и метонимического переносов. Для достижения указанной цели в работе ставятся следующие задачи: 1) выявить корпус СТК, образованных путем семантической деривации в германских и славянских языках; 2) определить механизмы и закономерности метафорического и метонимического терминообразования в анализируемых терминосистемах; 3) определить продуктивность этих способов в сопоставляемых языках.

2.1. Метафорическое терминообразование СТК часто базируется на сходстве внешних признаков (формы, размеров). В качестве объектов сравнения выступают:

1) *животные*, ср.: нем. *Schildkrötendeck* (букв. ‘палуба-черепаха’) ‘карапасная палуба’ (толстая, покатая, в виде спины черепахи, броневая палуба, идущая от броневоего траверза к оконечности корабля); англ. *mammoth tanker* (букв. ‘танкер-мамонт’) ‘супертанкер’, т. е. танкер, который по своим размерам самый крупный, также как и мамонт среди животных; рус. *лебедка* (форма рукояти ее ворота похожа на изогнутую лебединую шею), аналогично: укр. *з'єднання ластівчиним хвостом*;

2) *названия частей тела живого организма* (человека, животного), ср.: нем. *Spornknie* (букв. колено шпоры) ‘кница у шпоры мачты’ (кница крепит бимс к шпангоуту). Раньше конец бимса отгибался от шпангоута, тем самым образуя как бы «колени», т. о. перенос наименования основывается на сходстве внешних признаков, *Ankerkopf* ‘головная часть якоря’ (голова как значимая часть тела вместо целой части

якоря), *Brückenflügel* ‘крыло (ходового) мостика’; *Taucherschiff* (букв. ‘водолаз и судно’ ‘водолазное судно’; аналогично: англ. *gooseneck* (букв. ‘шея гуся’) ‘двойное [S-образное] колено трубы; воздушная труба (танка, цистерны)’, т. е. труба, внешне напоминающая шею птицы; *nose* ‘нос; носовая часть (судна)’, *shoulder* (букв. ‘плечо’) ‘скула (судна, носовая или кормовая)’, *heel of davit* (букв. ‘каблук шлюпбалки’) ‘пятка шлюпбалки’; рус. *рог якоря*; рус. *нос судна, леса внутренние, подошва ахтерштевня*; укр. *крило (судна); апарель носова, п'ятка якірна, ребро руля*;

3) названия предметов быта или инструментов работы, ср.: нем. *Sackspant* (букв. ‘мешок и шпангоут’) ‘U-образный шпангоут’, т. е. шпангоут, внешне напоминающий форму мешка, *Bügeleisenbug* (букв. ‘утюг и нос’) ‘носовой бимс’ (т. е. форма носа корабля, напоминающая утюг); аналогично: англ. *stick* (букв. ‘палка’) ‘мачта’, *spoon stern* (букв. ‘ложка и корма’) ‘ложкообразный нос’; рус. *вилка стрелы; коробчатый кильсон; укр. стріла крана*;

4) растения, части растения (например, плоды), ср.: нем. *Birnbalken* (букв. ‘груша и балка’) ‘бульбовый бимс’ (бульб – выступающая чуть ниже ватерлинии часть носа судна, имеющая выпуклую эллипсоидную форму.), т. е. в основу положено сравнение с формой фрукта, аналогично: англ. *apple stern* (букв. ‘яблоко и корма’) ‘круглая (закругленная) корма’; рус. *якорь грибовидный*; укр. *якір грибоподібний* (также *якір грибовидний*);

5) геометрические фигуры (нем. *Kugelschott* букв. ‘шар и переборка’, ‘сферическая переборка’), музыкальные инструменты (нем. *Eintrommelkessel* букв. ‘котел с одним барабаном’, ‘однобарабанный котел’);

6) форма других видов судов, ср.: нем. *Kanoebug* (букв. ‘каное и нос’) ‘заваленный нос’, т. е. нос судна, напоминающий по своей форме лодку-каное, аналогично: англ. *cannoe stern* ‘круглая ложкаобразная корма’;

7) персонификация судна, его частей, в которых в качестве объекта для ассоциации выступает человек, ср.: нем. *Schnelläufer* m (букв. ‘быстрый бегун’) ‘быстроходное судно’, *fliegende Brücke* (букв. ‘летающий мост’) ‘навесной мостик’; англ. *flyboat* (букв. ‘летающая лодка’) ‘быстроходное судно; плоскодонное каботажное судно’, *minehunter* (‘охотник за минами’) ‘минный тральщик’; рус. *судно-снабженец*; укр. *арматура вказівна, насос живильний, ватерлінія діюча*.

Отметим, что переосмысленные общеупотребительные слова могут одновременно употребляться в структуре многокомпонентного СТК в качестве детерминативного (англ. – 17 ед., нем. – 61 ед., рус. – 9 ед., укр. – 21 ед.) и базового слова (англ. – 43 ед., нем. – 38 ед., рус. – 42 ед., укр. – 61 ед.). При этом, в некоторых случаях переосмыслению

подвергаются сразу оба компонента (англ. – 13 ед., нем. – 8 ед., рус. и укр. – по 3 ед.). Так, в немецком СТК-компоните *Tulpennaht* (букв. ‘шов тюльпана’) ‘U-образный шов’ у детерминативного компонента наблюдается перенос наименования на основе сходства с формой растения (тюльпан), а у базового компонента – на основе сходства с функцией элемента одежды (шов). Аналогичное явление наблюдается и в английском СТК-словосочетании *shovel nose* (букв. ‘совковый нос’) ‘ложкообразный нос’: в качестве детерминатива выступает переосмысленное название предмета быта, а в качестве основного слова – соматизм (наименование части тела человека), аналогично: рус. *пояс скуловой*; укр. *пояс скуловий*.

В процессе метафоризации чаще всего в качестве ассоциативных признаков выступают: названия частей тела живого организма (человека, животного) (англ. – 13 ед., нем. – 32 ед., рус. – 21 ед., укр. – 19 ед.) и названия предметов быта или инструментов работы (англ. – 18 ед., нем. – 24 ед., рус. – 19 ед., укр. – 33 ед.). Антропоморфная и артефактная метафора в целом является достаточно продуктивной метафорической моделью [Будаев, 2010: 25].

2.2. К следующему виду вторичного терминообразования в сфере кораблестроения относятся термины, образованные по моделям **метонимического переноса**. Метонимический перенос значения базируется, главным образом, на ассоциации по смежности функций на разных уровнях логической связи:

1) способ передвижения судна и животного, ср.: нем. *Amphibienboot* ‘катер-амфибия; судно-амфибия’ (суда, которые могут двигаться над водной поверхностью, по заболоченным районам, надо льдом со скоростями до 125 км/ч), т. е. в основу наименования транспортного средства положена ассоциация по смежности функций передвижения данного судна и земноводного животного, аналогично: англ. *amphibious hovercraft* ‘земноводное судно (судно на воздушной подушке)’, рус. *амфибийное судно*, укр. *амфібійне судно*.

К анализируемому типу в английском языке примыкает СТК, в котором одновременно происходит метафоризация и метонимизация: *catwalk* (букв. ‘прогулка кота’) ‘продольный переходный мостик (танкера, газовоза); узкий мостик (перед рубкой)’, т. е. мостик настолько узкий, что по нему может пройти только кот;

2) название частей тела человека или живых существ, ср.: нем. *Haut* (букв. ‘кожа’) ‘обшивка; оболочка’ (конструктивная защита набора корпуса судна), т. е. перенос наименования по сходству одной из функций кожи человека, аналогично: англ. *ship skin*

‘наружная обшивка судна’, укр. *щогла двонога*, рус. *судно на подводных крыльях* (тип скоростного судна с динамическим принципом поддержания, у которого под корпусом расположены подводные крылья, создающие подъемную силу и частично или полностью поднимающие корпус судна над поверхностью воды, что приводит к значительному уменьшению сопротивления движению и позволяет развивать скорость, недостижимую для традиционных водоизмещающих судов), т.е. перенос функции крыла птицы на часть борта судна;

3) защитная функция конструктивных частей судна и одежды человека, ее атрибутов, ср.: нем. *Schanzkleid* (букв. ‘защитная одежда’) ‘фальшборт’ (часть борта над верхней палубой, которая служит для защиты людей и груза на палубе, а также для крепления палубного груза), т.е. перенос наименования по сходству функциональных свойств одежды (защищать / закрывать тело) на свойство борта (защищать человека от выпадения за борт), аналогично: англ. *jacket* (букв. пиджак) ‘обшивка; защитное покрытие; тепловая изоляция’; рус. *пояс ледовый*; укр. *обшивка зовнішня бортова*;

4) предметы быта: ср.: нем. *Luftkissenschiff* ‘судно на воздушной подушке, СВП’ (судно, у которого вся масса или значительная ее часть на ходу или без хода поддерживается над водой (грунтом, льдом и т. д.) силами избыточного давления воздуха, постоянно нагнетаемого под днище в полость, называемую воздушной подушкой), т. е. перенос по сходству функции подушки (поддерживать голову человека во время сна) на свойства судна, аналогично: англ. *mast bed* (букв. ‘кровать мачты’) ‘степс мачты’ (углубление (гнездо) в днище или палубе судна, в которое мачта устанавливается своим шпором); рус. *опорная подушка*; укр. *опорна подушка*;

5) сравнение с родственными связями человека: нем. *Schwesterschiff / Tochterschiff* (букв. ‘корабль-сестра’) ‘однотипное [серийное] судно’ (судно того же самого класса, или фактически идентичного дизайна как другое судно), т.е. в основу сравнения положено генетическое сходство человека со своими родственниками, аналогично: англ. *sister ship* ‘однотипное судно’.

Отметим, что наиболее часто в процессе метонимизации используются, как и в случае с метафоризацией, следующие ассоциативные признаки: название частей тела человека или живых существ (англ. – 47 ед., нем. – 17 ед., рус. – 34 ед., укр. – 26 ед.) и предметы быта (англ. – 17 ед., нем. – 21 ед., рус. – 14 ед., укр. – 18 ед.)

3. Выводы. Проведенный анализ семантической деривации СТК английского, немецкого, русского и украинского языков позволяет сделать следующие выводы:

3.1 Лексико-семантическое терминообразование базируется на метафорическом и метонимическом переосмыслении общеупотребительной лексики.

3.2. В сопоставляемых языках семантическая деривация (метафоризация и метонимизация) субстантивных терминов кораблестроения более продуктивно происходит в немецком языке (324 ед.), в остальных языках выявлено примерно равное количество переосмысленных СТК (англ. – 237 ед.; рус. – 233 ед.; укр. – 246 ед.).

3.3. СТК-метафоры строятся в сопоставляемых языках часто на сходстве внешних признаков (обычно формы) с привлечением предметов быта, артефактов, растений (их частей) и животных, а СТК-метонимии – на схожих ассоциациях по смежности предметов, явлений и их функций с привлечением частей тела живого организма, атрибутов одежды.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова Н. Д. Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. 352 с.
2. Будаев Э. В. Сопоставительная метафорология: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.20. Екатеринбург, 2010. 50 с.
3. Вовк В. Н. Языковая метафора в художественной речи. Природа вторичной номинации. К.: Наукова думка, 1986. 592 с.
4. Гак В. Г. Языковые преобразования. М.: Языки русской культуры, 1998. 768 с.
5. Гандалоева З. С. Метафоризация и метонимизация как способы терминообразования в сфере парфюмерного и косметического производства (на материале английского языка) // Вестник ВГУ: Лингвистика и межкультурная коммуникация. Пятигорск, 2016. № 3. С. 24-29.
6. Крючкова Н. Н. Лексико-семантические, словообразовательные и структурные особенности эко-терминов в русском и немецком языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Краснодар, 2006. 24 с.
7. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем: пер. с англ. / под. ред. и с предисл. А. Н. Баранова. М., 2004. 256 с.
8. Матвеева Л. А. Лексико-семантический способ образования терминов в английской криогенной терминологии // Филологические науки. Языкознание. Омский научный вестник. 2006. № 7 (43). С. 234-236.
9. Материнська О. В. Система меронімів у німецькій та англійській мовах: автореф. дис. ... д-ра філол. наук: 10.02.04. Донецьк, 2013. 40 с.
10. Милюк А. В. Вторичная номинация в отраслевых терминологиях (На примере терминологии физической культуры и спорта): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Краснодар, 2004. 234 с.
11. Рябов А. Г. Перенос значения в терминообразовании (на материале английской терминологии): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Орехово-Зуево, 2009. 180 с.
12. Складская Г. Н. Метафора в системе языка. СПб, 1993. 152 с.
13. Шарафутдинова Н. С. Модели образования метафор в авиационной терминологии немецкого языка // Эвристический потенциал концепций профессоров Э. Г. Ризель и Е. И. Шендельс. М.: МГЛУ, 2006. С. 136-137.
14. Шкилёв Р. Е. Метонимический перенос в устойчивых терминологических словосочетаниях (на примере юридической терминологии английского и русского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. Казань, 2009. 20 с.

15. Goossens L. *By Word of Mouth: Metaphor, Metonymy and Linguistic Action in a Cognitive Perspective*. Amsterdam: Benjamins, 1995. 254 p.

СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

1. Морской энциклопедический справочник: в 2-х т. / под ред. Н. Н. Исанина. Л.: Судостроение, 1987. Т. 1. 1040 с. Доступ: <https://www.korabel.ru/dictionary/detail/1107.html> (дата обращения 27.08.2018).

2. Морской энциклопедический словарь: в 3-х т. / под ред. В. В. Дмитриева. СПб.: Судостроение, 1994. Т. 3. Р-Я. 487 с.

REFERENCES

1. Arutyunova, N. D. (1990). *Teoriya metafory* [Metaphor theory]. M.: Progress. (In Russ.).

2. Budaev, E. V. (2010). *Sopostavitelnaya metaforologiya* [Comparative metaphorology]: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk: 10.02.20. Ekaterinburg. (In Russ.).

3. Vovk, V. N. (1986). *Yazykovaya metafora v khudozhestvennoy rechi. Priroda vtorichnoy nominatsii* [Language metaphor in artistic speech. The nature of the secondary nomination]. K.: Naukova dumka. (In Russ.).

4. Gak, V. G. (1998). *Yazykovye preobrazovaniya* [Language conversions]. M.: Yazyki russkoy kultury. (In Russ.).

5. Gandaloeva, Z. S. (2016). *Metaforizatsiya i metonimizatsiya kak sposoby terminoobrazovaniya v sfere parfyumernogo i kosmeticheskogo proizvodstva (na materiale angliyskogo yazyka)* [Metaphorization and metonimization as methods of term formation in the field of perfumery and cosmetic production (on the basis of English language)]. In *Vestnik VGU: Lingvistika i mezhkulturnaya kommunikatsiya*. Pyatigorsk. No. 3. Pp. 24-29. (In Russ.).

6. Kryuchkova, N. N. (2006). *Leksiko-semanticheskie, slovoobrazovatelnye i strukturnye osobennosti eko-terminov v russkom i nemetskom yazykakh* [Lexical-semantic word-formation and structural features of eco-terms in Russian and German languages]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.19. Krasnodar. (In Russ.).

7. Lakoff Dzh., Dzhonson M. (2004). *Metafory, kotorymi my zhivem* [Metaphors We Live By]: per. s angl. / pod. red. i s predisl. A. N. Baranova. Moskva.

8. Matveeva, L. A. (2006). *Leksiko-semanticheskiy sposob obrazovaniya terminov v angliyskoy kriogennoy terminologii* [Lexical-semantic way of forming terms in English cryogenic terminology]. In *Filologicheskie nauki. Yazykoznanie. Omskiy nauchnyy vestnik*. No. 7 (43). Pp. 234-236. (In Russ.).

9. Materynska, O. V. (2013). *Systema meronimiv u nimetskiy ta angliyskiy movakh* [System of myronyms English and German languages]: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk: 10.02.04. Donetsk. (In Ukr.).

10. Milyuk, A. V. (2044). *Vtorichnaya nominatsiya v otraslevykh terminologiyakh (Na primere terminologii fizicheskoy kultury i sporta)* [Secondary nomination in industrial terminology (On the basis of the terminology of physical culture and sports)]: dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.01. Krasnodar. (In Russ.).

11. Ryabov, A. G. (2009). *Perenos znacheniya v terminoobrazovanii (na materiale angliyskoy terminologii)* [Transfer of meaning in terminology (based on English terminology)]: dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.04. Orekhovo-Zuevo. (In Russ.).

12. Sklyarevskaya, G. N. (1993). *Metafora v sisteme yazyka* [Metaphor in the language system]. SPb. (In Russ.).

13. Sharafutdinova, N. S. (2006). *Modeli obrazovaniya metafor v aviatsionnoy terminologii nemetskogo yazyka* [The models of metaphor-formation in German aviation

terminology]. In *Evristicalicheskiy potentsial kontseptsiy professorov E. G. Rizel i E. I. Shendels*. M.: MGLU. Pp. 136-137.

14. Shkilev, R. E. (2009). *Metonimicheskiy perenos v ustoychivykh terminologicheskikh slovosochetaniyakh (na primere yuridicheskoy terminologii angliyskogo i russkogo yazykov)* [Metonymic transfer in s terminological collocations (based on the legal terminology of the English and Russian languages)]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.20. Kazan. (In Russ.).

15. Goossens, L. (1995). *By Word of Mouth: Metaphor, Metonymy and Linguistic Action in a Cognitive Perspective*. Amsterdam: Benjamins.

LEXICOGRAPHICAL SOURCES

1. *Morskoy entsiklopedicheskiy spravochnik* [Marine encyclopedic dictionary]: v 2-kh t. / pod red. N. N. Isanina. L.: Sudostroenie, 1987. T. 1. Available at: <https://www.korabel.ru/dictionary/detail/1107.html> (accessed: 27.08.2018). (In Russ.).

2. *Morskoy entsiklopedicheskiy slovar* [Marine encyclopedic dictionary]: v 3-kh t. / pod red. V. V. Dmitrieva. SPb.: Sudostroenie, 1994. T. 3. R-Ya. (In Russ.).

Беспамятная Лилия Владимировна – старший преподаватель кафедры теории и практики перевода (lilya_pavlova23@mail.ru), Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Севастопольский государственный университет» 299053, Россия, г. Севастополь, ул. Университетская, 33

Bespamyatnaya Liliya V. – Senior Lecturer of the Department of Theory and Practice of Translation (lilya_pavlova23@mail.ru), Federal State Autonomic Higher Educational Institution «Sevastopol State University» 33 Universitetskaya, Sevastopol, 299053

Поступила в редакцию 26 сентября 2018 г.

УДК 81'371[811.161.2+811.351.32]

© 2018 Э. С. Ветрова

ОБРАЩЕНИЯ-ФИТОМОРФИЗМЫ В РЕЧЕВОМ ЭТИКЕТЕ ЛЕЗГИНСКОГО И УКРАИНСКОГО ЯЗЫКОВ

В статье осуществляется сопоставительный анализ обращений-фитоморфизмов в речевом этикете лезгинского и украинского языков. Рассматриваются основные модели метафорического переноса «человек-растение» в лезгинских и украинских обращениях, выявляются мотивационные признаки, лежащие в его основе. Особое внимание уделяется изучению общих и национально специфических особенностей в семантической структуре и функционировании исследуемых этикетных единиц, определению их роли в моделировании национальной картины мира.

Ключевые слова: *обращения-фитоморфизмы, речевой этикет, метафорический перенос, мотивационный признак, лезгинская лингвокультура, украинская лингвокультура.*

© 2018 E. S. Vetrova

PHYTOMORPHIC VOCATIVES IN LEZGIAN AND UKRAINIAN SPEECH ETIQUETTE

The study presents the results of the comparative analysis of phytomorphic vocatives in speech etiquette of the Lezghian and Ukrainian languages. The basic patterns of the metaphor transference «human-plant» in Lezghian and Ukrainian vocatives and the basic motivational signs are considered. General and nationally marked features in semantic structure and functioning of the etiquette units under analysis are in the spotlight of the research. The role of the etiquette units in modelling the national linguistic image of the world has been described.

Key words: *phytomorphisms, speech etiquette, metaphorical transference, motivational feature, Lezghian linguistic culture, Ukrainian linguistic culture.*

Статья посвящена изучению обращений-фитоморфизмов в речевом этикете двух генетически и структурно различных языков: лезгинского (дагестанская группа кавказской языковой семьи, агглютинативный тип), украинского (славянская группа индоевропейской языковой семьи, флективный тип), например, лезг. *бевевиш!* ‘фиалка’, *гуьзел алма!* ‘красивое яблочко’, укр. *ягідка моя червона!*, *моя хистка лілеє!* и др.

Актуальность темы исследования. В лингвистике последних десятилетий доминирует антропоцентрический подход к изучению национальных языков, согласно которому во главу угла ставится «говорящий, мыслящий, чувствующий человек – главное действующее лицо в мире и в языке. Его осмысление мира, его отношение к другим людям выражается в избираемых им языковых и речевых средствах» [Золотова, 2001: 108]. В связи с этим каждое слово, словосочетание, высказывание является носителем культурно-значимой информации, инструментом концептуализации и категоризации окружающей действительности и средством закрепления этнического мировосприятия [см. об этом

работы: Апресян, 1995; Телия, 1996; Вежбицка, 1997; Арутюнова, 1999; Карасик, 2004; Караулов, 2010 и др.].

Особое внимание к рассмотрению различных явлений и фактов языка сквозь призму антропоцентризма закономерно активизировало сопоставительные исследования, направленные на выявление общих и дифференциальных признаков национальных языковых подсистем, изучение способов концептуализации объективной реальности средствами языка в различных лингвокультурах [House, 1998; Барышникова, 1999; Стернин, 2006; Ягумова, 2008; Зимина, 2011 и др.].

Важную роль в отражении особенностей восприятия окружающей действительности представителями разных лингвокультур играют наименования объектов растительного мира. Как отмечают ученые, «первое, что определяет лицо народа, – это природа, среди которой он живёт и вершит свою историю» [Мальцева, 1990: 54]. В современной лингвистике изучению данной категории лексики посвящена обширная литература. Наименования растений изучаются в различных типах дискурса (фольклорном, поэтическом, публицистическом, научном и др.) в рамках различных лингвистических областей – этимологии, семантики, лексикографии, ономастики, диалектологии, когнитивной лингвистики [Rosch, Mervis, 1981; Дубровина, 1991; Berlin, 1992; Барышникова 1999; Esenova, 2006; Алешина, 2009; Ягумова 2008 и др.].

В последние десятилетия спектр изучения обозначенной проблемы продолжает расширяться, охватывая новые научные направления. В условиях глобализации и интенсификации межнациональных и межкультурных контактов актуальным и перспективным представляется сопоставительный анализ наименований различных видов растений, определение их роли в моделировании и концептуализации национальной языковой картины мира.

Наименования растений относятся к полисемичным лексическим единицам, которые наряду с реализацией прямого значения проявляют устойчивую тенденцию к различным семантическим сдвигам и развитию вторичных номинаций. В связи с этим в лингвистической литературе принято разграничивать понятия «фитотермин», который рассматривается как единица научной ботанической номенклатуры [Барышникова, 1999 и др.], «фитоним» – народное наименование растения [Суперанская, 2007 и др.], и «фитоморфизм» – слово (словосочетание), образованное в результате метафорического переноса на основе сходства по какому-либо признаку между двумя объектами: человеком и растением [Алешина, 2009 и др.].

В рамках антропоцентрической парадигмы особый интерес представляют фитоморфизмы – языковые единицы, отражающие различные ассоциативные представления человека об окружающем мире. Перенос названий растений и их частей на человека представляет собой универсальный способ выражения оценочных значений, истоки которого уходят в глубокую древность. Данный вид тропа возник еще в эпоху язычества, когда человек, осваивая окружающий мир, соизмерял его со своими физиологическими и психологическими особенностями. В современной практике речевого общения фитоморфизмы являются эффективным средством взаимодействия коммуникантов, выполняя комплекс коммуникативных функций, среди которых приоритетными являются экспрессивно-оценочная и характеризующая.

Фитоморфизмы активно используются в различных сферах коммуникации, в том числе и в сфере речевого этикета, обслуживая ситуацию «обращение». При этом данные речевые единицы характеризуются рядом специфических признаков: они всегда оценочны, имеют ярко выраженный экспрессивный характер, выражают отношение говорящего к адресату посредством образной характеристики. Обращения-фитоморфизмы относятся к лингвистическим универсалиям, что обусловлено универсальностью процессов мышления и восприятия. Вместе с тем моделирование окружающего мира с помощью данных речевых единиц в каждой из культур имеет национально-специфический характер: выбор объекта (либо его признака) для метафорического переноса всегда культурно обусловлен и опирается на национальные ориентиры в восприятии и оценке действительности.

Цель настоящей статьи – сопоставительный анализ обращений-фитоморфизмов в лезгинском и украинском речевом этикете, выявление общих и дифференциальных признаков в их семантике и функционально-коммуникативных особенностях.

Обращения-фитоморфизмы – неотъемлемая часть лезгинского и украинского речевого этикета. Широкое распространение данных вокативов в коммуникативной практике обоих этносов объясняется тем, что мир людей и мир растений с древних времен тесно связаны между собой. В прошлом растения напоминали человеку о движении жизни, а сплетение ветвей символизировало любовь юноши и девушки [СД, 1995]. Почитание различных объектов растительного мира запечатлено в славянской и лезгинской мифологиях. Так, в мифологии лезгин времен язычества богиня *Яр* – самая прекрасная и восхитительная из богинь, с первыми шагами которой вся Земля покрылась разноцветным и красочным ковром буйной и ароматной растительности [Бадалов, 2000]. *Яран Сувар* в традиционной культуре лезгин – день весеннего равноденствия, один из наиболее значимых национальных праздников, символизирующий обновление жизни, победу тепла над

холодом, начало нового года. Примечательно, что в современном лезгинском языке слово *яр* – самое распространенное обращение к любимой девушке или к любимому парню.

В славянской мифологии *Ярило* (*Ярила*, *Яр*) – божество весеннего плодородия, любви, покровитель растительного мира, изображаемый в образе юноши (иногда девушки) в белых одеждах с венком из весенних цветов на голове. В современном украинском языке слово *яр*, помимо основного значения «крутой, обрывистый берег», является также носителем семантики ‘весна’, ‘зеленые листья деревьев, кустов’ в поэтическом и фольклорном дискурсах [СУМ, 1980: 647].

В сопоставляемых лингвокультурах обращения-фитоморфизмы имеют сложную семантическую структуру, компонентами которой являются: 1) субъект (адресант); 2) сопоставляемые объекты (объект-адресат и объект-растение); 3) общий для объектов мотивационный признак как основа метафорического переноса (цвет, вкус, запах и др.).

Обращения-фитоморфизмы в лезгинском и украинском языках являются маркерами интимного общения и чаще всего функционируют в любовном дискурсе, а также в поэтических и фольклорных текстах. Иллокутивная цель данных вокативов состоит в первую очередь в эмоционально-оценочной характеристике адресата (его внешних и внутренних качеств), в демонстрации отношения к нему со стороны говорящего.

Взаимодействие «человек – растение» продуцирует в системе обращений обеих лингвокультур множество метафорических переносов. Вместе с тем, как показало исследование, далеко не все фитонимы одинаково предрасположены к формированию переносных значений и выполнению вокативной функции. Как отмечают ученые, «сам выбор того или иного основания для метафоры связан со способностью человека соизмерять все новое (в том числе и несоизмеримое) по своему образу и подобию или по пространственно воспринимаемым объектам, с которыми человек имеет дело в практическом опыте» [Телия, 1996: 182]. Чем больше признаков и символических смыслов имеет образ, стоящий за словом, тем легче это слово метафоризируется.

В системе лезгинских и украинских обращений в рамках модели «человек-растение» зафиксированы четыре вида метафорического переноса: 1) адресат – цветок; 2) адресат – дерево; 3) адресат – фрукт; 4) адресат – ягода. Таким образом, в качестве объектов метафоризации чаще всего выступают те растения и их части, которые играют наиболее важную роль в жизнедеятельности человека. При этом следует отметить, что мотивационными признаками данных метафорических проекций служат, как правило, признаки, связанные с различными модусами эмоционально-сенсорного (перцептивного) восприятия – форма, цвет, запах, вкус, тактильные ощущения. Данный набор

перцептивных признаков вполне закономерен, поскольку любой процесс категоризации объективной реальности связан с чувственным опытом человека, в частности, его восприятием объектов и явлений окружающего мира посредством органов обоняния, осязания, зрения, вкуса, а также тактильных контактов.

В зависимости от характера ключевого компонента обращения-фитоморфизмы в лезгинском и украинском речевом этикете можно поделить на две группы: 1) с родовым компонентом и 2) с видовым компонентом.

В качестве родового компонента используются наименования, обозначающие как общие, так и различные для сопоставляемых культур объекты растительного мира: в украинском языке это в первую очередь лексемы *цвіте* (*квіте*), *квіточко* ‘цветок’, *ягідко* ‘ягода’; в лезгинском языке – *цук* ‘цветок’, *багъ* ‘сад’, *къелем* ‘саженец’, *емиш* ‘фрукт’, ‘плод’. Ср.: укр. *квіточко моя весняная!*, *моя квіточко рожевая!*, *мій рожевий цвіте!*, *запашиная квітко небесного раю!*, *ягідка моя червоня!* [М. Костомаров]; лезг. *чан женнетдин цук!* ‘цветок мой райский’, *багъдин емиш!* ‘садовый фрукт’, *ширин емиш!* ‘сладкий плод’, *женнетдин багъ!* ‘райский сад’, *таза багъ!* ‘молодой сад’, *чешнедин багъ!* ‘образцовый сад’, *шуйше къелем!* ‘стеклоподобный саженец’ (в значении ‘чистая, хрупкая’) [Магамдаров, 1999] и др.

Как свидетельствуют приведенные выше примеры, обращения-фитоморфизмы, в состав которых входят родовые наименования растений, в лезгинском и украинском языках чаще всего представлены бинарной моделью «фитоним + видовой эпитет», которая в большинстве случаев осложняется третьим компонентом – притяжательным местоимением *моя*, подчеркивающим эгоцентричный характер речевого этикета лезгин и украинцев. В роли видовых эпитетов используются лексемы, актуализирующие различные для сопоставляемых культур мотивационные признаки. В украинском языке это в первую очередь зрительные (цвет) и одоративные (запах) ассоциации (*рожевий*, *червоний*, *запашиний*), акцентирующие внимание на внешности и внутренних качествах адресата, а также ассоциации, связанные с временным фактором (*весняная*), указывающие на возраст собеседника. В лезгинском языке среди видовых эпитетов доминируют лексемы, актуализирующие вкусовые, временные и пространственные ассоциации, которые воплощают идеал дагестанской женщины-хранительницы семейного очага, обладающей такими качествами, как внешняя привлекательность, молодость, нежность, покладистость (‘молодой сад’ – символ семейного благополучия, продолжения рода).

В лезгинском речевом этикете достаточно продуктивна метафорическая модель «девушка – сад», представленная сложными метафорическими конструкциями, в состав

которых входят несогласованные определения, выступающие средством дополнительной образной характеристики, например: *жуьреба жуьре емиш авай таза багъ!* ‘молодой сад с разнообразными фруктами’, *гьар са ширин емиш авай багъ!* ‘сад с разнообразными сладкими фруктами’ [Магамдаров, 1999] и др.

В речевом этикете обеих лингвокультур широко распространены обращения-фитоморфизмы с компонентом «видовое наименование растения». При этом наиболее продуктивными являются следующие виды метафорического переноса: 1) адресат – цветок; 2) адресат – дерево; 3) адресат – плод дерева.

1. «Адресат-цветок». Данный вид метафорического переноса – один из наиболее распространенных в системе обращений сопоставляемых языков. В национальном сознании лезгин и украинцев с древних времен стойко закрепилась ассоциативная модель «женщина – цветок». Мотивационными признаками данной метафорической проекции служат чаще всего зрительные впечатления от сопоставляемых объектов, а также символические смыслы, закрепившиеся за растением в той или иной культуре.

Объектами метафорического переноса в рамках данной когнитивной модели выступают, как правило, различные для сопоставляемых культур виды цветов, что обусловлено рядом экстралингвистических факторов – ареалом произрастания растения, его востребованностью в повседневно-бытовой деятельности человека, символическими смыслами, приписываемыми определенному объекту в той или иной культуре.

Как свидетельствует проведенный анализ, наиболее распространенными объектами метафоризации в украинской лингвокультуре являются полевые цветы: *волошка* ‘василек’, *незабудка*, *ромашка*, которые символизируют нежность, верность, любовь, чистоту и невинность [Словник символів, 1997]. Именно эти цветы часто используются в украинской вышивке, на Троицу и Ивана Купала их заплетают девушки в венки – обереги от порчи и злых чар. Видовые эпитеты, сопровождающие данные фитоморфизмы, актуализируют временные и субъективно-психологические ассоциации, акцентирующие внимание на индивидуальности, исключительности адресата: *ромашко моя вечорова!*, *ромашко моя світанкова!*, *волошко моя засумована!*, *квітко моя незабудко!* [М. Костомаров] и др.

В украинском языке в качестве объекта метафоризации часто используется *лилия* – мифологический символ чистоты и целомудрия, а в христианской культуре – символ богородицы [Словник символів, 1997]. В обращениях к девушке данный образ олицетворяет нежность, тонкую красоту и изящество, которые подчеркивают цветочные эпитеты: *моя хистка лілеє!*, *лілея моя лілейная!*, *моя лілейно-рожева*, *моя золотая!* [Леся Українка].

В лезгинской лингвокультуре объектами метафорических переносов выступают, как правило, садовые растения: *бевешиа* ‘фиалка’, *рейгъан* ‘садовый василек’, *къизилгуьл* ‘роза’, подчеркивающие не только внешность и внутренние качества адресата (красота, гордость, нежность и др.), но и социальные функции женщины в дагестанском обществе, связанные прежде всего с «садом», т.е. семьей и домашним хозяйством.

2. «Адресат – дерево». Каждый народ фиксирует в языке в первую очередь те явления и объекты природы, которые для него привычны и понятны. В связи с этим вполне объяснимо, что в состав обращений-фитоморфизмов в речевом этикете лезгин и украинцев входят наименования тех деревьев, которые произрастают на территориях проживания данных народов, играют важную роль в их хозяйственной деятельности и за которыми за многовековую историю закрепились определенные символические смыслы. В украинском языке это прежде всего *верба*, *береза*, *калина*, в лезгинском – *алыча*, *черешня*, *гранатовое дерево*, *кизил*, *яблоня*.

В системе украинского речевого этикета приоритетные позиции занимают обращения, образованные на базе лексем, номинирующих дикорастущие виды деревьев: *калинонько*, *вербиченько*, *берізка* (*берізонько*). В украинской лингвокультурной традиции данные образы имеют глубоко народную основу и устойчиво ассоциируются с молодой девушкой. Кроме того, в украинском фольклоре калина – символ красоты и бессмертия рода, верба – символ семейного очага, весны, пробуждения природы; берёза – символ молодости, жизненной силы, стройности [Словник символів, 1997]. В речевом этикете украинцев обращения, в состав которых входят данные лексем-символы, имплицитно придают признаки, связанные преимущественно со зрительными и временными ассоциациями, направленными на характеристику внешних и возрастных особенностей адресата: «красивая», «стройная», «юная», например: *О не тремти, моя червона калинонько! Пригорнись до мене міцніше! – говорив парубок, обіймаючи її, відкинувши бандуру, що висіла на довгому ремені в нього на шиї, і сідаючи разом із дівчиною біля хатніх дверей* [М. Гоголь], *Берізонько моя, красуне білокрила!* [СУМ].

В лезгинской лингвокультуре объектами переносного значения являются, как правило, плодовые деревья: *пІини* ‘черешня’, *алчадин* ‘алыча’, *анар* ‘гранат’, *къизил* ‘кизил’, *алма* ‘яблоко’. При этом объектом сравнения может выступать как дерево в целом (мотивационный признак – «зрительные ощущения»), так и его части, например, цветы и плоды (мотивационные признаки – «цвет», «вкус», «запах»): *гуьзел алма!* ‘красивое яблочко’ [Магамдаров, 1999].

В украинском языке среди садовых деревьев объектом метафоризации чаще всего

выступает вишня – традиционный украинский символ родного дома, семейного благополучия, девушки, матери [Словник символів, 1997] (Ср. у Т. Г. Шевченко – «Садок вишневий біля хати, хрущі над вишнями гудуть»): *Ти – моя мила, сонечко в вишнях, Чи солоденька вишенька пишна!* [Украинская нар. песня]. В основе данного обращения – сложный метафорический образ, возникший в результате слияния нескольких моделей метафорического переноса: «девушка – дерево» (*сонечко в вишнях*), «девушка – плод дерева» (*солоденька вишня*), «девушка – соцветие дерева» (*вишенька пишна*).

В лезгинском языке достаточно продуктивны метафорические модели смешанного типа «адресат – родовой компонент + видовой компонент», построенные на различных чувственных ассоциациях (зрительных, вкусовых, одоративных), например, *назлу къелем ширин алчадин!* ‘горделивый саженец сладкой алычи’, *Атирдин ни галайИини. Таза бегьер акурд тушир, Буйдиз къакъан, гыч заз икъван Лацу мармар акурд тушир* ‘Пахнущая духами белая черешня, нежнее плода не встречал, ростом высокая, Мрамора белее не встречал’ [Етим Эмин]. Данные обращения представляют эталон дагестанской женщины, ее внешности (привлекательность, высокий рост, бледная кожа) и внутренних качеств (гордость, нежность и др.).

Результаты исследования позволяют сделать следующие выводы.

1. Фитоморфизмы – речевые единицы, образованные в результате метафорического переноса «человек – растение» на основе зрительных, вкусовых, одоративных, пространственных, темпоральных и других ассоциаций. В силу своей образности и большого эмоционально-экспрессивного потенциала данные речевые единицы активно используются в различных сферах коммуникации, в том числе и в сфере речевого этикета, в частности, в ситуации «обращение». В процессе коммуникации обращения-фитоморфизмы выполняют ряд функций, среди которых приоритетными являются эмоционально-оценочная и характеризующая.

2. Обращения-фитоморфизмы относятся к универсальным оценочным средствам, что обусловлено универсальностью процессов мышления и восприятия. Вместе с тем процесс категоризации и концептуализации действительности посредством данных речевых единиц имеет национально специфический характер.

3. В основе метафоризации в сопоставляемых языках лежат различные объекты растительного мира и их признаки, что способствовало формированию специфических метафорических моделей. В лезгинском языке к наиболее продуктивным видам метафорического переноса относятся: «адресат – садовый цветок», «адресат – садовое дерево», «адресат – плод садового дерева», «адресат – совокупность деревьев (сад)», в

украинской лингвокультуре – «адресат – полевой цветок», «адресат – дикорастущее дерево», «адресат – ягода». При этом перенос значений в лезгинских фитоморфизмах осуществляется по сходству зрительных, вкусовых и пространственных ассоциаций, тогда как в украинском языке преобладают мотивационные признаки «цвет», «вкус», «возраст». Кроме того, украинские обращения имеют более глубокое символическое значение, и, следовательно, обладают более широким спектром коннотаций.

Обращения-фитоморфизмы в сопоставляемых языках являются эффективным средством образной характеристики адресата. При этом данные речевые единицы достаточно рельефно отражают не только национальный идеал внешней и внутренней красоты женщины, но и ее положение в лезгинском и украинском обществах. Украинские женщины более свободны, лезгинские – теснее связаны с домом, семьей.

Различия, выявленные в семантике и функциональных особенностях лезгинских и украинских обращений-фитоморфизмов, обусловлены природно-географическими и социально-историческими факторами, а также своеобразием языковой и концептуальной картины мира лезгинской и украинской лингвокультур.

Перспективы исследования заключаются в дальнейшем рассмотрении обращений-фитоморфизмов на материале других разноструктурных языков в различных типах дискурсов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алешина Е. К. Исследование наименований растений и национальная языковая картина мира: к постановке проблемы // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История. Филология. 2009. Т. 8 № 2. С. 34-37.
2. Апресян Ю. Д. Образ человека по данным языка: попытка системного анализа // Вопросы языкознания. 1995. № 1. С. 37-67.
3. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
4. Бадалов Ф. А. Раизм народная религия лезгин // Возрождение. Махачкала, 2000. № 6. С. 47-49.
5. Барышникова Т. Д. Структурно-семантические и мотивационные свойства флоронимов в английском и французском языках: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.20. Волгоград, 1999. 216 с.
6. Вежбицка А. Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1997. 405 с.
7. Дубровина С. Ю. Русская ботаническая терминология в этнолингвистическом освещении (на материале названий растений, образованных от названий животных и птиц): автореф. дисс. ...канд. филол. наук: 10.02.01. Москва, 1991. 23 с.
8. Зимина Л. И. Контрастивная фразеография. Ярославль: ЯГПУ, 2011. 351 с.
9. Золотова Г. А. Грамматика как наука о человеке // Русский язык в научном освещении. 2001. № 1. С. 107-113.
10. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2004. 477 с.
11. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Издательство ЛКИ,

2010. 264 с.

12. Магамдаров Р. Ш. Лингвокультурологический анализ концепта «Фемина» в лезгинском языке: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.09. Махачкала, 1999. 152 с.

13. Мальцева Д. Г. Национально-культурный аспект фразеологии. М., 1990. 520 с.

14. Стернин И. А. Контрастивная лингвистика. Проблемы теории и методики исследования. М.: Восток-Запад, 2006. 206 с.

15. Суперанская А. В., Сталтмане В. Э. и др. Теория и методика ономастических исследований. М.: ЛКИ, 2007. 256 с.

16. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 288 с.

17. Ягумова Н. Ш. Фитонимическое пространство в языковой картине мира: словообразовательный и мотивационный аспекты (на материале английского и адыгейского языков): автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.20. Майкоп, 2008. 32 с.

18. Berlin B. *Ethnobiological Classification: Principles of Categorization of Plants and Animals in Traditional Societies*. Princeton Univ. Press, 1992.

19. Esenova O. *Plant Metaphors for the Expression of Emotions in the English Language*. 2006. Available at: <http://search.live.com/results.aspx?q=plant+metaphor&filt=all&first=11&FORM=PERE>. (accessed 17.10.2018).

20. House J. *Kontrastive Pragmatik und interkulturelle Kompetenz im Fremdsprachenunterricht // Kontrast und Äquivalenz: Beiträge zur Sprachvergleich und Übersetzung*. Hrsg. von W. Börner, K. Vogel. Tübingen: Narr, 1998. S. 62-88.

21. Rosch E., Mervis C. *Categorization of Natural Objects // Annual Review of Psychology*. 1981. Vol. 32. P. 89-113.

СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

1. СД – Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5-ти т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Институт славяноведения РАН, 1995. Т. 3. 736 с

2. СС – Словник символів / за заг. ред. О. І. Потапенка та М. К. Дмитренка. – К.: Редакція часопису «Народознавство», 1997. 156 с.

3. СУМ – Словник української мови: в 11 томах. 1980. Т. 11. 647 с.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

1. Гоголь М. Майська ніч, або утоплена. Доступ: <https://www.ukrlib.com.ua/world/printit.php?tid=7>. (дата обращения: 18.10.2018).

2. Етим Эмин. Лирика. Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1986. 224 с.

3. Костомаров М. І. Твори в двох томах. Том 1. Поезії. Переклади. Драми. Оповідання. Примітки. К. Дніпро. 1990. 538 с.

4. Українка Леся. Повне зібрання творів: у 12-и т. К.: Наук. думка, 1978. Т. 11. 478 с.

REFERENCES

1. Aleshina, E. K. (2009). *Issledovanie naimenovaniy rasteniy i natsionalnaya yazykovaya kartina mira: k postanovke problemy [Research of plant names and national language worldview: to the problem statement]*. In *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Filologiya*. Vol. 8 No. 2. Pp. 34-37. (In Russ.).

2. Apresyan, Yu. D. (1995). *Obraz cheloveka po dannym yazyka: popytka sistemnogo analiza [The image of a human according to the language: an attempt at system analysis]*. In *Voprosy yazykoznaneya*. No. 1. Pp. 37-67. (In Russ.).

3. Arutyunova, N. D. (1999). *Yazyk i mir cheloveka [Language and world of human]*. M.: Yazyki russkoy kultury. (In Russ.).

4. Badalov, F. A. (2000). Raizm narodnaya religiya lezgin [Raizm – folk religion Lezgins]. In *Vozrozhdenie*. Makhachkala. No. 6. Pp. 47-49. (In Russ.).
5. Baryshnikova, T. D. (1999). *Strukturno-semanticheskie i motivatsionnye svoystva floronimov v angliyskom i frantsuzskom yazykakh* [Structural-semantic and motivational properties of floronim in English and French]: dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.20. (In Russ.).
6. Vezhbitska, A. (1997). *Yazyk. Kultura. Poznanie* [Language. Culture. Knowledge]. M.: Russkie slovari. (In Russ.).
7. Dubrovina, S. Yu. (1991). *Russkaya botanicheskaya terminologiya v etnolingvisticheskom osveshchenii (na materiale nazvaniy rasteniy, obrazovannykh ot nazvaniy zhitovnykh i ptits)* [Russian Botanical terminology in ethnolinguistic aspect (by the material of plant names derived from the names of animals and birds)]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.01. Moskva. (In Russ.).
8. Zimina, L. I. (2011). *Kontrastivnaya frazeografiya* [Contrastive phraseology]. Yaroslavl: YaGPU. (In Russ.).
9. Zolotova, G. A. (2001). Grammatika kak nauka o cheloveke [Grammar as a science of human]. In *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii*. No. 1. Pp. 107-113. (In Russ.).
10. Karasik, V. I. (2004). *Yazykovoy krug: lichnost, kontsepty, diskurs* [Language circle: personality, concepts, discourse]. Volgograd: Peremena. (In Russ.).
11. Karaulov, Yu. N. (2010). *Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost* [Russian language and linguistic personality]. M.: Izdatelstvo LKI. (In Russ.).
12. Magamdarov, R. Sh. (1999). *Lingvokulturologicheskiy analiz kontsepta «Femina» v lezginском yazyke* [Linguoculturological analysis of the concept of Femina in Lezhgin]: dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.09. Makhachkala. (In Russ.).
13. Maltseva, D. G. (1990). *Natsionalno-kulturnyy aspekt frazeologii* [National-cultural aspect of phraseology]. M. (In Russ.).
14. Sternin, I. A. (2006). *Kontrastivnaya lingvistika. Problemy teorii i metodiki issledovaniya* [Contrastive linguistics. Problems of theory and research methods]. M.: Vostok-Zapad. (In Russ.).
15. Superanskaya, A. V., Staltmane V. E. i dr. (2007). *Teoriya i metodika onomasticheskikh issledovaniy* [Theory and methods of onomastic research]. M.: LKI. (In Russ.).
16. Teliya, V. N. (1996). *Russkaya frazeologiya. Semanticheskiy, pragmaticheskiy i lingvokulturologicheskiy aspekty* [Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguocultural aspects]. M.: Shkola «Yazyki russkoy kultury». (In Russ.).
17. Yagumova, N. Sh. (2008). *Fitonimicheskoe prostranstvo v yazykovoy kartine mira: slovoobrazovatelnyy i motivatsionnyy aspekty (na materiale angliyskogo i adygeyskogo yazykov)* [Phytonymic space in the linguistic worldview: derivational and motivational aspects (on the material of the English and Adyghe languages)]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.20. Maykop. (In Russ.).
18. Berlin, B. (1992). *Ethnobiological Classification: Principles of Categorization of Plants and Animals in Traditional Societies*. Princeton Univ. Press.
19. Esenova, O. (2006). *Plant Metaphors for the Expression of Emotions in the English Language*. 2006. Available at: <http://search.live.com/results.aspx?q=plant+metaphor&filt=all&first=11&FORM=PERE>. (accessed 17.10.2018).
20. House, J. (1998). Kontrastive Pragmatik und interkulturelle Kompetenz im Fremdsprachenunterricht. In *Kontrast und Äquivalenz: Beiträge zur Sprachvergleich und Übersetzung*. Hrsg. von W. Börner, K. Vogel. Tübingen. S. 62-88.
21. Rosch, E., Mervis C. (1981). Categorization of Natural Objects. In *Annual Review of Psychology*. Vol. 32. Pp. 89-113.

LEXICOGRAPHICAL SOURCES

1. SD – *Slavyanskije drevnosti: etnolingvističeskij slovar* [Slavic antiquities: ethnolinguistic dictionary]: v 5-ti t. / red. N. I. Tolstoy. M.: Institut slavyanovedeniya RAN, 1995. T. 3. (In Russ.).
2. SS – *Slovnyk symboliv* [Dictionary of symbols] / za zah. red. O. I. Potapenka i M. K. Dmitrenka. K.: Redaktsiya chasopisu «Narodoznavstvo». 1997. (In Ukr.).
3. SUM – *Slovnyk ukrajinskoyi movy* [Dictionary of the Ukrainian]: inv 11 t. 1980. T. 11. (In Ukr.).

SOURCES OF ILLUSTRATIVE MATERIALS

1. Gogol, M. *Maiska nich, abo utoplena* [May night or drowning]. Available at: <https://www.ukrlib.com.ua/world/printit.php?tid=7>. (accessed 18.10.2018) (In Ukr.).
2. Etim, Emin. (1986). *Lirika* [Lyric poetry]. Makhachkala: Dag. kn. izd-vo. (In Lezg.).
3. Kostomarov, M. I. (1990). *Tvory v dvokh tomakh. T. 1. Poeziyi. Pereklady. Dramy. Opovidannya. Primitki* [Works in two volumes. Poetry. Translations. Dramatical piece. Stories. Notes]. K.: Dnipro. (In Ukr.).
4. *Ukrayinka, Lesya*. (1978). *Povne zibrannya tvoriv: u 12-i t.* K.: Nauk. dumka. T. 11. (In Ukr.).

Ветрова Эльвира Сабировна – доктор филологических наук, доцент кафедры германской филологии (e-mail: vetrova-75@ukr.net), Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Донецкий национальный университет» 283001, Донецк, ул. Университетская, 24

Vetrova Elvira S. – Doctor of Philology, Associate Professor of Germanic Philology Department (e-mail: vetrova-75@ukr.net), State Educational Institution of Higher Professional Education «Donetsk National University» 24 Universitetskaya, Donetsk, 283001

Поступила в редакцию 01 ноября 2018 г.

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С КОМПОНЕНТАМИ, ОБОЗНАЧАЮЩИМИ НАЗВАНИЯ СТИХИЙ: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ

В данной статье рассматриваются семантические особенности ФЕ с компонентами, обозначающими названия стихий, на материале английского и русского языков. Выявлены и описаны семантические группы ФЕ с лексемами air, earth, fire, water в английском языке и лексемами воздух, вода, земля, огонь – в русском языке; установлены сходства и отличия в вербализации окружающей действительности фразеологическими средствами английского и русского языков.

Ключевые слова: фразеологическая единица, идиома, семантика, сопоставительный анализ, вода, воздух, земля, огонь.

SEMANTIC FEATURES OF THE PHRASEOLOGICAL UNITS WITH THE COMPONENTS DENOTING THE FOUR ELEMENTS: COMPARATIVE ASPECT

The research focuses on the idioms with the components denoting the names of the four elements in English and Russian. The idioms with the lexemes air, earth, fire and water in English and the lexemes воздух, земля, огонь and вода in Russian have been classified and described. The universal and distinctive features of the extralinguistic verbalisation by the phraseological means of the English and Russian languages have been revealed.

Key words: phraseological unit, idiom, semantics, comparative analysis, air, earth, fire, water.

1. Вводные замечания

Данная статья посвящена анализу семантических особенностей фразеологических единиц (далее ФЕ) с компонентами, обозначающими названия стихий, в английском и русском языках. Примерами могут послужить следующие ФЕ: в английском языке – *to beat the air* ‘попусту стараться, заниматься бесполезным делом’, *to cost (charge) the earth* ‘очень дорогой’, *between two fires* ‘между двух огней, в безвыходном положении’, *to draw a lot(s) of water* ‘быть влиятельным человеком, важной персоной, «шишкой»»; в русском языке – *воды (водой) не замутит* ‘скромный, тихий’, *огнем и мечом* ‘безжалостно, применяя крайние меры’, *зарывать/зарыть (свой) талант в землю* ‘губить способности, не использовать их, не давать им развиваться’, *питаться (одним) воздухом* ‘жить неизвестно на что’.

Анализ теоретической литературы показывает, что стихии с древних времен рассматривались как базовые элементы, основы мироздания и почитание их носило универсальный характер [Гусев, 2014; Евсюков, 1988, и др.]. То есть ФЕ с компонентами,

обозначающими названия стихий, являются некими фразеологическими общностями, которые можно отнести в разряд межъязыковых фразеологических понятий. Например, ФЕ *to add oil to the fire* ‘подливать масла в огонь’, по мнению Elisabeth Piirainen, была адаптирована как минимум 56 европейскими и азиатскими языками [Piirainen, 2008: 254].

Однако, как отмечает О. Л. Бессонова, «наличие в языках лексикализованных универсалий не означает абсолютной эквивалентности в языковом употреблении, потому что, несмотря на наличие универсалий, семантические системы разных языков уникальны и культуроспецифичны» [Бессонова, 2016: 51].

В современном мире стихии уже не рассматриваются как первоосновы всего живого – представления человека о них сильно изменились с течением времени – однако, являясь частью фразеологических фондов языков, они передают из поколения в поколение систему ценностных ориентиров. В. А. Маслова акцентирует внимание на том, что природа значения ФЕ тесно связана с фоновыми знаниями носителя языка, с практическим опытом личности, с культурно-историческими традициями народа, говорящего на данном языке [Маслова, 2001: 67]. То есть ФЕ обладают свойством вербализации и репрезентации культурных понятий носителей языков. Как отмечает Е. В. Трофимова, «специфика фразеологии заключается в ее образности, тесно связанной с национально-культурной спецификой языкового сообщества таким образом, что ФЕ в своей семантике аккумулируют национально-культурную информацию, отражают процесс развития культуры народа и передают культурные стереотипы, эталоны и ценности» [Трофимова, 2016: 100].

Таким образом, **актуальность** работы определяет то, что в ней рассматриваются английские и русские ФЕ, которые, с одной стороны, являются носителями историко-культурной и языковой информации и отражают картину мира носителей языков, с другой, обладают ярко выраженным антропоцентрическим характером и, соответственно, представляют собой значимый в лингвокультурологическом отношении пласт английской и русской фразеологии.

Объектом исследования являются английские и русские ФЕ с компонентами, обозначающими названия стихий.

Предмет исследования – семантические характеристики ФЕ с компонентами – названиями стихий в английском и русском языках.

Материалом исследования являются 350 ФЕ английского языка, отобранных из английских фразеологических словарей, и 320 ФЕ русского языка, отобранных из русских фразеологических словарей.

2. Результаты исследования

2.1. В данной работе в основе исследования семантических особенностей ФЕ с компонентами, обозначающими названия стихий, лежит теория А. В. Кунина, который полагает, что важной процедурой описания ФЕ является установление фразеосемантических групп, в которых употребляются те или иные ФЕ [Кунин, 1996: 68]. Так, например, в английском языке ФЕ *uncharted (troubled, murky) waters* ‘a situation that is difficult, dangerous or unfamiliar’, *a hell on (upon) earth* ‘a very unpleasant situation, as if one were in hell’, *deep waters* ‘difficult situation’ имеют в своих значениях общие семантические компоненты *bad, unpleasant situation*, а значит могут быть объединены в одну фразеосемантическую группу.

Кроме того, в процессе семантического анализа ФЕ с компонентами, обозначающими названия стихий, были учтены фразеосемантические варианты ФЕ. Вслед за А. В. Куниным, под фразеосемантическим вариантом понимается одно из значений полисемантической ФЕ (термин образован по аналогии с предложенным А. И. Смирницким термином «лексико-семантический вариант», т. е. одно из значений полисемантического слова [Кунин, 1996: 15]).

В исследуемом материале количественное соотношение многозначных ФЕ составляет: в английском языке 15 ФЕ, это такие ФЕ как, например, *back water* ‘1) тарбанить, грести веслом в обратную сторону; 2) отступать, идти на попятный’; в русском языке – 4 ФЕ, например, *тише воды, ниже травы* ‘1) очень тихий, смиренный; 2) очень тихо, смиренно’.

Стоит также отметить, что вслед за А. М. Чепасовой в классификацию включены только те единицы, «семантическое содержание которых приблизительно передается словом или словосочетанием, служащие для обозначения понятий, а не для выражения целых мыслей и употребляющиеся в предложении на месте или в роли знаменательного или служебного слова» [Чепасова, 1974: 4], то есть в классификацию не включены коммуникативные ФЕ – пословицы и поговорки, так как они означают законченные мысли и в большинстве случаев в контексте употребляются в качестве самостоятельных предложений с назидательным смыслом, например, *scalded dog fears cold water* ‘обжегшись на молоке, будешь дуть и на воду’.

Таким образом, материал исследования составляет 307 английских ФЕ и 232 русских ФЕ, которые с учетом классификации А. М. Чепасовой [Чепасова, 1974: 4] были распределены на процессуальные, предметные, атрибутивно-предикативные, качественно-обстоятельственные, модальные и количественные (см. табл. 1).

Таблица 1. Семантическая классификация ФЕ с компонентами, обозначающими названия стихий, в английском и русском языках

Семантические типы	Английский язык		Русский язык	
	Кол-во ФЕ, ед. (%)	Примеры	Кол-во ФЕ, ед. (%)	Примеры
Процессуальные	155 (51)	<i>to beat the air</i> ‘попусту стараться, заниматься бесполезным делом’	100 (43)	<i>возить воду на ком-л.</i> ‘нагружать тяжелой работой кого-л.’
Предметные	97 (32)	<i>a hot-air artist</i> ‘болтун, хвастун, пустомеля’	46 (19)	<i>седьмая (десятая) вода на киселе</i> ‘дальняя родня’
Атрибутивно-предикативные	29 (9)	<i>to cost (charge) the earth</i> ‘очень дорогой’	36 (16)	<i>воды (водой) не замутит</i> ‘скромный, тихий’
Качественно-обстоятельственные	22 (7)	<i>between two fires</i> ‘между двух огней, в безвыходном положении’	47 (20)	<i>огнем и мечом</i> ‘безжалостно, применяя крайние меры’
Модальные	4 (1)	<i>on earth</i> ‘о Боже!’	1 (1)	<i>гори (оно, все) (синим, ясным) огнем (пламенем)</i> ‘пропади все пропадом!’
Количественные	–	–	2 (1)	<i>как в море воды</i> ‘много’
Всего:	307 (100)		232 (100)	

2.2. Как видно из табл. 1, наиболее продуктивными группами в исследуемых языках являются группы процессуальных ФЕ – 155 ФЕ (51%) в английском языке и 100 ФЕ (43%) в русском языке. Под процессуальными в данной работе понимаются те ФЕ, которые имеют категориальное значение процессуальности, то есть обозначают любые действия, состояния, изменения как процесс. Стоит отметить, что несмотря на то, что центром процессуальности в языке являются глаголы, во фразеологии категориальное значение не всегда соответствует морфологической структуре. Например, глагольная ФЕ *draw a lot(s) of water* ‘быть влиятельным человеком, важной персоной, «шишкой»’ имеет предметное категориальное значение, а ФЕ *cost the earth* ‘стоять уйму денег, быть чрезвычайно дорогим’ – атрибутивно-предикативное.

В исследуемом материале присутствует 155 английских процессуальных ФЕ и 100 русских процессуальных ФЕ, при этом большая их часть – 92% в английском языке и 88% в русском языке – составляет фразеосемантическую область «человек» (см. табл. 2).

Таблица 2. Семантическая классификация процессуальных ФЕ с компонентами, обозначающими названия стихий, в английском и русском языках

Фразеосемантическая область	Группа	Английский язык	Русский язык
		Кол-во ФЕ, ед. (%)	Кол-во ФЕ, ед. (%)
Человек	действия	61 (39)	33 (33)
	межличностные отношения	34 (22)	18 (18)
	положение дел	16 (11)	3 (3)
	поведение	15 (10)	4 (4)
	эмоциональное и физическое состояние	14 (9)	27 (27)
	смерть	2 (1)	3 (3)
	Всего:	142 (92)	88 (88)
Другое		13 (8)	12 (12)
	Всего:	155 (100)	100 (100)

С учетом количественных данных, представленных в таблице 2, наиболее многочисленными группами являются ФЕ, используемые для характеристики действий человека (в английском языке 61 ФЕ (39%), в русском языке – 33 ФЕ (33%)). Следует отметить, что чаще они имеют негативную окраску. Это связано с тем, что в исследуемом материале в целом преобладают негативно оценочные ФЕ [Трофимова, Войтенко, 2017].

ФЕ, используемые для характеристики действий человека, выражают:

1) необдуманные и бессмысленные действия: *push water uphill* ‘букв. толкать воду в гору’, *воду качать* ‘заниматься чем-то бесполезным’;

2) нерациональные действия: *to have (got) (too) many irons in the fire* ‘браться за слишком многое, за много дел сразу’, *напрасно тяготить землю* ‘жить бесцельно’, *мерить землю* ‘ходить, бродить без дела’;

3) рискованные и опасные действия: *enter treacherous waters* ‘заняться рискованым делом’, *играть (шутить) с огнем* ‘поступать неосмотрительно, неосторожно, не думая о последствиях’;

4) действия, которые предполагают преодоление определенных сложностей или трудностей: *plot a safe course through troubled waters* ‘букв. прокладывать безопасный путь в мутной воде’, *пройти (сквозь) огонь и воду (и медные трубы)* ‘пройти испытания, трудности, лишения и жизненные потрясения’;

5) жестокие действия: *shed blood like water* ‘проливать море крови’, *стирать с лица земли* ‘жестоко расправиться с кем либо, погубить кого либо’.

Значительной в количественном отношении группой процессуальных ФЕ в английском языке является группа ФЕ, характеризующих межличностные отношения –

это 34 ФЕ, т. е. 22%. Стоит отметить, что группа данных ФЕ в русском языке содержит также значительное число ФЕ – 18 ед., т. е. 18%. Данные ФЕ можно разделить на следующие подгруппы:

1) воздействие, влияние на другого человека (чаще негативное): *to build a fire under smb* ‘заставить кого-л. действовать, оказать нажим на кого-л.’, *выбивать / выбить (вышибать / вышибить) почву (землю) из-под ног кого-л.* ‘лишать кого-л. уверенности, поддержки, опоры в каком-л. деле, начинании и т. п.’;

2) критическое отношение: *to direct one's fire against* ‘обрушиваться на ...’, открыть огонь против (воен.)’, *вылить ушат холодной воды* ‘о неожиданном охлаждении энтузиазма’.

ФЕ, выражающие своей семантикой доброжелательные отношения, способность ладить друг с другом и содействие, в группе процессуальных были выявлены только среди английских ФЕ, например, *pull (snatch) smb out of the fire* ‘спасти кого-л, выручить из беды’.

Следующую в количественном соотношении группу в английском языке представляют 16 ФЕ (10%), характеризующие текущее положение дел человека. Стоит отметить, что в русском языке данная группа ФЕ не является продуктивной, ее составляют 3 ФЕ (3%).

Большая часть подобных ФЕ в английском языке выражает затруднительное положение, сложности, в которые попал человек, например, *be in deep water (s)* ‘горевать, тревожиться, находиться в тяжелом или опасном положении’. В русском языке к группе процессуальных, выражающих затруднительное положение, относится, например, ФЕ *питаться (одним) воздухом* ‘жить неизвестно на что’.

Кроме того, в группу процессуальных входят ФЕ, характеризующие поведение человека – 15 ФЕ (10%) в английском языке и 4 ФЕ (4%) в русском языке, например, *to make (turn) the air blue* ‘ругаться, сквернословить’.

Далее стоит отметить значительное расхождение в количественных данных относительно групп процессуальных ФЕ, характеризующих эмоциональное и физическое состояние человека. В русском языке данную группу составляют 27 ФЕ (27%), в то время как в английском языке – 14 ФЕ (9%). Анализ материала позволил выделить следующие подгруппы:

1) радость, энтузиазм: *throw one's hat in the air* ‘ликовать’, *и в воздух чепчики бросали* ‘шутливо-ироническая характеристика общественного подъема’;

3) страх: *to fear smb (smth) as the devil fears holy water* ‘бояться как черт ладана’, *как (пуще) огня бояться кого, чего* ‘очень бояться’;

4) неуверенность: *be (feel) like a fish out of water* ‘человек не в своей стихии’, *почва (земля) ушла из-под ног* ‘утратить способность здраво оценивать ситуацию’;

5) состояние задумчивости и/или мечтательности: *витать между небом и землей* ‘пребывать в мечтательном состоянии, не замечать ничего’;

6) гнев: *be (get, go) up in the air* ‘выйти из себя, взбеситься, взорваться, прийти в бешенство, в ярость’.

2.3. В группу предметных входят ФЕ, функцией которых является номинация лиц, предметов живой и неживой природы, пространства и времени. Следует отметить, что в исследуемом материале количество английских предметных ФЕ практически в два раза превышает количество предметных ФЕ в русском языке – 97 ФЕ (32%) и 46 (19%) соответственно (см. табл. 3).

Таблица 3. Семантическая классификация предметных ФЕ с компонентами, обозначающими названия стихий, в английском и русском языках

Фразеосемантическая область	Группа	Английский язык	Русский язык
		Кол-во ФЕ, ед. (%)	Кол-во ФЕ, ед. (%)
Человек	характеристика человека	31 (32)	7 (15)
	обстоятельства, текущая ситуация	13 (14)	4 (9)
	коммуникативно-речевая деятельность	12 (12)	4 (9)
	характеристика полученного опыта	4 (4)	–
	характеристика планов, надежд	3 (3)	2 (4)
	смерть	2 (2)	3 (7)
	Всего:		65 (67)
Окружающий мир	природа / погода	13 (14)	8 (17)
	еда / питье	7 (7)	5 (11)
	учреждения	5 (5)	–
	ФЕ, используемые терминологически	3 (3)	4 (9)
	время	2 (2)	–
	пространство	2 (2)	9 (19)
	Всего:		32 (33)
Всего:		97 (100)	46 (100)

Как видно из таблицы 3, семантические характеристики предметных ФЕ с компонентами, обозначающими названия стихий, также значительно различаются в исследуемых языках.

В английском языке большая часть предметных ФЕ входит во фразеосемантическую область «человек» – 65 ФЕ (67%). При этом наиболее многочисленную группу (32%) составляют ФЕ, используемые для обозначения человека. Их можно разделить на следующие подгруппы:

1) ФЕ, используемые для обозначения человека по психоэмоциональным свойствам, состояниям, например, *Johnny Head-in-(the)-Air* ‘человек, витающий в облаках, не от мира сего’;

2) по физическим характеристикам, например, *a big (long, tall) drink of water* ‘человек высокого роста, «каланча»’;

3) по морально-нравственным качествам, например, *a diamond of the first water* ‘человек замечательных достоинств’;

4) по влиянию на общественную жизнь: *the salt of the earth* ‘соль земли’;

5) по интеллектуальным способностям: *have (got) water on the brain* ‘быть безмозглым, не все дома’ и т. д.

Следующую в количественном отношении подгруппу составляют 13 английских ФЕ (14%), характеризующие обстоятельства, текущую ситуацию, в которой находится человек. Большинство из них содержат сему отрицательной оценочности, например, *uncharted (troubled, murky) waters* ‘сложная, опасная, незнакомая ситуация’, *deep waters* ‘большое беспокойство, горе, тяжелое, затруднительное или опасное положение’, *low water* ‘самый низкий уровень, застой’, *low water mark* ‘предел чего-л., самый низкий уровень’, *a hell on (upon) earth* ‘сущий ад, ад крошечный’, *irons in the fire* ‘дела, заботы’.

В группу ФЕ, которые дают характеристику коммуникативно-речевой деятельности человека, входит 12 единиц (12%). Из них можно выделить три подгруппы ФЕ:

1) обозначающие реакцию на что-либо, выраженную словами – *a running fire* ‘град (критических) замечаний’;

2) дающие непосредственную характеристику словам и высказываниям человека – *milk and water* ‘суесловие, «вода», что-л. пустое, бессодержательное’;

3) обозначающие характер общения – *water cooler gossip* ‘офисные сплетни’.

Кроме того, анализ материала позволил разделить английские ФЕ с компонентами, обозначающими названия стихий, которые не относятся к фразеосемантической области «человек», на следующие группы:

1) природные явления, погода (13 ФЕ), например, *a breath of (fresh) air* ‘1) дуновение ветерка’, *the Father of Water* ‘«мать вод», прозвище реки Миссисипи’;

2) еда / питье, например, *fire water* ‘огненная вода», спиртные напитки’, *bubble water* ‘«шипучка», игристое вино’;

3) время, временные отрезки – *an unearthly hour* ‘крайне неудобное, неподходящее время’;

4) ФЕ, обозначающие различные учреждения, заведения – *a fresh-water college* ‘маленький провинциальный колледж’;

5) ФЕ, употребляющиеся терминологически – *a watertight contract* ‘букв. непромокаемый контракт’;

6) пространство – *the ends of the earth* ‘отдаленные уголки’.

В русском языке, в отличие от английского, более продуктивной группой предметных ФЕ является группа ФЕ, используемых для обозначения окружающего мира – 26 ФЕ (56%). Анализ материала позволил выделить следующие подгруппы:

1) русские предметные ФЕ, употребляющиеся для обозначения пространства – 9 ФЕ (19%), например, *вольные земли* ‘никем не занятые, никем не обрабатываемые земли’. Стоит отметить, что в данной группе наиболее продуктивной является лексема *земля*. Это, вероятно, связано с тем, что на Руси традиционным занятием было земледелие, что нашло свое отражение во фразеологии русского языка [Войтенко, Трофимова, 2017: 190];

2) ФЕ, используемые для обозначения природных явлений, погоды, например, *вольный воздух* ‘чистый, свежий воздух’;

3) ФЕ, используемые для обозначения еды или напитков, например, *огненная вода* ‘спиртные напитки’;

4) ФЕ, используемые терминологически, например, *беглый огонь* ‘часто разрозненная стрельба’.

Группу русских ФЕ, входящих во фразеосемантическую область «человек» составляют 20 ФЕ (44%). Среди них выделяются следующие подгруппы:

1) ФЕ, используемые для характеристики человека, например, *седьмая (десятая) вода на киселе* ‘очень дальний родственник, дальняя родня’;

2) ФЕ, используемые для характеристики обстоятельств, текущей ситуации в жизни человека, например, *подводный камень (камни)* ‘скрытые опасности, неожиданные препятствия, помехи’;

3) ФЕ, которые дают характеристику коммуникативно-речевой деятельности человека, например, *сотрясение воздуха* ‘высокопарные, но пустые речи’;

4) ФЕ, характеризующие планы, надежды человека, например, *земля обетованная* ‘место, куда кто-либо стремится, мечтает попасть’.

2.4. Атрибутивно-предикативные ФЕ составляют небольшую долю в изучаемом материале: 29 ФЕ (9%) в английском языке и 36 ФЕ (16%) в русском языке, этот класс является менее продуктивным по сравнению с рассмотренными выше.

Атрибутивно-предикативные ФЕ могут обозначать признак или состояние человека.

Их функции разнообразны. Это может быть:

1) относительно постоянный признак человека, например, *with one's nose in the air* 'смотрящий на других свысока, задирающий нос', *воды (водой) не замутишь* 'скромный, тихий';

2) характеристика человека в конкретный момент времени, его состояния, например, *full of hot air* 'говорящий чепуху', *как (будто, словно, точно) в воду опущенный* 'грустный, притихший, сникший, падший духом, сам на себя не похожий'.

Кроме того, ряд атрибутивных ФЕ могут обозначать как признак человека, так и неодушевленных предметов, явлений. Например, *light as air* 'легкий как воздух', *как огонек* 'о чем-л., излучающем тепло, свет; о человеке, сердечном и теплом'.

2.5. Группу качественно-обстоятельственных ФЕ с компонентами, обозначающими названия стихий, составляют 22 единицы (7%) в английском языке и 47 ФЕ (20%) – в русском языке. Следует отметить, что количество качественно-обстоятельственных ФЕ в русском языке в три раза превышает количество качественно-обстоятельственных ФЕ в английском языке.

В класс качественно-обстоятельственных входят ФЕ, обозначающие качество или обстоятельство действия, образ действия, место, время или причину действия. Анализ исследуемого материала позволяет выделить следующие группы качественно-обстоятельственных ФЕ в английском и русском языках:

1) ФЕ, которые передают качественную характеристику действия, например, *like nothing on earth* 'ни на что не похоже, ужасно, отвратительно', *как (будто, словно, точно) водой смыло кого-то* 'мгновенно исчезнуть, удалиться' и т. д.;

2) ФЕ, указывающие на обстоятельства, при которых происходит действие (3%), например, *like water off a duck's back* 'как с гуся вода', *в безвоздушном пространстве (быть, оказаться и т. п.)* 'без поддержки, без связи с окружающим, в полном одиночестве';

3) ФЕ, указывающие на место совершения действия (2%): *between wind and water* '1) на уровне или ниже ватерлинии; 2) в наиболее уязвимое место', *за тридевять земель* 'очень далеко'.

2.6. Анализ исследуемого материала позволил также выделить 4 модальных ФЕ в английском языке (1%) и 1 модальную ФЕ в русском языке (1%). Примерами в английском языке являются ФЕ *on earth* 'же, просто, только, наконец, все-таки, еще', *Hellfire and damnation!* 'Черт побери!'. В русском языке к модальной относится ФЕ *гори (оно, все) (синим, ясным) огнем (пламенем)* 'пропади все пропадом!', которая

используется для выражения неудовольствия кем-либо, чем-либо, либо как пожелание отделаться от кого-либо или чего-либо.

2.7. Анализ исследуемого материала позволил также выделить группу количественных ФЕ в русском языке. Количественные ФЕ – это ФЕ, которые обозначают неопределенно большое или неопределенно малое количество каких-либо предметов, например, *как в море воды* ‘много’, *капля (воды) в море* ‘ничтожная доля, пустяк, по сравнению с тем, что необходимо’.

3. Выводы

Семантический анализ ФЕ с компонентами, обозначающими названия стихий, показал, что они отличаются широким семантическим диапазоном, при этом основным признаком изучаемой группы ФЕ является антропоцентризм. В ходе исследования были выделены следующие семантические группы ФЕ: процессуальные, предметные, атрибутивно-предикативные, качественно-обстоятельственные, модальные и количественные ФЕ, при этом было выявлено преобладание процессуальных ФЕ (51% в английском языке и 43% в русском языке). Среди них наиболее широко и разнообразно представлены такие семантические группы, как деятельность / действия человека, характер человека, его эмоциональное состояние, текущее положение дел, межличностные отношения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бессонова О. Л. Сопоставительный метод в лингвокогнитивных исследованиях // Донецкие чтения 2016. Образование, наука и вызовы современности. Ростов-на-Дону: Издательство Южного федерального университета, 2016. Т. 5. Филологические и философские науки. С. 49-52.
2. Войтенко Е. Ю., Трофимова Е. В. Английские и русские фразеологизмы с компонентами, обозначающими названия стихий, с точки зрения их происхождения // Донецкие чтения 2017: Русский мир как цивилизационная основа научно-образовательного и культурного развития Донбасса. Донецк: Изд-во ДонНУ, 2017. Т. 4. Филологические науки. С. 189-191.
3. Гусев Д. А. Курс лекций по философии. М.: Директ-Медиа, 2014. 520 с.
4. Евсюков В. В. Мифы о вселенной. Новосибирск: Наука, 1988. 178 с.
5. Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка. М.: Высш. шк., Дубна: Изд. центр «Феникс», 1996. 381 с.
6. Маслова В. А. Лингвокультурология. М.: Издательский дом «Академия», 2001. 208 с.
7. Трофимова Е. В., Войтенко Е. Ю. Оценочный компонент в семантике английских фразеологических единиц с лексемами, обозначающими названия стихий // *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*. Донецк: ДонНУ, 2017. Т. 13. Вып. 4 (38). С. 12-22.
8. Трофимова Е. В. Концептосфера отрицательных эмоций во фразеологии английского и украинского языков // *Лингвистика и лингводидактика: традиции и инновации: сборник научных статей: к 50-летию кафедры английской филологии ДонНУ*. Ростов-на-Дону, 2016. С. 98-103.
9. Чепасова А. М. Семантико-грамматические классы русских фразеологизмов. Челябинск: Челяб. гос. пед. ин-т., 1974. 100 с.

10. Piirainen Elisabeth. Phraseology in a European framework: A cross-linguistic and cross-cultural research project on widespread idioms // *Phraseology. An interdisciplinary perspective*. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2008. P. 243-259.

REFERENCES

1. Bessonova, O. L. (2016). Sopostavitelnyy metod v lingvokognitivnykh issledovaniyakh [The Comparative method in the Cognitive Linguistics]. In *Donetskie chteniya 2016. Obrazovanie, nauka i vyizovyi sovremennosti*. Rostov-na-Donu: Izdatelstvo Yuzhnogo federalnogo universiteta. T. 5. Filologicheskie i filosofskie nauki. Pp. 49-52. (In Russ.).

2. Voytenko, E. Yu., Trofimova E. V. (2017) *Angliyskie i russkie frazeologizmy s komponentami, oboznachayushchimi nazvaniya stikhiy, s tochki zreniya ikh proishozhdeniya* [The Origin of the English and Russian Phraseological Units with Lexemes Denoting the four Elements]. In *Donetskie chteniya 2017: Russkiy mir kak tsivilizatsionnaya osnova nauchno-obrazovatel'nogo i kulturnogo razvitiya Donbassa*. Donetsk: Izd-vo DonNU. T. 4. Filologicheskie nauki. Pp. 189-191. (In Russ.).

3. Gusev, D. A. (2014). *Kurs lektsiy po filosofii* [The Course of Lectures in Philosophy] M.: Direkt-Media. (In Russ.).

4. Evsyukov, V. V. (1988). *Mify o vselennoy* [The Myths about the Universe]. Novosibirsk: Nauka. (In Russ.).

5. Kunin, A. V. (1996). *Kurs frazeologii sovremennogo angliyskogo yazyka* [The Course in Phraseology of Modern English Language]. Moskva: Vysshaya shkola. (In Russ.).

6. Maslova, V. A. (2001). *Lingvokulturologiya* [Cultural Linguistics] M.: Izdatelskiy dom «Akademiya». (In Russ.).

7. Trofimova, E. V., Voytenko E. Yu. (2017). Otsenochnyy komponent v semantike angliyskikh frazeologicheskikh edinit s leksemami, oboznachayushchimi nazvaniya stikhiy [Evaluative Component in Semantics of the English Phraseological Units with Lexemes, Denoting the four Elements]. In *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*. Donetsk: DonNU. T. 13. 4 (38). Pp. 12-22. (In Russ.).

8. Trofimova, E. V. (2016). Kontseptosfera otritsatelnykh emotsiy vo frazeologii angliyskogo i ukrainskogo yazykov [The Sphere of Concepts of the Negative Emotions in the English and Ukrainian phraseology]. In *Lingvistika i lingvodidaktika: traditsii i innovatsii: sbornik nauchnykh statey: k 50-letiyu kafedry angliyskoy filologii DonNU*. Rostov-na-Donu. Pp. 98-103. (In Russ.).

9. Chepasova, A. M. (1974). *Semantiko-grammaticheskie klassy russkikh frazeologizmov* [Semantic and Grammatical Types of Russian Phraseological Units]. Chelyabinsk: Chelyab. gos. ped. in-t. (In Russ.).

10. Piirainen, Elisabeth. (2008). Phraseology in a European framework: A cross-linguistic and cross-cultural research project on widespread idioms. In *Phraseology. An interdisciplinary perspective*. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company. Pp. 243-259.

Войтенко Елена Юрьевна – ассистент
кафедры английской филологии
(e-mail: elena-vtn@mail.ru),
Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Донецкий национальный университет»
283001, Донецк, Университетская, 24

Voytenko Elena Yu. – Assistant of English
Philology Department
(e-mail: elena-vtn@mail.ru),
State Educational Institution of Higher
Professional Education
«Donetsk National University»
24 Universitetskaya, Donetsk, 283001

Поступила в редакцию 31 октября 2018 г.

УДК 811.1/.2'44

© 2018 L. B. Nikolayeva

POLYSEMY OF THE KINSHIP TERMS *FATHER* AND *SON* IN SOME INDO-EUROPEAN LANGUAGES

The current research is concerned with the analysis of polysemic structure of two kinship terms 'father' and 'son' in five Indo-European languages such as German, Spanish, Ukrainian, Greek and Lithuanian. The study addresses the nature of the mentioned polysemic items, the level of their polysemy and possible reasons for its development.

Key words: polysemy, lexico-semantic variants, kinship terms, Indo-European languages.

© 2018 Л. Б. Николаева

ПОЛИСЕМИЯ ТЕРМИНОВ РОДСТВА *ОТЕЦ* И *СЫН* В НЕКОТОРЫХ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКАХ

Данная работа посвящена исследованию многозначности двух терминов родства 'отец' и 'сын' в пяти индоевропейских языках: немецком, испанском, украинском, греческом и литовском. В статье описана степень полисемичности данных терминов, а также возможные причины ее возникновения.

Ключевые слова: полисемия, лексико-семантические варианты, термины родства, индоевропейские языки.

Introduction

The current paper studies polysemic nature of the two kinship terms *father* and *son* in the five Indo-European languages. Kinship terms belong to the core of the vocabulary of any language and therefore are a vivid example of the development of multiple meanings related to a variety of aspects of our life. Broadening of the meaning of the kinship terms is determined by the speaker's desire for economy and is based on the existence in certain lexico-semantic variants of common semes facilitating the development of the polysemy of that layer of the lexicon. The high degree of similarity of the semantics of the kinship terms of Indo-European languages appears due to their historical roots. The reason of their divergence might be the influence of the cultural peculiarities of each people as a bearer of language, and also by the difference in the historical process of the formation of a linguistic image of the world. The current study focuses on five Indo-European languages, German, Spanish, Ukrainian, Lithuanian and Greek, in the attempt to identify differences and similarities of their polysemic structure.

Literature review

Polysemy is among the most important phenomena of language and is universal in nature, i.e., it is inherent in all natural languages [Ullman, 1963]. It is considered that polysemy exists primarily due to the divergence between the limited number of language units (words) and the

endless number of objects and phenomena of the surrounding world [Vardul, 1977; Casares, 1950]. I. G. Olshanskiy defines polysemy as a semasio-onomasiological category in which both universal properties of a language and thought are reflected, as well as ideoethnic and national linguistic peculiarities [Olshanskiy, 1991]. V. V. Vinogradov asserts that no single language would be able to express each specific idea with a separate word or root element. It is precisely for this reason that language is forced to “spread a great number of meanings across various headings of basic ideas” [Vinogradov, 1972:18].

Ideas representing specific names are from the start doomed to develop multiple meanings, since there is a figurative basis in their semantics and, as a consequence of this, a potentially large set of semantic features creating conditions for the semantic structure of the word to develop [Chernysheva, 1999]. The ability to be polysemantic is a natural property of each word [Zelenetskiy, 1983; Katsnelson, 1965], but, following M. P. Brus, we may agree that polysemy is intrinsic primarily to ancient forms which have undergone various semantic changes over several epochs [Brus, 2006]. Kinship terms are precisely such forms. Kinship terms are part of the core of the lexical composition of each language and are a reflection of ethno-cultural traditions and peculiarities. This gives reason to suppose that associations related to the basic meaning of kinship terms (such as *mother* → beginning of life → beginning of something) provide a basis for developing the polysemy of the term [Nikolayeva, 2004].

The lexical meaning of the word is established through the semantic structure in which it is realized. But such an angle of view is possible only when considering the semantics of the word in connection with its compositional qualities, i.e., how it «behaves» in context [Shelov, 1990]. And if an investigation is built on studying vocabulary obtained by selection from a dictionary or specialized (ethnographic) sources and, therefore, it is not possible to consider a lexeme taken by itself in context, then all possible variants of meaning of one or another word should be described.

The explanatory dictionary is a specific systemic representation of actual linguistic reality. The language system is represented in it in the form of lexical stock taken from speech with the corresponding typified lexical characteristics of its units [Drebet, 1998].

Without doubt, the type of dictionary is a factor that influences the obtaining of data on the average polysemy value [Polikarpov, 1989]. The delimitation of meanings of a polysemantic word and their number may differ considerably in the dictionaries. It is precisely for this reason that such studies are a summarized description of the meanings of kinship term meanings which are obtained by combining information from several sources.

An important feature of true polysemy distinguishing it from homonymy is the existence of a connection between different meanings of the word [Weinreich, 1963]. I. G. Olshanskiy

defines lexical polysemy as the ability of units of the lexicon to have several semantically interconnected meanings serving as a means of naming objects and phenomena which are objectively different and syntagmatically and paradigmatically differentiating in language and thought activity [Olshanskiy, 1996]. It is precisely this connection (or degree of connectedness of meanings of a polysemantic word among one another) that makes it possible to speak of various types of polysemy.

Background of the study

Five languages became the material for study of polysemy of kinship terms *father* and *son*: Ukrainian (Uk), German (Gm), Spanish (Sp), Lithuanian (Li) and Greek (Gk). The selection of only one language out of each group of the set belonging to the Indo-European language family is prompted by their genetic proximity and, as a consequence, high degree of resemblance of sets of lexico-semantic variants (LSV) of polysemic kinship terms.

Based on the fact that the material studied in this paper were dictionary entries of KT of several explanatory dictionaries for each language, it should be noted that unified (summarized) entries obtained by combining data from different sources are given further in the work [Nikolayeva, 2002]. Attention should also be drawn to the fact that entries used as material for comparison are brought together in the tables represented in the text of this work.

The average number of word meanings makes it possible to determine the degree of its polysemy [Drebet, 1998; Levitskiy, 2003; Oguy, 1998; Olshanskiy, 1987; Silnitskaya, 1988; Skorokhod'ko and Kaluzhnin, 1963; Tuldava, 1987]. Certain areas of multiple meaning are isolated according to the number of word meanings. Yu. Tuldava distinguishes between zero degree of polysemy (1 meaning), first degree of polysemy (2-4 meanings), second degree of polysemy (5-9 meanings) and third degree of polysemy (10-16 meanings) [Tuldava, 1987].

Nouns with the basic meaning 'father'

Following Émile Benveniste, Barry Blake notes in his work that of all KT the name of the father is the most stable form [Blake, 1987]: Indo-European *pāter* → Uk *батько*, Gm *Vater*, Sp *padre*, Gk *πατέρας*, Li *tėvas*. In addition, he points to the fact that the word with the meaning 'father' designates the father not only as a physical person, since in mythology this term is used to name the supreme deity of the Indo-Europeans, and designation of natural paternity is precluded [Trubachev, 1959; Blake, 1987]. This fact may serve to explain the presence of the meaning God, first person of the Holy Trinity in LSV sets of kinship terms with the basic meaning 'father' of all languages considered in this section (see Table 1, LSV 15).

The total number of LSV inherent in nouns with the basic meaning 'father' in the five languages is 24 units:

Table 1. *Lexico-Semantic Variants of the Word with the Basic Meaning Father*

No.	Meaning	Language				
		Uk	Gm	Sp	Gk	Li
1.	man in relation to his children	+	+	+	+	+
2.	stepfather	+	+	+	-	+
3.	godfather	-	-	+	-	+
4.	(colloquial) father-in-law [wife's father], father-in-law [husband's father]	+	+	-	-	-
5.	male animal in relation to its offspring	+	+	+	-	+
6.	ancestors	+	+	+	+	+
7.	people vested with power	-	+	-	+	-
8.	founder, initiator of some field of science, art	+	+	+	+	+
9.	author	-	-	+	-	
10.	head, leader	-	-	+	-	
11.	root, basis, beginning, source	-	-	+	-	+
12.	form of address to a man of advanced age	+	+	-	-	+
13.	(church) priest	+	+	+	+	+
14.	(church) they who interpreted the Christian teaching	-	+	-	-	-
15.	(religious) God, first person of the Holy Trinity	+	+	+	+	+
16.	man who has or had children	+	+	+	+	+
17.	polite form of address to Cossack elders, ataman	+	-	-	-	-
18.	(figurative) paternal home	-	-	+	-	-
19.	(medical) colic	-	+	-	-	-
20.	(medical) lower part of a man's abdomen, from the navel to the genitals	-	+	-	-	-
21.	(geological) deposit	-	+	-	-	-
22.	(geographical) river as compared to its tributaries	-	+	-	-	-
23.	(geographical) mountain masses	-	+	-	-	-
24.	(Germanic) clothing with fastener on the back	-	-	+	-	-
Total number of meanings:		11	17	14	7	11

A complete match of meanings constituting the semantics of the Ukrainian, German, Spanish, Greek and Lithuanian languages is observed in six cases out of 24, and belongs to the sphere of kinship (LSV 1, 6), the professional (LSV 8) and religious spheres (LSV 13, 15, 16). All of the languages except Greek also have common LSV connected with artificial kinship (LSV 2) and biological kinship with reference to animals (LSV 5).

The most polysemantic is the German lexeme *Vater*, whose set includes 17 LSV pertaining to such spheres as kinship, religion, medicine, fauna, geography and human public life.

Specific areas of usages are mostly responsible for divergence in the LSV of the units being studied: LSV of the Ukrainian language connected with the nation's military development (the

Cossacks), LSV of the German language with the notes ‘medical’, ‘geographical’, ‘geological’, LSV of the Spanish language connected with the sphere of human public life (see Table 1).

Nouns with the basic meaning ‘father’ belong to the third degree of polysemy. The exception is the Greek lexeme *πατέρας*, which has 7 LSV, and, accordingly, belongs to the second degree of polysemy.

Nouns with the basic meaning ‘son’

The Ukrainian lexeme *син*, Gm *Sohn*, Sp *hijo*, Gk *γιός*, Li *sūnūs* in their basic general meaning are used to name a person of the male sex in relation to his parents.

From the perspective of etymology these lexical items are connected with Indo-European *sunus* ‘son,’ which is formed from the verbal root *seu-, su-* ‘to give birth.’ During the course of linguistic development, by way of metaphorical transfer, this basic meaning dictated the development of the polysemanticism of the KT under examination (see Table 2).

Table 2. *Lexico-Semantic Variants of the Word with the Basic Meaning Son*

No.	Meaning	Language				
		Uk	Gm	Sp	Gk	Li
1.	a male person in relation to his parents	+	+	+	+	+
2.	(colloq.) son-in-law	+	–	+	–	–
3.	(colloq.) adopted son	+	+	+	+	+
4.	(fig.) man as the bearer of characteristic features of his people, of his environment	+	–	+	–	+
5.	animals of the male sex in relation to their parents	+	+	–	–	+
6.	(relig.) Jesus Christ	+	+	–	–	+
7.	priest's form of address to a man	+	+	+	+	+
8.	(relig.) member of a religious organization	–	–	+	–	–
9.	descendant, male heir	+	–	–	–	+
10.	pupil/ward	+	–	–	–	+
11.	(colloq.) form of address to a boy	+	–	+	–	+
12.	a product in relation to its inventor	–	–	+	–	–
13.	a poetic work in relation to its author	–	+	–	–	–
14.	used in families belonging to high society, before the proper noun	–	+	–	–	–
15.	(bot.) sprout/shoot	–	+	–	–	–
Total number of meanings:		10	8	8	3	9

After looking at the above table of lexico-semantic variants of KT with the meaning ‘son’, we may make the following conclusions: a) the Ukrainian lexical item *син*, has the largest number of LSV (10) and belongs to the third degree of polysemy. The German, Spanish and Lithuanian KT belong to the second degree, including 8, 8 and 9 LSV, respectively. The least polysemantic turned out to be the Greek lexeme *γιός* ‘son’, which has three meanings;

b) complete match of LSV of all five languages is observed in three cases out of 15, and has to do with the spheres of blood (LSV 1) and artificial (LSV 3) kinship, and also the sphere of religion (LSV 7); c) the Ukrainian, Spanish and Lithuanian languages unite such LSV as ‘(fig.) man as the bearer of characteristic features of his people, of his environment’ (LSV 4) and ‘(colloq.) form of address to a boy’ (LSV 11); d) common for the Ukrainian, German and Lithuanian languages are LSV 5 ‘animal of the male sex in relation to its parents’ and LSV 6 ‘(relig.) Jesus Christ’; e) other meanings of the KT under examination relate to such spheres of usage as social (LSV 9, 10), professional (LSV 12, 13), and botanical (LSV 15).

Table 3. *Number of Lexico-Semantic Variants of kinship terms Father and Son*

No.	Basic meaning of the lexeme	Number of LSV in each language				
		Ukrainian	German	Spanish	Greek	Lithuanian
1.	Father	11	17	14	7	11
2.	Son	10	8	8	3	9

Based on the total number of meanings of KT *father* the selected languages were distributed in the following way: the most polysemic is the German language (17 LSV). The Spanish language occupies second place with 14 LSV comprising its polysemic structure. The Ukrainian and Lithuanian languages (11 LSV) are in third place by degree of polysemy, and the least polysemic is Greek. In case with the term *son*, however, the distribution changed. Ukrainian KT appeared to be the most polysemic (10 LSV) while Lithuanian is second (9 LSV). German and Spanish took the third place with 8 LSV each. The position of Greek remains unchanged as it is once again the least polysemic language among all discussed.

It can be noticed that KT *father* has more LSV compared to KT *son*. The reason behind the difference might be the fact that it belongs to the core of the kinship paradigm in which the fundamental basis of family relationships lies. In the linguistic material, the fact that this lexical item belongs to the paradigmatic center is evidenced by its higher development of polysemy.

Conclusion

In this paper we analyzed KT *father* and *son* of five languages (Ukrainian, German, Spanish, Modern Greek, Lithuanian) from the perspective of their polysemy.

The most polysemic language of all the studied ones is Ukrainian as both of its KT under study are within the 3rd, the highest, zone of polysemy. German, Spanish and Lithuanian KT *father* equally belong to the 3rd zone while their KT *son* to the 2nd zone of polysemy. Greek is the least polysemic language and belongs to the 2nd zone of polysemy in case with the KT *father* and the 1st one in case with the KT *son*.

The LSV of core lexemes of the kinship paradigm in the languages compared relate to

various spheres of usage (the sphere of kinship, religion, public relations, medicine, geography, geology (see Tables 1 & 2).

Some lexemes of the set have LSV which are distinctive for a specific ethnic group and have no equivalents in other languages (cf.: Uk *батько* in the meaning ‘form of address to an ataman, Cossack elder’).

The high degree of similarity of the semantics of the KT of the languages analyzed can be explained by their belonging historically to the Indo-European group.

Differences in the semantics of the linguistic units analyzed can be explained by the influence of the cultural peculiarities of each people as a bearer of language, and also by the difference in the historical process of the formation of a linguistic image of the world.

REFERENCES

1. Blake, B. J. (1987). *Australian Aboriginal Grammar*. London: Croom Helm.
2. Brus, M. P. (2001). *Zagalni osobovi zhinochi nominatsiyi v ukrayinskiy movi XVI – XVII stolitt: slovotvir i semantyka* [Personal female nominations in the Ukrainian language in the XVI – XVII centuries: word-formation and semantics]: dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.01. Ivano-Frankivsk. (In Ukr.).
3. Casares, J. (1950). *Introduction a la lexicografia moderna*. Madrid.
4. Chernysheva, I. I. (1999). Nekotorye voprosy teorii leksikona segodnya i uchebnyy teoreticheskiy kurs leksikologii [Some theoretical issues of present lexicon and academic theoretical course of lexicology]. In *Filologicheskie nauki*. No. 4. Pp. 87-94. (In Russ.).
5. Drebet, V. V. (1998). *Polisemiya imennykiv i prykmetykiv u suchasniy nimetskiy movi (na materiali tlumachnoho slovnyka nimetskoyi movy)* [Polysemantics of nouns in contemporary German (based on German language glossary): dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.04. Chernivtsi. (In Ukr.).
6. Katsnelson, S. D. (1975). Osnovnye zadachi lingvisticheskoy tipologii [The main objectives of linguistic typology]. In *Lingvisticheskaya tipologiya i vostochnye yazyki*. Moskva: Nauka. Pp. 209-246. (In Russ.).
7. Levitskiy, V. V. (1976). Semantic Word-Structure and Extralinguistic Factors. In *Ed. by Jan Prucha Soviet Studies in Language and Language Behavior*. Amsterdam: North-Holland Publishing Company. Pp. 125-136.
8. Nikolayeva, L. B. (2002). Semantika i struktura slova s obshchim znacheniem ‘dyadyu’ v raznostrukturnykh yazykakh (na materiale nemetskogo, russkogo, ukraïnskogo, bashkirskogo i kitayskogo yazykov) [Semantics and structure of the word with a common meaning ‘uncle’ in different structures languages]. In *Forma, znachenie i funktsii edinits yazyka i rechi*. Minsk: Minsk State Linguistic University. Pp. 64-66. (In Russ.).
9. OGuy, O. D. (1998). *Systemno-kvanytatyvni aspekty semantyky ta polisemiyyi* [Quantitative-systemic aspects of semantics and polysemy]. Chernivtsi: Ruta. (In Ukr.).
10. Olshanskiy, I. G. (1991). *Leksicheskaya polisemiya v sovremennom nemetskom yazyke* [Lexical polysemy in modern German]. Moskva: ADD. (In Russ.).
11. Olshanskiy, I. G. (1996). Kognitivnye aspekty leksicheskoy mnogoznachnosti [Cognitive aspects of lexical polysemy]. In *Filologicheskiye nauki*. No. 5. Pp. 85-94
12. Polikarpov, A. A., Kryukova O. S. (1989). O sistemnom sootnoshenii kratkogo i srednego tolkovykh slovarey russkogo yazyka [On the systemic correlation between abridged and non abridged dictionaries]. In *Uchenye zapiski Tartuskogo universiteta*. Tartu: Tartu State University. Issue 872. Pp. 140-157. (In Russ.).

13. Shelov, S. D. (1990). Ob opredelenii lingvisticheskikh terminov (Opyt tipologii i interpretatsii) [About defining linguistic terms (Experience in typology and interpretation)]. In *Voprosy yazykoznaniiya*. No. 3. Pp. 21-31. (In Russ.).

14. Silnitskaya, G. V. (1998). Stepen polisemichnosti kak diagnosticheskiy kriteriy [Polysemy degree as a diagnostic criterion]. In *Prikladnaya lingvistika i avtomaticheskii analiz teksta*. Tartu: Izdatelstvo Tartuskogo Universiteta. Pp.78-79. (In Russ.).

15. Skorokhodko, E. F., Kaluzhnin, L. A. (1963). Nekotorye zamechaniya v leksicheskoy semantike (na materiale terminologii rodstva i svoystva) [Some remarks in lexical semantics (based on the terminology of relationship and properties)]. In *Issledovaniya po strukturnoy tipologii*. Moskva: Izdatelstvo Akademii Nauk SSSR. (In Russ.).

16. Trubachev, O. N. (1959). *Istoriya slavyanskikh terminov rodstva i nekotorykh drevneyshikh terminov obshchestvennogo stroya* [History of slavic kinship terms and some ancient terms of social order]. Moskva: Izdatelstvo Akademii Nauk SSSR. (In Russ.).

17. Tuldava, Yu. (1987). *Problemy i metody kvantitivno-sistemnogo analiza leksiki* [Problems and methods of quantitative-systemic analysis of vocabulary]. Tallinn: Valgus. (In Russ.).

18. Ullman, S. (1963). Semantic Universals. In *Greenberg J. H. (ed.) Universals of Language*. Cambridge, Mass: MIT Press. Pp. 217-262.

19. Vardul, I. V. (1977). *Osnovy opisatelnoy lingvistiki* [Basics of descriptive linguistics]. Moskva: Nauka. (In Russ.).

20. Vinogradov, V. V. (1972). *Russkiy yazyk: Grammaticheskoye ucheniye v slove* [The Russian language: grammatical teaching in the word]. Vtoroye izdaniye. Moskva: Vysshaya shkola. (In Russ.).

21. Weinreich, U. (1963). On the Semantic Structure of Language. In *Greenberg J. H. (ed.) Universals of Language*. Cambridge, Mass.: MIT Press. Pp. 142-216.

22. Zelenetskiy, A. L., Monakhov, P. F. (1983). *Sravnitel'naya tipologiya nemetskogo i russkogo yazykov* [Comparative typology of the German and Russian languages]. Moskva: Prosveshcheniye. (In Russ.).

Николаева Лариса Бориславовна – кандидат
филологических наук, доцент факультета
изучения английского языка
(e-mail: Larysa.nikolayeva@gmail.com),
Маджан Колледж
Маскат, Оман

Nikolayeva Larysa B. – Doctor of Philology,
Assistant Professor of Faculty of English
Language Studies
(e-mail: Larysa.nikolayeva@gmail.com),
Majan College
Muscat, Oman

Поступила в редакцию 30 октября 2018 г.

ВТОРИЧНЫЕ НАИМЕНОВАНИЯ РОДИТЕЛЕЙ И ДЕТЕЙ В АНГЛИЙСКОМ, НЕМЕЦКОМ, РУССКОМ И УКРАИНСКОМ СУБСТАНДАРТНЫХ ЯЗЫКАХ

В статье рассматриваются наименования родителей и детей в английском, немецком, русском и украинском субстандартных языках. Детально анализируются такие виды семантической деривации, как метафорический и метонимический переносы, выявляются их основные типы и определяется их продуктивность в сопоставляемых языках.

Ключевые слова: метафора, метонимия, продуктивность, семантика, субстандартная лексика.

© 2018 E. I. Petrishcheva

SECONDARY NOMINATIONS OF PARENTS AND CHILDREN IN THE ENGLISH, GERMAN, RUSSIAN AND UKRAINIAN SUBSTANDARD LANGUAGES

The article deals with the names of parents and children in the English, German, Russian and Ukrainian substandard languages. Such key kinds of semantic derivation as metaphoric and metonymic transference have been thoroughly analyzed, their basic types and the degree of their productivity in the compared languages have been determined.

Key words: metaphor, metonymy, productivity, semantics, substandard lexis.

1. Введение

Наименования родственников являются частью древнейшего лексического фонда всех языков мира, их возникновение и развитие связаны с эволюцией родо-племенных отношений и института семьи. Этим обусловлена этнокультурная специфика номинаций родственников, которая складывалась в процессе развития этноса, закрепляя в языке определенные фрагменты картины мира. Изучением проблематики наименования родственников занимались многие лингвисты, в частности Ш. Р. Басыров [Басыров, 2012], О. В. Близнюк [Близнюк, 2005], В. Г. Дзибель [Дзибель, 2001], М. М. Лютянская [Лютянская, 2009], Л. Б. Николаева [Nikolayeva, 2014].

Настоящая статья посвящена изучению проблем вторичной номинации родителей и их детей в английском, немецком, русском и украинском субстандартных языках, ср.: англ. *fossil* (букв. ‘остатки животных или растительных организмов, сохранившиеся в земной коре с прежних геологических эпох’) перен. разг. ‘родители’, *rug rat* (букв. ‘ковровая крыса’) перен. разг. ‘ребенок’; нем. *Familienminister* (букв. ‘министр семьи’) перен. разг. ‘отец’, *Alimentenfrucht* (букв. ‘алиментный плод / фрукт’) перен. разг. ‘ребенок’; русск.

сухари перен. разг. 'родители', *яга* перен. разг. 'мать'; укр. *кіндер сюрприз* перен. разг. 'ребенок', *патрон* перен. разг. 'отец'.

Актуальность настоящего исследования обусловлена, с одной стороны, недостаточной изученностью семантики наименований родителей и их детей в английском, немецком, русском и украинском субстандартном языках, с другой стороны, необходимостью установления общих и отличительных закономерностей развития их метафорических и метонимических значений в данных языках.

Объектом исследования являются субстандартные лексические единицы (СЛЕ) со значениями «родители», «ребенок / дети», а **предметом** – наименования родителей и их детей, возникшие в ходе метафорического и метонимического переносов в субстандартной лексике английского, немецкого, русского и украинского языков.

Целью настоящего исследования является выявление общего и отличительного в процессах семантической деривации наименований родителей и их детей в английском, немецком, русском и украинском субстандартных языках.

Материалом исследования послужили СЛЕ со значениями «родители», «ребенок / дети», образованные путем метафорических и метонимических переносов, взятые из толковых и переводных словарей разговорной и сленговой лексики английского, немецкого, русского и украинского языков (англ. – 248 ед.; нем. – 214 ед.; русск. – 135 ед.; укр. – 98 ед.).

2. Семантические группы СЛЕ

В семантическом отношении анализируемые СЛЕ в сопоставляемых языках распадаются на следующие группы:

2.1. **родители**, ср.: англ. *old people* (букв. 'старые люди'), нем. *Penner* (букв. 'соня'), русск. *кони*, укр. *корні*;

2.2. **отец**, ср.: ирл. *oul fella* (букв. 'старый приятель'), нем. *Zwangsverwalter* 'принудительный управляющий', русск. *воспитатель*, укр. *старий*;

2.3. **мать**, ср.: англ. *old cheese* (букв. 'старый сыр'), нем. *Gewalt* (букв. 'власть / сила'), русск. *паханка*, укр. *квочка*;

2.4. **ребенок / дети**, ср.: англ. *stinkpot* (букв. 'вонючий горшок'), нем. *Jungtier* 'детеныш животного', русск. *шило*, укр. *малюк*;

2.5. **сын**: нем. *Stift* 'обрубок / штифт / штырь';

2.6. **дочь**, ср.: англ. *little madam* (букв. 'маленькая мадам'), нем. *Sprössling* (букв. 'отросток'), русск. *куколка*.

В целом, набор семантических групп в сопоставляемых языках совпадает, что объясняется, в частности, традиционным укладом семьи германских и славянских народов. В сопоставляемых языках наиболее продуктивными являются СЛЕ со значением «ребенок / дети» (англ. – 156 ед.; нем. – 70 ед.; русск. – 61 ед.; укр. – 68 ед.), а наименее продуктивными СЛЕ со значением «дочь» (англ. – 4 ед.; нем. – 6 ед.; русск. – 1 ед.; укр. – 3 ед.).

3. Типы метафорических переносов наименований родителей и детей

Номинация родителей и детей в сопоставляемых языках часто метафорически связывается с различными предметами, имеющими отношение к человеку, а также с животным и растительным миром. Рассмотрим основные типы метафорических переносов у субстандартных наименований *детей* и *родителей* в сопоставляемых языках:

3.1. Артефактный тип СЛЕ «родители», «ребенок / дети». В основе данного типа метафоры лежит перенос различных предметов быта, инструментов, механизмов на родителей и детей [Блэк, 1990]. Артефактные метафоры, используемые для номинации родителей, зафиксированы только в английском и немецком языках (по 6 ед. в каждом). Предметные метафоры, номинирующие детей, преобладают в германских языках по сравнению со славянскими (англ. – 15 ед.; нем. – 5 ед.; русск. – 2 ед.; укр. – 2 ед.). Например: нем. *Senker* (букв. ‘зенкер’) перен. разг. ‘сын’, *Dreschmaschine* (букв. ‘молотилка’) перен. разг. ‘отец, который бьет своих детей’; англ. *old pot* (букв. ‘старый горшок, котелок, кастрюля’) перен. разг. ‘отец’, *stinkpot* (букв. ‘вонючий горшок’) груб. ‘ребёнок с грязными пеленками’, *rattle can* (букв. ‘шумная жестяная банка’) перен. разг. ‘шумный / балованный ребенок’; русск. *шило* перен. разг. ‘непоседливый ребенок’, *пружинка* перен. разг. ‘непоседливый ребенок’; укр. *кіндер сюрприз* перен. разг. ‘ребенок’.

Интересным является тот факт, что во всех сопоставляемых языках ребенок метафорически сравнивается с куклой. Привлечение универсального образа куклы для наименования ребенка обусловлено, с одной стороны, красотой игрушки, с которой сравнивается ребенок, а с другой стороны, это один из первых предметов, с которым ребенок сталкивается в своей жизни, ср.: англ. *muppet* (букв. ‘кукла’), *poopsie* (букв. ‘пуписик’) *poppet* (букв. ‘кукла; марионетка’); нем. *Puppe* (букв. ‘кукла’), русск. *куколка* перен. разг. ‘дочь’; укр. *пупс*.

Следует также отметить, что в немецком и английском языках для наименования родителей используется схожий метафорический образ – ископаемые (нем. *Fossilien*, англ. *fossil*). Остатки животных / растительных организмов, сохранившиеся в земной коре с

древних времен, метафорически ассоциируются в языковом сознании детей с отсталостью и архаичностью взглядов их родителей, мешающих взаимопониманию с ними.

3.2. Зоонимный тип СЛЕ «родители», «ребенок / дети». Данный тип метафор построен на переносе свойств животного на родителей или детей [Driven, Pörings, 2003: 327]. Зооморфная метафора преобладает при номинации детей в каждом языке (англ. – 18 ед.; нем. – 11 ед.; русск. – 9 ед.; укр. – 11 ед.). Добавим, что среди СЛЕ «ребенок / дети» большинство производных обладают сниженной стилистической окраской (фамильярно, иронично). Дети – подвижны, часто непослушны, они отличаются от взрослых по росту, телосложению, умственному развитию и др. В силу этих свойств взрослые часто именуют детей разными зоонимными прозвищами, приписывая им характерные свойства отдельных животных и птиц (нечистоплотность, малый размер, подвижность и др.), ср.: англ. *rug rat* (букв. ‘ковровая крыса’) ирон. ‘ребенок’, нем. *Dreckspatz* (букв. ‘грязный воробей’) ирон. ‘ребенок, который постоянно грязный’, русск. *клопик* перен. разг. ‘ребенок’, укр. *поросятко* перен. разг. ‘ребенок’.

С другой стороны, обнаружены ласкательные СЛЕ, с помощью которых взрослые выражают свою любовь, симпатию, заботу и ласку к детям (англ. – 5 ед.; нем. – 3 ед.; русск. – 9 ед.; укр. – 11 ед.), ср.: англ. *chickabiddy* (букв. ‘птенчик, цыплёночек’) ласк. ‘ребёнок’, нем. *Nesthäkchen* (‘неоперившийся птенец, сидящий в гнезде’) ласк. ‘последний избалованный (изнеженный) ребёнок в семье’; русск. *совёнок* ласк. ‘ребёнок’, *пиявочка* ласк. ‘ребёнок’; укр. *кицюню* ласк. ‘ребёнок’, *хом'ячок* ласк. ‘ребёнок’.

Добавим, что в русском и украинском языках зоонимы с уменьшительно-ласкательными и эмоционально-окрашенными суффиксами значительно преобладают над аналогичными образованиями в германских языках (русск. – 9 ед.; укр. – 11 ед.; англ. – 1 ед.; нем. – 1 ед.).

3.3. Растительный тип СЛЕ «родители», «ребенок / дети». Данный тип метафорического переноса более продуктивен в английском языке по сравнению с остальными сопоставляемыми языками (англ. – 18 ед.; нем. – 11 ед.; русск. – 9 ед.; укр. – 11 ед.). В английском, немецком и русском языках отмечены схожие растительные образы, используемые для номинации ребенка, а именно: семя и отросток как символы продолжения рода, своих родителей, ср.: англ. *seed* (букв. ‘семя’) перен. разг. ‘ребенок / потомок’, *sprout* (букв. ‘побег / росток / корешок / черенок / отросток’) перен. разг. ‘ребенок, потомок’; нем. *Senker* (букв. ‘отводок / отсадок / черенок’) перен.

разг. 'ребенок, потомок', *Ableger* (букв. 'саженец') перен. разг. 'ребенок, потомок'; русск. *первоцвет* перен. разг. 'ребенок, потомок', *отросток* перен. разг. 'ребенок, потомок'.

В украинском языке для номинации родителей используется образ корней дерева (укр. *корні*), питающих все растение, благодаря чему дерево вырастает большим и красивым. Аналогично и ребенок, получающий должную поддержку и заботу своих родителей, вырастает полноценной, гармоничной и счастливой личностью.

3.4. Социальный тип СЛЕ «родители», «ребенок / дети». Данный тип метафор обладает сравнительно высокой продуктивностью лишь в немецком и русском языках (нем. – 28 ед.; русск. – 12 ед.; англ. – 4 ед.; укр. – 5 ед.). Родители воспринимаются обычно детьми как источник материальных и финансовых благ, которые способны наделять или, наоборот, лишать их своих чад. Поэтому они, подобно государственным структурам, обладающим силой и властью, распоряжаются материальными и денежными ресурсами по своему усмотрению, ср.: англ. *law* (букв. 'закон (регулирующий, предписывающий акт)' перен. разг. 'родители', *warden* (букв. 'смотритель / хранитель') перен. разг. 'отец'; нем. *Behörde* (букв. 'орган власти, власть, учреждение, ведомство') перен. разг. 'родители', *Gewalt* (букв. 'власть, сила') перен. разг. 'мать'; русск. *начальство* перен. разг. 'родители', *босс* перен. разг. 'отец'; укр. *батий* перен. разг. 'отец'.

С другой стороны, от родителей зависит удовлетворение значительной части потребностей детей, в том числе материально-бытовых, что в подростковом возрасте имеет особое значение, так как в этот период их статус и авторитет среди сверстников во многом определяется наличием или отсутствием престижных вещей, одежды, техники и т. п., ср.: русск. *спонсоры* перен. разг. 'родители', укр. *спонсори* перен. разг. 'родители'; англ. *rents* (букв. 'арендная плата') перен. разг. 'родители', *rentals* (букв. 'сумма арендной платы') перен. разг. 'родители'; нем. *Sponsoren* (букв. 'спонсоры') перен. разг. 'родители', *Finanziers* (букв. 'финансисты') перен. разг. 'родители', *Herdmanagerin* (букв. 'печной менеджер') перен. разг. 'мать'.

В сопоставляемых языках ребенок метафорически наделяется высшим аристократическим титулом. С рождением ребенка жизнь родителей обычно кардинально меняется, так как с этого периода приоритетным для них становится удовлетворение желаний и потребностей их чада, ср.: англ. *prince* (букв. 'принц') ирон. 'сын', *princess* (букв. 'принцесса') ирон. 'дочь'; нем. *Kronprinz* (букв. 'наследный принц, кронпринц') ирон. 'старший сын', *Prinz* (букв. 'принц') ирон. 'сын'; русск. *принц* ирон. 'сын', *принцесса* ирон. 'дочь'; укр. *принц* перен. разг. 'сын', *принцеса* ирон. 'дочь'.

3.5. Мифонимный тип СЛЕ «родители», «ребенок / дети». Данный тип метафорического переноса в сопоставляемых языках является малопродуктивным как среди СЛЕ «ребенок / дети» (англ. – 1 ед.; нем. – 2 ед.; русск. – 5 ед.; укр. – 1 ед.), так и среди СЛЕ «родители» (нем. – 2 ед.; русск. – 1 ед.). Во всех сопоставляемых языках детей сравнивают с мифологическими существами, героями сказок, фильмов и комиксов, ср.: англ. *dickens* (букв. ‘дьявол, чёрт’) перен. разг. ‘ребенок’, *elf* (букв. ‘эльф’) перен. разг. ‘ребенок / малютка’; нем. *Terminatörchen* (букв. ‘маленький терминатор’) перен. разг. ‘озорной ребенок’; *Pfützenpirat* (букв. ‘лужный пират’) перен. разг. ‘маленький ребенок’, русск. *гномик* перен. разг. ‘ребенок’, *фунтик* перен. разг. ‘ребенок’; укр. *телепузик* перен. разг. ‘ребенок’.

Как известно, дети безгрешны, невинны в своих мыслях и действиях. Поэтому в сопоставляемых языках для номинации ребенка используется сходный мифонимный образ – ангел, ср.: англ. *little angel* (букв. ‘ангелочек’), нем. *Engel / Engelchen*, русск. *ангелочек*, укр. *янголятко*.

Для номинации родителей в немецком и русском языках используются также мифонимы с негативной оценкой (нем. *Mumie* (букв. ‘мумия’) перен. разг. ‘родители’), которые подобно выше рассмотренным СЛЕ артефактного типа, выражают идею архаичных взглядов родителей, воспринимаемых детьми как нечто старое, изжитое, утратившее свое актуальность.

Негативный метафорический образ используется в немецком и русском языках для номинации ворчливых и вечно недовольных родителей, ср.: *Quälgeister* (букв. ‘мучающие духи’) перен. разг. ‘родители’, русск. *яга* (‘персонаж славянской мифологии и фольклора – уродливая старуха, владеющая волшебными предметами и наделённая магической силой’) груб. ‘мать’.

Следует добавить, что лексема в единственном числе (*Quälgeist*) используется в немецком разговорном языке также для наименования невоспитанного ребенка.

4. Типы метонимических переносов наименований родителей и детей

В английском, немецком, русском и украинском субстандартных языках выявлены метонимические наименования родителей и детей (см. ниже 4.1.–4.4.):

4.1. Каузальный тип метонимического переноса в сопоставляемых языках является одним из наиболее многочисленных среди СЛЕ, номинирующих «ребенка, детей» (англ. – 20 ед.; нем. – 12 ед.; русск. – 11 ед.; укр. – 8 ед.) и слабо развитым среди СЛЕ «родители», обнаруженных лишь в германских языках (англ. – 1 ед.; нем. – 10 ед.). В данном типе метонимий выделяются следующие виды переноса:

4.1.1. «Действие → ребенок / родитель как субъект, выполняющий это действие»: англ. (*to bite one's ankles* 'кусать лодыжки' →) *ankle-biter* (букв. 'тот, кто кусает лодыжки') перен. разг. 'ребенок', (*to bite one's legs* 'кусать ноги' →) *leg-biter* (букв. 'тот, кто кусает ноги') перен. разг. 'ребенок'; нем. (*Knie beißen* 'кусать колено' →) *Kniebeißer* (букв. 'тот, кто кусает колено') перен. разг. 'ребенок', (*Pampers tragen* 'носить памперсы' →) *Pampersträger* (букв. 'тот, кто носит памперсы') перен. разг. 'ребенок'; русск. (*пицать* →) *пицалкин* перен. разг. 'ребенок', (*хныкать* →) *хныклик* перен. разг. 'ребенок'; укр. (*грызть спину* →) *спиногряз* перен. разг. 'ребенок', (*какать* →) *какалка* перен. разг. 'ребенок'.

Отметим, что только в английском и немецком языках зафиксированы СЛЕ 'родители', образованные по рассматриваемому типу метонимического переноса, ср.: англ. (*rely* 'надеяться / доверять' →) *relies* (букв. 'надеющиеся') перен. разг. 'родители'; нем. (*gebären* 'рожать' →) *Gebärfrau* (букв. 'женщина, которая рождает') перен. разг. 'мать', (*herstellen* 'производить' →) *Hersteller* (букв. 'производитель') перен. разг. 'отец'.

4.1.2. «Действие → ребенок как результат этого действия», ср.: англ. *afterthought* (букв. 'запоздалая мысль / запоздалое раздумье') 'незапланированный ребенок', *crack baby* (букв. 'крэковый ребенок') 'ребенок, рожденный с зависимостью к курительному кокаину в результате употребления наркотика матерью в период беременности'; русск. *найденный* (букв. 'тот, которого нашли') пренебр. 'незаконнорожденный ребенок'; укр. *нагулянець* (букв. 'тот, которого нагуляли') пренебр. 'незаконнорожденный ребенок'.

4.2. Атрибутивный тип метонимического переноса реализуется по модели «отличительная черта / качество / свойства человека → наименование родителей / детей по этому признаку» [Удинська, 2004]. Данный тип метонимий является самым продуктивным среди германских СЛЕ «родители» (англ. – 14 ед.; нем. – 13 ед.), ср.: англ. *old girl* (букв. 'старая девочка') перен. разг. 'мать', *olds* (букв. 'старички') перен. разг. 'родители'; нем. *Alte* (букв. 'старая / старуха') перен. разг. 'мать'; русск. *древние* перен. разг. 'родители', *старушка* перен. разг. 'мать'; укр. *старики* перен. разг. 'родители', *старий* перен. разг. 'отец'.

4.3. Партитивный (синекдохический) тип метонимии распадается на два подтипа:

4.3.1. Соматический подтип метонимии «орган человека → наименование родителей / детей по этому органу», ср.: англ. *taw* (букв. 'утроба / матка') перен. разг. 'мать', *snotnose* (букв. 'сопливый нос') перен. разг. 'ребенок'; нем. *Grünschnabel* (букв. 'зеленый клюв / рот') перен. разг. 'ребенок', *Rotznase* (букв. 'сопливый нос') перен. разг. 'ребенок'; русск. *череп* перен. разг. 'отец', *кости* перен. разг. 'родители'; укр. *зубастик* перен. разг. 'ребенок', *щічки* перен. разг. 'ребенок'.

4.3.2. «Одежда / атрибут одежды → наименование родителей / детей по данному атрибуту одежды». Рассматриваемый тип метонимического переноса зафиксирован лишь в славянских СЛЕ со значением ‘родители’ и является немногочисленным (русск. – 4 ед.; укр. – 1 ед.), напротив, лишь в германских языках этот подтип реализуется у СЛЕ со значением ‘ребенок / дети’ (по 2 ед. в немецком и английском языках), ср.: *jacket* (букв. ‘куртка’) перен. разг. ‘ребенок’; нем. *Jammerlappen* (букв. ‘тряпка, платок для вытирания слез’) перен. разг. ‘ребенок’, *Wickelkind* (букв. ‘перепеленатый ребенок’) перен. разг. ‘грудничок’; русск. *пеленашка* перен. разг. ‘ребенок’, *шнурки* перен. разг. ‘родители’.

В русском и украинском языках для наименования отца обнаружены СЛЕ со схожим метонимическим образом: русск. *ботинок*, укр. *ботинок / ботінок*.

В английском языке зафиксирована «идеологически окрашенная» СЛЕ [Adams, 2016]: метонимическая номинация ребенка опосредованно передается цветом пеленок, отражающим политические взгляды его родителей: *red diaper baby* (букв. ‘ребенок в красных пеленках’) перен. разг. ‘ребенок родителей, которые были членами Коммунистической партии Соединенных Штатов или были близки к партии или сочувствовали ее целям’.

4.4. Локальный тип «место → наименование родителей / детей», ср.: англ. *phone booth baby* (букв. ‘ребенок телефонной будки’) груб. ‘незаконнорожденный ребенок’, *navy brat* ‘ребенок, родители которого служат на военно-морском флоте’; нем. *Homes* (от англ. *home* ‘дом’) перен. разг. ‘родители’, *Vauchbewohner* (букв. ‘обитатель живота’) перен. разг. ‘ребенок’; русск. *подпечник* (букв. ‘тот, которого зачали под печью’) ‘внебрачный ребенок’, *подкрылечник* (букв. ‘тот, которого зачали под крыльцом’) ‘внебрачный ребенок’; укр. *бенькарт* (от нем. устар. *Bankert* ‘твердая лавка’; т. е. ‘зачатый на твердой лавке’) ‘внебрачный ребенок’, *неправого ложа* эвфем. ‘незаконнорожденный ребенок’.

В английском субстандартном языке отмечены лексемы комбинированного переноса, а именно: локально-зоонимного типа, сочетающего, с одной стороны, перенос на базе сравнения детеныша и животного, а с другой, перенос с места на человека, ср.: *grass colt* (букв. ‘жеребенок, который был зачат или рожден в траве’) груб. ‘незаконнорожденный ребенок’, *field colt* (букв. ‘жеребенок, который был зачат или рожден в поле’) груб. ‘незаконнорожденный ребенок’.

Примерами комбинированного (локально-соматического) типа переноса, который сочетает в себе, с одной стороны, перенос с места на ребенка, а с другой стороны – перенос с органа человека на ребенка, являются русские СЛЕ *грудничок* (букв. ‘тот, кто

находится у груди') перен. разг. 'ребенок' и *грудняк* (букв. 'тот, кто находится у груди') перен. разг. 'ребенок'.

5. Оценочная коннотация СЛЕ «родители», «ребенок / дети»

Особый интерес вызывает изучение субстандартных лексем «родители», «ребенок / дети» с точки зрения их оценочной коннотации.

5.1. Оценочная коннотация СЛЕ «ребенок / дети» может быть связана с **поведением ребенка**, с такими его свойствами как непослушание, озорство / проделки / баловство и т. п., которые вызывают негативную реакцию и оценку у родителей и взрослых. Такое поведение детей часто мешает окружающим, нарушает порядок, а иногда наносит вред как им самим, так и посторонним людям, ср.:

(1) англ. *I know that I was a holy terror when I was young, so I guess it's fitting that my own kids give me so much trouble* [Farlex Dictionary of Idioms, 2015] 'Я знаю, что подростком я был непослушным ребенком, поэтому я думаю, это справедливо, что мои собственные дети доставляют мне так много хлопот';

(2) нем. *Ich bin nämlich wie immer sehr müde und unser kleiner Dreckspatz schläft schon lange* [Brief von Irene G. an Ernst G. vom 24.03.1942, Feldpost-Archive mkb-fp-85/5000] 'Как всегда, я очень устала, а наш маленький грязнуля уже давно спит';

(3) русск. *В помощь им она стала думать о матери. В первый раз в жизни, готовясь заночевать у чужих, она измерила глубину своей привязанности к этому дорогому, драгоценнейшему в мире существу. Вдруг она услышала за портьерой хохот Лизы. «У, егоза, пострел тебя...», кашляя, колыхала бабушка. Женя поразилась, как могла она раньше думать, что любит девочку, смех которой раздается рядом и так далек, так не нужен ей* [Б. Л. Пастернак. Детство Люверс (1918)];

(4) укр. *Чого лізеш?! – кричали. – Всі бурачки повіривала! О, глянь, вже й моркви нема. От, мала зараза! Геть звідси! – шипіли, як зміюки* [Олена Павлюк, Волинська область. За матеріалами видання «Вісник»].

Ср. другие СЛЕ с отрицательной оценочной коннотацией:

англ. *nose picker* (букв. 'соплесборщик') груб. 'непослушный ребёнок', *holy terror* (букв. 'святой террор / ужас' – оксюморон) груб. 'непослушный ребёнок';

нем. *Satansbraten* (букв. 'жаркое сатаны') груб. 'непослушный ребёнок', *Dreckspatz* (букв. 'грязный воробей') груб. 'ребёнок, который всегда приходит домой грязный или устраивает беспорядок / грязнуля';

русск. *егоза* перен. разг. 'непослушный ребёнок', *круть-верть* перен. разг. 'непослушный ребёнок';

укр. *поганець* руг. ‘непослушный ребёнок’, *мала зараза* руг. ‘непослушный ребёнок’.

Оценочная коннотация СЛЕ «ребенок / дети» может быть также связана с **эмоционально-психическим состоянием ребенка** (плаксивость / капризность), ср.:

(5) англ. *Jennifer has been a terrible screamie-meemie all day long!* [Тузовский, 1993: 342] ‘В течение дня Дженнифер постоянно рыдала!’;

(6) русск. *А родные?.. – спросил Маремуха. – Они не пустят... – «Родные, родные!» Эх ты, нюня! Мамы испугался, да? А что, лучше будет, если из-под маминой юбки в тюрьму потащат? – закричал Куница* [В. П. Беляев. Старая крепость (1937-1940)].

Аналогичная коннотация наблюдается в следующих СЛЕ: англ. *cry baby* (букв. ‘плакса / плачущий ребёнок’) ‘ребенок, который клянчит у родителей деньги и вещи при помощи слез’; нем. *Schreier* (букв. ‘крикун’) ‘плачущий ребёнок’, *Tränensuse* ‘плаксивый ребёнок’; русск. *плаксун* ‘хнычущий / плачущий ребёнок’; укр. *плакса* ‘хнычущий / плачущий ребёнок’.

Негативное оценочное значение СЛЕ ‘ребенок’ может быть связано с его **происхождением** [Варламова, 2006]. Рождение добрачных и внебрачных детей осуждается общественной моралью, такие номинатемы содержат в словарях соответствующие стилистические пометы (груб., прен., ирон. и др.), ср.:

(7) англ. *Somerset House ... registers the illegits ... as carefully as the rest (1958)* [Ayto J., Simpson J., 1996: 112] ‘Сомерсет Хауз ... регистрирует незаконнорожденных ... так же тщательно, как и остальные (1958)’;

(8) нем. *Es war ihm ein großer Gedanke aufgestiegen, nämlich dieser: Es liegt alles in meiner Hand, eines Jungfernkindes, dem die Leute von Cassano ihren Spott und ihre Mißachtung zeigen* [Bergengruen, Werner: Der Grosstyrann und das Gericht, Zürich: Peter Schifferli 1949 [1935], S. 148] ‘Его осенило: Все в моих руках, руках незаконнорожденного ребенка, которому люди Кассано демонстрируют свое презрение и над которым издеваются’;

(9) русск. *В том же ошарашенном состоянии неверия своему телу она отправилась в консультацию. Николай сопровождал ее и сидел в коридоре, пока пожилая врач, похожая на мышь в очках, ощупывала ее живот, прослушивала стетоскопом с обеих сторон. Оксана уже начинала бояться, что там, внутри нее, что-то не так. Может быть, это и не ребенок вовсе, а выродок, чертов подкидыш от семени содеянного ею зла ... Почему-то вспомнилась лягушка, запрыгнувшая в могилу. Наконец «мышь» оторвалась от живота, помедлила, протерла очки: – Сейчас пройдет на ультразвук, нам нужно убедиться ...* [Жемойтедите, 2008: 39];

(10) укр. *Народила вона двох байстрюків бозна від кого, спилася та вдавилася!*

[Дашвар, 2016: 100].

Отрицательная коннотация у СЛЕ ‘незаконнорождённый ребенок’ часто создается посредством указания того места, где был зачат или родился ребенок, ср.: англ. прен. *bush child* (букв. ‘ребенок, который зачат или родился в кустах’), *doorstep child* (букв. ‘ребенок, который зачат или родился на пороге’); нем. *Beischlag* (букв. ‘терраса (вдоль фасада) / пристройка’), *Heckebangat* (от нем. *Heckenbastart* ‘бастард, зачатый у живой изгороди’); русск. *заугольник* (букв. ‘ребенок, который зачат или родился за углом’), *подкустарник* (букв. ‘ребенок, который зачат или родился в кустах’); укр. *кропивник* (букв. ‘ребенок, который зачат или родился в крапиве’), *десь там зроблений* (букв. ‘где-то там сделанный’).

Отрицательной коннотацией также обладают СЛЕ, которые прямо указывают на незапланированную беременность, либо косвенно – на неблагоприятное, аморальное поведение матери, ср.:

(11) англ. *Our youngest was an afterthought* [Kipfer В.А., Chapman R.L., 2007: 47] ‘Наш младший был незапланированным ребенком (букв. ‘запоздалой мыслью / раздумьем’)’;

Ср. другие аналогичные СЛЕ: русск. *внепапочный* пренебр. ‘ребёнок от неизвестного отца’; укр. *нагулянець* груб. ‘незаконнорождённый ребёнок’.

Добавим, что в славянских языках существует представление о внебрачном ребенке как о ребенке-найденныше: русск. *найденныш* ‘незаконнорождённый ребёнок’, укр. *найдух* ‘незаконнорождённый ребёнок’.

5.2. Оценочная коннотация СЛЕ «родители» связана:

а) с контролирующей функцией родителей, их доминированием над детьми, ср.: англ. *law* (букв. ‘закон (регулирующий, предписывающий акт’) перен. разг. ‘родители’, *warden* (букв. ‘смотритель / хранитель’) перен. разг. ‘отец’; нем. *Regierung* (букв. ‘правительство’), *Macht* (букв. ‘сила’); русск. *хан* перен. разг. ‘отец’, *надзор* перен. разг. ‘родители’; укр. *босс* перен. разг. ‘отец’;

б) с функцией материального обеспечения детей, ср.:

(12) *O, My wallet won't send me another penny this semester. Why don't you tell your wallet you are starving?* [Тузовский, 1993: 495] ‘О, мой отец (букв. ‘мой кошелек’) не отправит мне ни копейки в этом семестре. Почему бы тебе не сказать своему отцу (букв. ‘кошельку’), что ты голодаешь?’

Ср. аналогичные СЛЕ: англ. *relieving officer* (букв. ‘попечитель, ведающий оказанием помощи бедным (в приходе, районе)’) перен. разг. ‘родители’, *wallet* (букв.

‘бумажник / кошелек’) перен. разг. ‘отец’; нем. *Ernährer* (букв. ‘кормилец’) перен. разг. ‘отец’, *Geldgeber* (букв. ‘тот, кто дает деньги’) перен. разг. ‘отец’;

в) с функцией воспроизводства / продолжения рода, ср.:

(13) *Um sich frühzeitig zu rüsten, sollten Mitglieder der Erzeugerfraktion (Eltern) mit Bonsaikeimlingen (Kleinkindern) erst mal Langenscheidts soeben erschienenen Werk Jugendsprache anschaffen??* [Die Zeit, 25.10.2007, Nr. 44] ‘Чтобы подготовиться заранее, члены группы производителей (родители) с саженцами бонсай (малолетними детьми) должны сначала приобрести недавно опубликованную книгу «Молодежный язык» издательства Лангеншайдт??’.

Аналогичную функцию выражают следующие СЛЕ: англ. *buttonhole maker* (букв. ‘тот, кто делает петли’) перен. разг. ‘отец, у которого рождаются одни лишь дочери’; нем. *Produzent* (букв. ‘производитель’) перен. разг. ‘отец’; русск. *генофонд* перен. разг. ‘родители’;

г) с поведением родителей, ср.: нем. *Glucke* перен. разг. ‘мать, которая сильно печется о своих детях’, *Keiler* перен. разг. ‘отец, который бьет своих детей’; русск. *конь* перен. разг. ‘отец’, *кукушка* перен. разг. ‘мать, которая не заботится о своих детях или оставила их на попечение других людей’; укр. *квочка* перен. разг. ‘мать, которая сильно печется о своих детях’.

6. Выводы

Сопоставительный анализ субстандартных наименований родителей / детей в английском, немецком, русском и украинском языках позволяет сделать следующие выводы:

6.1. Субстандартные лексические единицы, номинирующие родителей и детей, охватывают в сопоставляемых языках как лексемы с обобщенным значением («родители», «дети»), так и с конкретным («отец», «мать»; «ребенок», «сын», «дочь»).

6.2. В английском и немецком языках, по сравнению с русским и украинским, зафиксировано больше СЛЕ со значениями «родители», «ребенок / дети».

6.3. Среди СЛЕ, номинирующих детей, наиболее продуктивными в сопоставляемых языках являются СЛЕ со значениями ‘ребенок’, ‘дети’, а наименее продуктивными – СЛЕ со значением ‘дочь’.

6.4. Среди СЛЕ, номинирующих родителей, наиболее многочисленными в немецком, русском и украинском языках являются СЛЕ со значением ‘отец’, а в английском – ‘мать’. Низкую продуктивность в германских языках обнаруживают СЛЕ со значением «родители», а в славянских – «мать».

6.5. В сопоставляемых субстандартных языках СЛЕ образуются в целом по единым типам метафорического и метонимического переноса.

6.6. В германских и славянских языках у СЛЕ выявлено 5 типов метафорического переноса. Самыми продуктивными во всех языках являются три типа метафорических переносов СЛЕ: а) артефактный; б) зоонимный; в) социальный.

6.7. У СЛЕ сопоставляемых языков обнаружено 5 типов метонимического переноса. Самыми многочисленными являются каузальный и атрибутивный типы. Низкую продуктивность проявляют соматический тип переноса, а также метонимический тип «одежда / атрибут одежды → наименование родителей / детей».

6.8. Субстандартные СЛЕ, номинирующие детей, ребенка, родителей, обладают яркой образностью, экспрессивностью и оценочным значением. Как правило, негативную коннотацию с оттенками шутливости и ироничности в английском, немецком, русском и украинском субстандартных языках имеют СЛЕ, обозначающие родителей и отображающие их основные функции в семье (контроль, власть, материальное обеспечение), а также свойства их характера (суетливость, вспыльчивость, архаичность взглядов и др.). Негативное оценочное значение отмечено у СЛЕ, называющих внебрачных детей, а также обозначающих их физические данные и поведение (баловство, капризность и др.). Положительной коннотацией обладают СЛЕ «ребенок / дети», которые образованы по модели зооморфной метафоры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Блэк М. Метафора // Теория метафоры; пер. с англ. М.: Прогресс, 1990. С. 153-172.
2. Басыров Ш. Р. Номинация муж / жена, возлюбленный / возлюбленная в немецком, английском и украинском языках // Филологические чтения. 2012. С. 35-38.
3. Близнюк О. В. Семантическое описание терминов кровного родства с помощью методов компонентного и семантического анализа // Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2005. Вып. 2. С. 60-64.
4. Варламова М. Ю. Отражение русской культуры в наименованиях лица с общим значением оценки // Лингвострановедческий аспект преподавания иностранных языков. Казань: ТГГПУ, 2006. Вып. 6. С. 27-36.
5. Дзибель Г. В. Феномен родства // Алгебра родства. СПб.: МАЭ РАН, 2001. Вып. 6. 469 с.
6. Лютянская М. М. Метафорическое представление концепта "WIFE" // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 9. 2009. Вып. 2. Ч. II. С. 140-145.
7. Удинська А. Г. Метонімія і синекдоха на позначення людини (на матеріалі англійської та української мов) // Типологія мовних значень у діахронічному та зіставному аспектах. Донецьк: ДонНУ, 2004. Вип. 10. С. 42-56.
8. Adams V. An Introduction to Modern English Word-formation. Routledge, 2016. 240 p.
9. Driven R., Pörings R. Metaphor and metonymy in comparison and contrast. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 2003. 605 p.
10. Kaliuščenko V. D. Die Nominationstypologie eines Begriffs // Semantik und Pragmatik im Spannungsfeld der germanistischen und kontrastiven Linguistik. Frankfurt/M. u.a.:

Peter Lang, 2013. S. 13-18 (Donezk Studien zur Germanistik, kontrastiven und diachronen Linguistik; Bd. 1.).

11. Nikolayeva Larysa. Typology of Kinship Terms. Frankfurt/M. u.a.: Peter Lang, 2014. 227 p. (Donezk Studien zur Germanistik, kontrastiven und diachronen Linguistik; Bd. 2.).

12. Ortner H., Ortner L., Müller-Bollhagen E. Substantivkomposita (Komposita und kompositionsähnliche Strukturen). Berlin: de Gruyter, 1991. 863 S. (Sprache der Gegenwart 79; Deutsche Wortbildung: Typen und Tendenzen in der Gegenwartssprache 4).

СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

1. Тузовский Е. И. Англо-русский словарь американского сленга. Москва: Книжный сад, 1993. 544 с.

2. Ayto John, Simpson John. The Oxford Dictionary of Modern Slang. Oxford: Oxford UP, 1996. 299 p.

3. Farlex Dictionary of Idioms. 2015. Доступ: <https://idioms.thefreedictionary.com/a+holy+terror>. (дата обращения: 10.09.2018).

4. Kipfer B. A., Chapman R. L. Dictionary of American slang. Harper Collins, 2007. 1114 p.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

1. Дашвар Л. Село не люди. Харків: Книжковий клуб «Клуб сімейного дозвілля», 2016. 272 с.

2. Жемойтелите Я. Аисты: рассказ // Дон. 2008. № 6. С. 31-46.

3. Die Zeit. 25.10.2007. Nr. 44 Доступ: <https://www.zeit.de/2007/44/Spielen-Logelei-44> (дата обращения: 3.10.2018).

REFERENCES

1. Black, M. (1990). Metafora [Metaphors]. In *Teoriya metafory: per. s angl.* Moskva: Progress. Pp. 153-172. (In Russ.).

2. Basyrov, Sh. R. (2012). Nominatsiya muzh / zheny, vozlyublennyy / vozlyublennaya v nemetskom, angliyskom i ukrainskom yazykakh [Nomination husband / wife, beloved / beloved in German, English and Ukrainian languages]. In *Filologicheskie chteniya*. 2012. Pp. 35-38. (In Russ.).

3. Bliznyuk, O. V. (2005). Semanticheskoe opisanie terminov krovnogo rodstva s pomoshchyu metodov komponentnogo i semanticheskogo analiza [Semantic description of terms of blood relationship with the help of methods of component and semantic analysis]. In *Inostrannyye yazyki: lingvisticheskie i metodicheskie aspekty*. Tver: Tver. state. university. Vyp. 2. Pp. 60-64. (In Russ.).

4. Varlamova, M. Yu. (2006). Otrazhenie russkoy kultury v naimenovaniyakh lits s obshchim znacheniem otsenki [Reflection of Russian Culture in names of a person with a general value of evaluation]. In *Lingvostranovedcheskiy aspekt prepodavaniya inostrannykh yazykov* Kazan: TGGPU. Vyp. 6. Pp. 27-36. (In Russ.).

5. Dzibel, G. V. (2001). Fenomen rodstva [Phenomenon of kinship]. In *Algebra rodstva* SPb.: MAE RAN. Vyp. 6. (In Russ.).

6. Lutyanskaya, M. M. (2009). Metaforicheskoe predstavlenie kontsepta «WIFE» [Metaphorical representation of the concept «WIFE»]. In *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*. Ser. 9. Vyp. 2. Ch. II. Pp. 140-145. (In Russ.).

7. Udynska, A. G. (2004). Metonimiya i synekdocha na poznachennyya lyudyny (na materialy angliyskoyi ta ukrayinskoyi mov) [Metonymy and synecdoche on the sign of a person (in English and Ukrainian languages)]. In *Tipologiya movnykh znachen u diakhronichnomu ta zistavnomu aspektakh*. Donetsk: DonNU. Vyp. 10. Pp. 42-56. (In Ukr.).

8. Adams, V. (2016). *An Introduction to Modern English Word-formation*. Routledge.

9. Driven R., Pörings R. (Eds.) (2003). *Metaphor and metonymy in comparison and contrast*. Berlin, New York: Mouton de Gruyter.
10. Kaliuščenko, V. D. (2013). Die Nominationstypologie eines Begriffs. In *Semantik und Pragmatik im Spannungsfeld der germanistischen und kontrastiven Linguistik*. Frankfurt/M. u.a.: Peter Lang. S. 13-18. (Donezk Studien zur Germanistik, kontrastiven und diachronen Linguistik; Bd. 1.).
11. Nikolayeva, Larysa (2014). *Typology of Kinship Terms*. Frankfurt/M. u.a.: Peter Lang. (Donezk Studien zur Germanistik, kontrastiven und diachronen Linguistik; Bd. 2.).
12. Ortner, H., Ortner, L., Müller-Bollhagen, E. (1991). *Substantivkomposita (Komposita und kompositionsähnliche Strukturen)*. Berlin: de Gruyter. (Sprache der Gegenwart 79; Deutsche Wortbildung: Typen und Tendenzen in der Gegenwartssprache 4).

LEXICOGRAPHICAL SOURCES

1. Tuzovskiy, E. I. (1993). *Anglo-russkiy slovar amerikanskogo slenga* [English Russian dictionary of American slang]. Moskva: Knizhnyy sad. (In Russ.).
2. Ayto John, Simpson John. (1996). *The Oxford Dictionary of Modern Slang*. Oxford: Oxford UP.
3. *Farlex Dictionary of Idioms*. 2015. Available at: <https://idioms.thefreedictionary.com/a+holy+terror>. (accesse: 10.09.2018).
4. Kipfer, B. A., Chapman, R. L. (2007). *Dictionary of American slang*. Harper Collins.

SOURCES OF ILLUSTRATIVE MATERIAL

1. Dashvar, L. (2008). *Selo ne lyudi* [Village isn't people]. Kharkiv: Knizhkovyy klub «Klub simeynoho dozvillya». (In Ukr.).
2. Zhemoytelite, Ya. (2008). Aisty: rasskaz [Storks: story]. In *Don*. No. 6. Pp. 31-46. (In Russ.).
3. Die Zeit. 25.10.2007. Nr. 44. Available at: <https://www.zeit.de/2007/44/Spielen-Logelei-44>. (accesse: 03.10.2018).

Петрищева Елена Игоревна – аспирант
кафедры германской филологии
(e-mail: petrischewa-elen@mail.ru),
Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Донецкий национальный университет»
283001, Донецк, Университетская, 24

Petrishcheva Elena I. – Postgraduate Student of
Germanic Philology Department
(e-mail: petrischewa-elen@mail.ru),
State Educational Institution of Higher
Professional Education is «Donetsk National
University»
24 Universitetskaya, Donetsk, 283001

Поступила в редакцию 29 октября 2018 г.

УДК 81'367.625: 81-115: (811.112.2+81.161.1)

© 2018 В. В. Писарева

ТИПЫ НЕОБРАТИМЫХ РЕФЛЕКСИВНЫХ ГЛАГОЛОВ В НЕМЕЦКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Статья посвящена исследованию семантики немецких и русских рефлексивных глаголов, образованных от нерефлексивных глаголов. Выявляются факторы, влияющие на семантику производного рефлексивного глагола, устанавливаются типы необратимых (несоотносительных) рефлексивов в сопоставляемых языках.

Ключевые слова: рефлексивный глагол, нерефлексивный глагол, обратимость, необратимость, комбинированная необратимость.

© 2018 V. V. Pisareva

TYPES OF NON-REVERSIBLE REFLEXIVE VERBS IN GERMAN AND RUSSIAN

The article concerns itself the study of semantics of reversible and non-reversible reflexive verbs in the German and Russian languages. The factors that influence the semantics of derivative reflexive verbs as well as the types of non-reversible (non-correlative) reflexive verbs in the languages under comparison have been established.

Key words: reflexive verb, non-reflexive verb, reversibility, non-reversibility, combined non-reversibility.

1. Вводные замечания. Категория рефлексивности занимает исключительное положение в системе глаголов каждого языка, так как характеризуется тесной связью с различными уровнями языка – морфологическим, словообразовательным, лексико-семантическим и синтаксическим, что представляет значительные трудности при изучении рефлексивных глаголов.

Настоящее исследование методологически опирается на работы ученых группы типологического изучения языков Ленинградского отделения Института языкознания АН СССР (сегодня Институт лингвистических исследований РАН в г. Санкт-Петербург), которые с конца 60-х годов XX века всесторонне изучали категорию рефлексивности и особенности ее выражения в языках различного строя в рамках универсальной типологической концепции диатез и залогов [Холодович, 1979; Храковский, 1981; Генюшене, 1981, 1983].

Объектом исследования являются рефлексивные глаголы (далее – РГ) и их производящие нерефлексивные глаголы (далее – НГ) в немецком и русском языках, а **предметом** – структура, семантика и функционирование данных НГ и РГ в названных языках.

Материалом исследования послужила сплошная выборка РГ и производящих НГ, а также их конструкций, полученная из толковых и переводных словарей [Бабенко, 1999;

Ефремова, 2000; ССРЛЯ, 1950-1965; Duden; DWDS; Helbig, Schenkel, 1980] и насчитывающая свыше 650 единиц в немецком языке и 750 в русском языке. За единицу семантического и количественного анализа в работе взят РГ и его НГ в одном из их значений.

Во многих исследованиях, посвященных РГ, классификация данных глаголов осуществляется в соответствии с деривационным подходом. Согласно данному подходу, РГ рассматриваются как производные единицы от НГ и распределяются по классам и группам по значению, которое устанавливается при сопоставлении конструкции РГ с семантически соотносительной конструкцией, включающей в себя производящий НГ [Недялков, 1981, 1985; Генюшене, 1981, 1983; Басыров, 1988, 2014].

В настоящей статье рассматриваются те РГ немецкого и русского языков, которые содержат в своей структуре рефлексивный элемент (далее РЭ) (в немецком языке *sich* (Акк.), в русском – постфикс *-ся*), маркирующий полную (см. (1)) или частичную однореферентность субъекта и объекта действия (см. (2)):

(1) рус. а. Мать *моет* ребенка → б. Мать *моется*, т. е. ‘моет себя’, аналогично: нем. а. Die Mutter *wäscht* das Kind → б. Die Mutter *wäscht sich*;

(2) рус. а. Она *расчесала свои* волосы → б. Она *расчесалась* (разг.), т. е. ‘расчесала себе волосы’; аналогично: нем. а. Sie *kämmt ihr Haar* → б. Sie *kämmt sich*.

Русские и немецкие РГ типа (1б) и (2б), соотносимые по смыслу с их производящими НГ (см. (1а) и (2а)) и образующие с ними смысловые оппозиции, именуется *обратимыми* (или соотносительными) РГ [Генюшене, 1975: 122].

Напротив, РГ, имеющие формально НГ, но не соотносящиеся с ними по смыслу, называется *необратимыми* (или несоотносительными) рефлексивами. Иными словами, необратимые РГ невозможно вывести из значения их производящего слова (основы) и значения РЭ, ср. следующие несоотносительные пары НГ и РГ:

(3) рус. *нести* ‘взяв, подняв, нагрузив на себя, перемещать вместе с собой куда-нибудь кого-л., что-л. (например, чемодан, ребёнка)’ → *нести́сь* ‘быстро перемещаться, двигаться вперед с большой скоростью’;

(4) нем. *j-n, etw. hüten* <j-n, etw. bewachen> ‘охранять кого-л., что-л.’ (например, детей, двери) → *sich vor j-m, etw. hüten* <sich vor j-m, etw. in acht nehmen> ‘остерегаться кого-л., чего-л.’ (например, неприятеля, простуды).

Цель работы заключается в выявлении типов необратимости РГ в русском и немецком языках.

2. Типы необратимых РГ. Необратимые РГ русского и немецкого языков распадаются на несколько типов (см. ниже 2.1-2.4).

2.1. Морфологический тип необратимых РГ. Под морфологически необратимыми рефлексивами, именуемыми также *reflexiva tantum*, понимаются РГ, не имеющие соотносимых формальных коррелятов, т.е. НГ, ср.:

(5) рус. *касаться* (≠ **касать*), *бояться* (≠ **боять*), *улыбаться* (≠ **улыбать*), *проснуться* (≠ **проснуть*); *силиться* (разг.) (≠ **силить*); *дичиться* (≠ **дичить*), *жеманиться* (разг.) (≠ **жеманить*), *петушиться* (≠ **петушить*), *повадиться* (≠ **повадить*), *пыжиться* разг. перен. (≠ **пыжить*), *упрямиться* (≠ **упрямить*), *храбриться* (≠ **храбрить*), *церемониться* (≠ **церемонить*);

(6) нем. *sich dekolletieren* ‘надевать декольтированное платье’ (≠ **dekolletieren*), *sich anhosen* ‘вырядиться, странно одеваться’ (≠ **anhosen*).

2.2. Синтаксический тип необратимых РГ. Синтаксическая необратимость сопровождается изменениями управления РГ и является случаем индивидуального, нерегулярного изменения валентностных свойств РГ [Geniušienė, 1987: 146]. Рефлексивная деривация НГ влечёт за собой изменение в синтаксическом окружении производного РГ, ср.:

(7) нем. а. *Ich habe ihn gerächt* ‘Я мстил ему’ → б. *Ich habe mich an ihm [für die Beleidigung] gerächt* ‘Я мстил ему [за оскорбление]’ (WW, 492);

(8) рус. а. *Россия в письме в WADA приняла выводы комиссии МОК, но не Макларена.* → б. *Они с жаром принялись за дело.*

Синтаксический тип необратимости наблюдается также в следующих парах НГ и РГ русского и немецкого языков:

(9) рус. *уберечь кого-л. от чего-л.* (например, детей от опасности) → *уберечься чего-л./от чего-л.* (например, опасности / от опасности); *запирать / замыкать что-л.* (например, комнату) → *запираться / замыкаться в чем-л.* (например, в комнате) (разг. сниж.); *прислонять что-л. к чему-л.* (например, спину к двери) → *прислоняться чем-л. к чему-л.* (например, спиной к двери); *прижимать что-л. к чему-л.* (например, спину к стене) → *прижиматься чем-л. к чему-л.* (например, спиной к стене); *запасать что, чего* → *запасаться чем-л., убирать что-л.* (например, комнату) → *убираться в чем-л.* (например, в комнате) (разг.); *признавать что-л.* → *признаваться в чем-л.*;

(10) нем. *etw. auf etw. auflegen* ‘положить что-л. на что-л. (например, руки на стол)’ → *sich mit etw. auf etw. auflegen* ‘облокотиться чем-л. на что-л. (например, руками на стол)’; *etw. [auf etw.] aufstützen* ‘опирать что-л. на что-л. (например, руки на стол)’ → *sich mit etw. [auf etw.] aufstützen* ‘опираться чем-л. на что-л. (например, руками на стол)’.

2.3. Лексический тип необратимых РГ. Лексически необратимые РГ имеют отличную от формальных коррелятов лексическую сочетаемость. НГ в позиции подлежащего может иметь только одушевленное существительное, а в РГ – только неодушевленное существительное, либо наоборот, ср.:

(11) нем. а. *Er öffnet die Tür* ‘Он открывает двери’ → б. *Die Tür öffnet sich* ‘Двери открываются’ [Нестерук, 2010: 393];

(12) нем. а. *Der Schuh scheuerte mir die Ferse* ‘Ботинок до крови натер мне пятку’ → б. *Ein Pferd scheuerte seinen Hals an einem Pfosten* ‘Лошадь потерлась шеей о столб’ (DWDS);

(13) рус. а. *Солнце светит ярко* → б. *Она вся светится от счастья* (Ожегов, 572).

Добавим, что отмечены также случаи лексической необратимости, когда в позиции субъекта-подлежащего в исходной нерефлексивной конструкции и в производной рефлексивной конструкции употребляются одушевленные имена, называющие, однако, человека и животное, ср.:

(14) рус. а. *Николка* только что *выпряг* лошадь, теперь сидит и отдыхает на крыльце → б. *Лошади* были словно бешеные – поминутно *выпрягались* (Ожегов, 188-189); аналогично: *расседлать* кого-л. (например, лошадь) (о человеке) → *расседлаться* (например, о лошади); *отвязать / отцеплять* кого-л. (например, собаку) → *отвязаться / отцепляться* (например, о собаке).

2.4. Семантический тип необратимых РГ. При семантической необратимости значение РГ нельзя пояснить через значение его исходного НГ. Здесь выделяются два подтипа.

2.4.1. *Полностью необратимые по смыслу* РГ, значение которых абсолютно не выводимо из семантики НГ и РЭ, ср.:

(15) нем. а. *Ich habe das Holz, Papier, Abfälle verbrannt* ‘Я сжег дрова, бумагу, мусор’ → б. *Ich habe mich [am Ofen] verbrannt* (WW-693) ‘Я обжегся (о печку)’.

В нерефлексивной конструкции (15а) и рефлексивной конструкции (15б) описываются разные денотативные ситуации, ср. словарные толкования данных глаголов: *etw. verbrennen* <etw. durch Feuer vernichten, beseitigen> ‘уничтожить, разрушить огнём’, т. е. ‘сжечь что-л.’ → *sich verbrennen* <sich durch große Hitze verletzen>, т. е. ‘обжечься’, т. е. ‘прикоснувшись к очень горячему предмету, получить ожог’. Значение РГ (15б) нельзя пояснить через значение исходного НГ (15а), т. к. мотивирующий глагол *etw. verbrennen* обозначает целенаправленное уничтожение предмета посредством огня, в то время, как производный РГ *sich verbrennen* обозначает ненамеренное причинение себе телесного повреждения.

Ср. другие полностью необратимые по смыслу немецкие НГ / РГ:

(16) нем. а. *Ich habe den Brief in Fetzen gerissen* ‘Я на клочки порвал письмо’ (т. е. уничтожил его посредством разрыва на отдельные части) → б. *Ich habe mich an einem Dorn/Nagel gerissen* (WW-505) ‘Я оцарапался о колючку / гвоздь’ (т. е. случайно нанес себе рану, прикоснувшись к колючке / гвоздю);

(17) нем. а. *Die Geologen haben in diesem Gebiet nach Gold geschürft* горн. ‘Геологи искали в этой местности золото’ → б. *Ich habe mich an der Blechdose empfindlich geschürft* (WGD, Bd. 5, S.3319) ‘Я содрал больно кожу о жестянку’.

Приведем из русского языка полностью необратимые по смыслу РГ:

(18) рус. а. *На другой же день короля, приговоренного к смерти, казнили* (т. е. умертвили, приводя в исполнение приговор и подвергая смертной казни – лишению жизни как высшей мере наказания) → б. *Когда его позвали в комиссию слушать сентенцию, он думал, что это для страха, для того, чтоб он казнился* (т. е. испытывал нравственные мучения, страдания, сознавая свою вину), глядя, как других наказывают [Герцен, Былое и думы];

(19) рус. а. Преступники долго мучили свою жертву (т.е. причиняли ей физические муки, страдания). → б. [Лизавета Ивановна] *подбежала к окошку – офицер стоял на прежнем месте, устремив на нее глаза; она отошла, мучась любопытством* (т. е. испытывать нравственные муки, страдания) [Пушкин. Пиковая дама].

2.4.2. В случае *частичной семантической необратимости* в смысловой структуре РГ могут появляться дополнительные семантические значения по сравнению с лексическим значением производящего НГ, ср.:

(20) нем. а. *Wir haben einen Theaterbesuch für das Wochenende vorgesehen* ‘Мы запланировали посещение театра на выходных’ → б. *Wir sahen uns (vor ihm) vor, da wir die Gefahr erkannt hatten* (DWDS) ‘Мы остерегались (его), потому что осознали опасность’;

(21) рус. а. *Маргарита, не морщась, стараясь не причинять боли, втирала её* [мазь] *в колено* (т.е. натирая, заставляла ее впитываться) → б. *При помощи услужливости и расторопности, втерся он* (т.е. добился расположения при помощи неблагоприятных приемов), *однако ж, в доверие к исправнику, так что тот и на следствия брать его стал* [Салт. Губ. оч. (I, 66).]

В рассматриваемый подтип необратимых РГ относятся также следующие НГ / РГ:

(22) рус. *оправдать кого-л., что-л.*, т. е. ‘признать правым, невиновным’ → *оправдаться перед кем-л.*, т. е. ‘доказать свою правоту, невиновность’; аналогично: нем. *etw. rechtfertigen* → *sich vor j-m, etw. rechtfertigen*.

3. Комбинированный тип необратимых РГ. Типы необратимости редко выступают в чистом виде. Лексическая и синтаксическая необратимость чаще всего совмещаются друг с другом. С другой стороны, морфологическая, лексическая и синтаксическая необратимость всегда коррелируют с семантической несоотнесенностью. Добавим, что синтаксическая необратимость может приводить к полной или частичной семантической необратимости [Недялков, Отаина 1981: 208], ср.:

(23) нем. а. *Er hängt den Mantel [an einen Haken] an* ‘Он вешает пальто [на крючок]’ → б. *Die Jungen hängen sich an den Wagen an* ‘Юноши цепляются за машину’ [Duden].

Ср. аналогичную комбинацию синтаксического и семантического типов необратимости в следующих парах немецких НГ / РГ:

(24) нем. *etw. panzern* ‘обшивать бронёй (например, военный корабль)’ → *sich gegen etw. panzern* (перен.) ‘вооружиться против чего-л.’ (например, ненависти); *etw. klammern / festklammern* ‘прицепить / прикрепить что-л. (например, белье)’ → *sich an etw. klammern / festklammern* ‘крепко ухватиться за что-л. (например, за стол)’; *etw., j-n festhalten* ‘держат, удерживать что-л., кого-л.’ → *sich an etw., j-m festklammern* ‘крепко держаться за что-л., кого-л.’.

С другой стороны, лексический тип необратимости может коррелировать с семантической необратимостью (см. (12), (13), (14)).

Часто комбинированная необратимость сопровождается метафоризацией значения РГ:

(25) нем. а. *Pharmazeutische Produkte kapselt man maschinell ein* ‘Фармацевтические продукты капсулируют при помощи машин’ → б. *Du kapselst dich zu sehr ein* перен. ‘Ты слишком замыкаешься в себе’ [DWDS];

(26) нем. а. *Er hat seine Sachen vom Boden aufgerafft* ‘Он собрал и поднял с пола свои вещи’ → б. *Er war erst bestürzt, sprachlos, dann raffte er sich aber auf und antwortete* [WDG; Bd. 1, S. 267] перен. ‘Вначале он был обескуражен, потерял дар речи, но затем собрался (т.е. собрал все свои внутренние силы) и ответил’;

(27) нем. а. *Er hat einen Knochen ausgeschält* ‘Он очистил кость от мяса’ → б. *Nun schäl dich erst mal aus* обр. разг. шутл. ‘Ну, раздевайся-ка (букв. вылущивайся наружу) вначале’ [WDG, Bd. 1, S. 358];

(28) рус. а. [Старик Болконский] велел собрать из деревень ополченцев, вооружить их (т.е. снабдить оружием, военным снаряжением), и написал главнокомандующему письмо... [Л. Толстой Война и мир, I 11, ч. II, гл. 8] → б. *Я вооружился терпением* (т.е. запасаю терпением, старался быть терпеливым), продолжая вместе с тем свою «шпионскую» работу [А. Р. Беляев. Продавец воздуха (1929)].

4. Выводы. Исследование семантики РГ с полной и частичной однореферентностью актантов в немецком и русском языке позволяет сделать следующие выводы:

4.1. Большинство РГ с полной и частичной однореферентностью актантов в немецком и русском языке являются обратимыми рефлексивами, значение которых выводится из лексического значения НГ и значения РЭ (см. (1), (2)).

4.2. Необратимые РГ характеризуются невыводимостью своего значения из значения производящего НГ и РЭ.

4.3. У немецких и русских РГ выявлено четыре типа необратимости: а) морфологический тип (см. (5), (6)); б) семантический тип (см. (15-18)); в) лексический тип (см. (11-13)); г) синтаксический тип (см. (7-10)).

4.4. Семантический тип необратимых РГ распадается на абсолютно и частично семантически необратимые РГ.

4.4.1. Абсолютно необратимые РГ характеризуются тем, что их значение полностью невыводимо из значения производящего НГ и РЭ, т.е. семантическая связь между производящим НГ и его рефлексивным дериватом полностью утрачивается (см. (17-19)).

4.4.2. Под частичной семантической необратимостью понимаются РГ, в семантической структуре которых появляются дополнительные смысловые компоненты по сравнению с лексическим значением исходного НГ (см. (20-22)).

4.5. Выявленные типы необратимых РГ в сопоставляемых языках часто выступают в комбинированном виде (лексическая необратимость + синтаксическая необратимость; синтаксическая необратимость + семантическая необратимость и др.) (см. (23-26)).

4.6. Наиболее продуктивным типом необратимых РГ в сопоставляемых языках является комбинированный семантико-синтаксический тип, отражающий тесную взаимосвязь семантики и синтаксиса в языке.

4.7. Часто комбинированная необратимость сопровождается метафоризацией значения РГ (см. (25-28)).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Басыров Ш. Р. Немецкие рефлексивные глаголы: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Ленинград, 1988. 20 с.
2. Басыров Ш. Р. Словообразование глаголов с рефлексивным комплексом в типологическом освещении. Донецк: Изд-во «Ноулидж» (Донецкое отделение), 2014. 562 с.
3. Волохова В. В. Семантико-синтаксическая характеристика возвратных и псевдовозвратных структур немецкого предложения. Волгоград, 2005. 151 с.
4. Генюшене Э. Ш. О необратимости некоторых групп английских рефлексивов // Материалы семинара по теоретическим проблемам синтаксиса. Пермь, 1975. II ч. С. 121-126.

5. Генюшене Э. Ш. К теории описания рефлексивных глаголов (на материале литовского языка) // Залоговые конструкции в разноструктурных языках. Л.: Наука, 1981. С. 160-184.
6. Генюшене Э. Ш. Рефлексивные глаголы в балтийских языках и типология рефлексивов: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.20. Вильнюс, 1983. 393 с.
7. Генюшене Э. Ш. Рефлексивные глаголы в балтийских языках и типология рефлексивов. Вильнюс, 1983. 168 с.
8. Неद्याлков В. П., Генюшене Э. Д. Рефлексивные конструкции в балтийских языках и типологическая анкета // Рефлексивные глаголы в индоевропейских языках. Калинин: Изд-во Калининского ун-та, 1985. С. 3-19.
9. Неद्याлков В. П., Отаина Г. А. Нивхские рефлексивные глаголы и типология смысловых рефлексивов // Залоговые конструкции в разноструктурных языках. Л.: Наука, 1981. С. 185-220.
10. Нестерук О. П. Необоротні рефлексивні дієслова із автокаузативним значенням у німецькій мові // Сучасні дослідження з іноземної філології. 2010. С. 391-401.
11. Падучева Е. В. Диатеза как метонимический сдвиг // 40 лет Санкт-Петербургской типологической школе. М.: Знак, 2004. 536 с.
12. Холодович А. А. Проблемы грамматической теории. М.: Наука, 1979. 304 с.
13. Храковский В. С. Диатеза и референтность (К вопросу о соотношении активных, пассивных, рефлексивных и реципрокных конструкций) // Залоговые конструкции в разноструктурных языках. Л.: Наука, 1981. С. 5-38.
14. Юшкова С. О. Реципрокальні дієслова та їх конструкції у німецькій та українській мовах: автореф. дисс. ... канд. філол. наук: 10.02.17. Донецьк, 2013. 21 с.
15. Geniušiene E. The typology of reflexives. Berlin-New YorkAmsterdam: Mouton de Gruyter, 1987. 435 p.

СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

1. Бабенко Л. Г. Толковый словарь русских глаголов. Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы. Аст-пресс, 1999. 698 с.
2. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. М.: Русский язык, 2000. 1084 с.
3. Национальный корпус русского языка. RusCorpora. Доступ: <http://www.ruscorpora.ru/>. (дата обращения: 10.11.2018).
4. Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Русский язык, 1987. 750 с.
5. ССРЛЯ – Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. М.-Л.: Издательство Академии Наук СССР. Т. 1. 1950. 443 с.; Т. 2. 1951. 723 с.; Т. 3. 1954. 700 с.; Т. 4. 1955. 691 с.; Т. 5. 1956. 965 с.; Т. 6. 1957. 739 с.; Т. 7. 1958. 752 с.; Т. 8. 1959. 924 с.; Т. 9. 1959, 745 с.; Т. 10. 1956. 892 с.; Т. 11. 1961. 926 с.; Т. 12. 1961. 846 с.; Т. 13. 1962. 757 с.; Т. 14. 1963. 700 с.; Т. 15. 1963. 648 с.; Т. 16. 1964. 808 с.; Т. 17. 1965. 1068 с.
6. Duden Online Wörterbuch. Доступ: <https://www.duden.de/>. (дата обращения: 10.11.2018).
7. DWDS – Das Wortauskunftssystem zur deutschen Sprache in Geschichte und Gegenwart. Доступ: <https://www.dwds.de/>. (дата обращения: 26.11.2017).
8. Helbig G., Schenkel W. Wörterbuch zur Valenz und Distribution deutscher Verben. VEB Bibliographisches Institut, Leipzig 1980. 458 S.
9. WDG – Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache / Herausgegeben von R. Klappenbach, W. Steinitz. Berlin: Akademie Verlag. Bd. 1. 1980. 800 S.; Bd. 2. 1981. 1600 S.; Bd. 3. 1984. 2412 S.; Bd. 4. 1981. 3212 S.; Bd. 5. 1980. 4012 S.; Bd. 6. 1976-1977. 4551 S.
10. WW – Wörter und Wendungen. Wörterbuch zum deutschen Sprachgebrauch. Herausgegeben von Erhard Agricola unter Mitwirkung von Herbert Görner und Ruth Küfner. Leipzig: VEB Bibliographisches Institut, 1972. 818 S.

REFERENCES

1. Basyrov, Sh. R. (1988). *Nemetskiye refleksivnye glagoly* [German reflexive verbs]: dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.04. Leningrad. (In Russ.).
2. Basyrov, Sh. R. (2014). *Slovoobrazovanie glagolov s refleksivnym kompleksom v tipologicheskoy osveshchenii* [Formation of verbs with a reflexive complex in typological view]. Donetsk: Noulidzh. (In Russ.).
3. Volokhova, V. V. (2005). *Semantiko-sintaksicheskaya kharakteristika vozvratnykh i psevdovozvratnykh struktur nemetskogo predlozheniya* [The semantic-syntactic characteristics of reflexive and pseudoreflexive structures of German sentence]. Volgograd. (In Russ.).
4. Geniušienė, E. Sh. (1975). O neobratimosti nekotorykh grupp angliyskikh refleksivov [On non-reversibility of some group of English reflexive verbs]. In *Materialy seminara po teoreticheskim problemam sintaksisa*. Perm. II ch. Pp. 121-126. (In Russ.).
5. Geniušienė, E. Sh. (1981). K teorii opisaniya refleksivnykh glagolov (na materiale litovskogo yazyka) [On a theory of describing reflexive verbs in Lithuanian language]. In *Zalogovye konstruksii v raznostrukturnykh yazykakh*. L.: Nauka. Pp. 160-184. (In Russ.).
6. Geniušienė, E. Sh. (1983). *Refleksivnye glagoly v baltiyskikh yazykakh i tipologiya refleksivov* [Reflexive verbs in Baltic languages and the typology of reflexive verbs, the thesis]: dis. ... d-ra filol. nauk: 10.02.20. Vilnius. (In Russ.).
7. Geniušienė, E. Sh. (1984). *Refleksivnye glagoly v baltiyskikh yazykakh i tipologiya refleksivov* [Reflexive verbs in Baltic languages and the typology of reflexive verbs]. Vilnius. (In Russ.).
8. Nedyalkov, V. P., Geniušienė, E. Sh. (1985). Refleksivnye konstruksii v baltiyskikh yazykakh i tipologicheskaya anketa [Reflexive constructions in Baltic languages and a typological form]. In *Refleksivnye glagoly v indoevropayskikh yazykakh*. Kalinin: Izdatelstvo Kalininskogo Universiteta. Pp. 3-19. (In Russ.).
9. Nedjalkov, V. P., Otaina, G. A. (1981). Nivkhskie refleksivnye glagoly i tipologiya smyslovykh refleksivov [Nivkh reflexive verbs and the typology of notional reflexive verbs]. In *Zalogovye konstruksii v raznostrukturnykh yazykakh*. L.: Nauka. Pp. 185-220.
10. Nesteruk, O. P. (2010). Neoborotni refleksivni diyeslova iz avtokauzatyvnym znachennyam u nimetskiy movi [Non-reversible reflexive verbs with autocausive meaning in German language]. In *Suchasni doslidzhennya z inozemnoyi filologii*. Pp. 391-401.
11. Paducheva, E. V. (2004). Diateza kak metonimicheskiy sdvig [Diathesis as a metonymical shift]. In *40 let Sankt-Peterburgskoy tipologicheskoy shkole*. Moskva: Znuk. (In Russ.).
12. Holodovich, A. A. (1979). Problemy grammaticheskoy teorii [The problems of grammatical theory], Moskva: Nauka. (In Russ.).
13. Khrakovkiy, V. S. (1981). Diateza i referentnost (K voprosu o sootnoshenii aktivnykh, passivnykh, refleksivnykh i retsiproknykh konstruksiy) [Diathesis and referentiality (On the question of active, passive, reflexive and reciprocal constructions)]. In *Zalogovye konstruksii v raznostrukturnykh yazykakh*. L.: Nauka. Pp. 5-38. (In Russ.).
14. Yushkova, S. O. (2013). Retsyprokalni diyeslova ta iykh konstruksiy u nimetskiy ta ukraiynskiy movakh [The reciprocal verbs and their constructions in German and Ukrainian]. avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.17. Donetsk. (In Ukr.).
15. Geniušienė E. (1987). *The typology of reflexives*. Berlin-New YorkAmsterdam: Mouton de Gruyter. 435 p.

LEXICOGRAPHIC SOURCES

1. Babenko, L. G. (1999). *Tolkovyy slovar russkikh glagolov. Ideograficheskoe opisanie. Angliyskie ekvivalenty. Sinonimy. Antonimy* [Dictionary of Russian verbs. Ideographic description. English equivalents. Synonyms. Antonyms]. M.: Ast-press. (In Russ.).
2. Efremova, T. F. (2000). *Novyy slovar russkogo yazyka* [New Russian dictionary]. M.: Russkiy yazyk. (In Russ.).

3. *Natsionalnyy korpus russkogo yazyka* [Russian National Corpus]. RusCorpora. Available at: <http://www.ruscorpora.ru/>. (accessed: 10.11.2018). (In Russ.).
4. Ozhegov, S. I. (1987). *Slovar russkogo yazyka* [Russian dictionary] / pod red. N. Yu. Shvedovoy. M.: Russkiy yazyk. (In Russ.).
5. SSRLYa – *Slovar sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [The dictionary of modern Russian literary language]: v 17 t. M.-L.: Izdatelstvo Akademii Nauk SSSR. Vol. 1. 1950; Vol. 2. 1951; Vol. 3. 1954; Vol. 4. 1955; Vol. 5. 1956; Vol. 6. 1957; Vol. 7. 1958; Vol. 8. 1959; Vol. 9. 1959; Vol. 10. 1956; Vol. 11. 1961; Vol. 12. 1961; Vol. 13. 1962; Vol. 14. 1963; Vol. 15. 1963; Vol. 16. 1964; Vol. 17. 1965. (In Russ.).
6. *Duden Online Wörterbuch*. Available at: <https://www.duden.de/>. (accessed: 26.11.2017).
7. DWDS – *Das Wortauskunftssystem zur deutschen Sprache in Geschichte und Gegenwart*. Available at: <https://www.dwds.de/>. (accessed: 10.11.2018).
8. Helbig, G. Schenkel, W. (1980). *Wörterbuch zur Valenz und Distribution deutscher Verben*. VEB Bibliographisches Institut, Leipzig.
9. WDG – *Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache*. Herausgegeben von R. Klappenbach, W. Steinitz. Berlin: Akademie Verlag. Bd. 1. 1980; Bd. 2. 1981; Bd. 3. 1984; Bd. 4. 1981; Bd. 5. 1980; Bd. 6. 1976-1977.
10. WW – *Wörter und Wendungen*. Wörterbuch zum deutschen Sprachgebrauch. Herausgegeben von Erhard Agricola unter Mitwirkung von Herbert Görner und Ruth Küfner. Leipzig: VEB Bibliographisches Institut, 1972.

Писарева Виктория Вадимовна – аспирант
кафедры германской филологии
(e-mail: victorija.pisareva@yandex.ru),
Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Донецкий национальный университет»
283001, Донецк, ул. Университетская, 24

Pisareva Viktoriia V. – Postgraduate Student
of Germanic Philology Department
(e-mail: victorija.pisareva@yandex.ru),
State Educational Institution of Higher
Professional Education «Donetsk National
University»
24 Universitetskaya, Donetsk, 283001

Поступила в редакцию 22 октября 2018 г.

ПЕРЕВОД

УДК 81'255.2:6

© 2018 Ю. А. Квач

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА НОРМАТИВНОЙ ТЕХНИЧЕСКОЙ ДОКУМЕНТАЦИИ С АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ

Статья посвящена лексико-грамматическим особенностям перевода на русский язык англоязычной нормативной технической документации в сфере строительства, в частности, рассмотрению переводческих трансформаций как необходимых приемов достижения адекватного перевода нормативной технической документации. В результате анализа конкретного эмпирического материала выявлены наиболее частотные виды трансформаций при переводе нормативной технической документации, которые могут быть использованы при передаче других текстов данной направленности.

Ключевые слова: нормативная документация, научно-технический перевод, переводческие трансформации, грамматические трансформации, лексические трансформации.

© 2018 Yu. A. Kvach

PECULIARITIES OF RENDERING NORMATIVE AND TECHNICAL DOCUMENTATION FROM ENGLISH INTO RUSSIAN

The article features the lexical and grammatical peculiarities of translating regulatory documents in building sphere from English into Russian, particularly the study of translation transformations as essential device for achieving adequate translation of regulatory documents. The results of the empiric material analysis show the most frequent types of translation transformations used during the translation of normative and technical documents that can be used for translation of regulatory documents from other fields.

Key words: regulatory documents, technical translation, translation transformations, grammatical transformations, lexical transformations.

1. Вводные замечания. Технический перевод представляет собой достаточно трудоемкий и сложный процесс. При переводе технических текстов переводчику важно разбираться не только в вопросах общей теории перевода и теории научно-технического перевода, но и понимать специфику конкретной области, в которой осуществляется переводческий процесс. При переводе научно-технической литературы и различной технической документации крайне важна максимальная точность, так как в этой ситуации невозможно довольствоваться переводом, который «в целом верен» [Нерман, 1993: 11-19]. Некачественный или недостаточно точный перевод инструкции по монтажу какой-либо конструкции или эксплуатации механизма может привести к тяжелым последствиям.

Учитывая стремительное развитие технологий и обмен ими между представителями разных стран, исследованиям научно-технического перевода в современной науке уделяется

все больше внимания. Исследованием особенностей научно-технического перевода в различных областях, формированием требований к его адекватности посвящены работы таких ученых, как Л. И. Борисова [2016], Я. А. Быкова [2017], С. М. Быстрицкая [2014, 2016], О. В. Воробьева [2015], А. В. Жидков [2014], А. Х. Ишмухаметова [2017], А. В. Крыжановская [2016], Е. В. Максименко [2017], Е. Ю. Нестеренко [2013], Т. В. Сорокина [2010], Е. И. Сухарева [2017], Н. В. Шершукова [2017] и многих других. При этом исследования перевода именно нормативной документации не столь многочисленны – изучением перевода технической сопроводительной документации, требований к нему, ошибок и стандартов занимаются такие ученые, как Т. В. Паршина [2017] и Л. Н. Сунгатуллина [2015]. Этот раздел научно-технического перевода довольно обширен и включает в себя разные виды документации, к которым относятся нормативные акты, а также материалы, сопровождающие изобретение или технологию – от стандартов до технических условий и характеристик изготавливаемой продукции. Указанные виды технической документации обладают своими особенностями, именно поэтому важно проводить детальные исследования каждой отдельной категории рассматриваемых документов.

При переводе нормативной технической документации, как и при переводе текстов других стилей, необходимо учитывать лексические и грамматические особенности таковых в языке оригинала и языке перевода.

В технических текстах, как правило, не содержится информация, направленная на передачу эмоций и чувств. Язык технической литературы выполняет, прежде всего, коммуникативную функцию, в отличие от языка публицистического и художественного текста. Следовательно, перевод в данном случае рассматривается как процесс преобразования текста на одном языке в текст на другом языке при сохранении относительно неизменного содержания [Быстрицкая, 2014: 77-80].

Лексико-семантические и структурные несоответствия между двумя языками требуют при переводе с одного языка на другой перестройки синтаксической структуры предложения либо лексической замены английского слова, не имеющего эквивалента в русском языке.

Такие преобразования, применяемые в процессе перехода от языковых единиц оригинала к единицам перевода, называются переводческими трансформациями. В. Н. Комиссаров в своих работах, помимо такого определения переводческой трансформации, отмечает, что они носят формально-семантический характер, так как в результате замены или преобразования языковой единицы происходит не только преобразование ее формы, но и значения [Комиссаров, 1990: 102].

В своей книге «Чтение и перевод английской научной и технической литературы» А. Л. Пумпянский отмечает, что «...Задача исследования специфики языка и стиля научной и технической литературы может решаться путем проведения работы в двух направлениях:

1) исследования в пределах одного языка (при этом изучаются разные языковые стили и дифференцируются их лингвистические признаки);

2) исследования в пределах двух языков (при этом выявляются сходства и расхождения в средствах выражения научной и технической мысли одной пары языков).

Второе направление можно назвать билингвистическим. Билингвистическое исследование языка и стиля английской и русской научно-технической литературы дает возможность получать сопоставительные данные, которые затем ложатся в основу правил перевода как с английского языка на русский, так и с русского языка на английский ...» [Пумпянский, 1997: 9-11].

Для изучения трансформаций, применяемых при переводе технических текстов, а именно, нормативных документов в области строительства, был проведен анализ уже существующего перевода англоязычного нормативного документа на русский язык, в результате которого были выявлены и систематизированы трансформации, использованные переводчиком на различных языковых уровнях.

Объектом данного исследования является техническая документация в строительной сфере на английском языке и ее переводы на русский язык. **Предмет** исследования составляют лексико-грамматические особенности перевода соответствующей документации.

Цель работы заключается в необходимости определить и проанализировать основные грамматические, лексические и лексико-грамматические трансформации при переводе нормативных тестов в строительной сфере с английского языка на русский.

Материалом исследования является текст Европейского строительного стандарта EN 1990:2002 «Eurocode 0: Basis of structural design» на английском языке и его официальный перевод на русский язык, изложенный в Национальном стандарте Российской Федерации НСР EN 1990-2011 «ЕВРОКОД 0: Основы проектирования сооружений». На данном этапе исследования объем выборки составляет 874 случая применения переводческих трансформаций.

2. Трансформации при переводе англоязычной нормативной технической документации в сфере строительства. Данное исследование основано на классификации переводческих трансформаций, предложенной В. Н. Комиссаровым, в рамках которой он

выделяет три основных типа трансформаций – лексические, грамматические и лексико-грамматические [Комиссаров, 1990].

2.1. Грамматические трансформации. В результате исследования было установлено, что в данном эмпирическом материале наиболее частотными представляются грамматические трансформации (519 примеров, 59,3% от общего числа трансформаций). Среди них выделены:

- морфологические замены – 342 примера;
- синтаксические замены – 177 примеров.

Морфологические трансформации, выявленные в результате анализа, могут предполагать:

- замену формы слова (замена залога глагола; замена числа имени существительного; замена одного класса той или иной части речи, например, местоимения, другим ее классом) – 237 примеров;
- замену одной части речи другой (субстантивация, вербализация, замена прилагательного или глагола причастием и некоторые другие) – 105 примеров.

Замена залоговых форм глагола отображает общую тенденцию в английском научном языке к безличному стилю изложения и обобщения. Это можно пронаблюдать в следующем примере:

(1) *In order to limit the uncertainties related to the behaviour of structures under the design seismic action and to promote a good behaviour under seismic actions more severe than the reference one, a number of pertinent specific measures shall also be taken.*

С целью ограничения неопределенностей и обеспечения требуемых характеристик конструкций при сейсмических воздействиях, сила которых превышает расчетное сейсмическое воздействие, **необходимо принимать соответствующие особые меры.**

В рамках трансформации «замена части речи» наиболее многочисленными в данном эмпирическом материале являются трансформации, при которых глаголы преобразуются в существительные, в частности, замена типа «герундий → имя существительное», которая является неизбежной в силу отсутствия в русском языке такой глагольной категории. Например:

(2) *NOTE For verifying efficiency by testing see section 5 and Annex D.*

Примечание. Требования **проверки эффективности с использованием результатов испытаний** приведены в Разделе 5 и Приложении D.

Анализ синтаксических особенностей перевода исследуемых нормативных документов показывает, что 47% предложений при переводе полностью сохранили свою синтаксическую структуру:

(3) *Static equilibrium for building structures should be verified using the design values of actions in Table A1.2.* Статическое равновесие здания должно быть проверено, используя расчетные значения воздействий из Таблицы A1.2.

Тем не менее, в данном исследовании было зафиксировано использование синтаксических трансформаций на разных уровнях, а именно на уровне:

- предложения (замена сложного предложения простым; замена простого предложения сложным; членение сложного предложения);
- частей сложного предложения (замена придаточного предложения предложно-именным сочетанием, деепричастием и т. п.);
- словосочетания (например, замена причастного оборота предложно-именным сочетанием);
- членов предложения (замена подлежащего дополнением, обстоятельством и т. д.).

Наиболее продуктивной в количественном отношении среди вышеперечисленных замен является замена члена предложения (109 примеров), в частности, замена подлежащего дополнением. Применение таких трансформаций обусловлено наличием в английском языке общей тенденции к использованию пассивных конструкций [Swales, 1990], в то время как в русском языке в подобных случаях применяются личные или безличные предложения со сказуемым, выраженным глаголом в активной форме. Например:

(4) *The design working life should be specified.* Необходимо устанавливать **расчетный срок службы сооружения.**

В рамках замен на уровне сложного предложения наибольшее количество трансформаций составляют замены структурного типа предложения, а именно – замена сложного предложения простым (37 примеров). Такие трансформации применяются для сокращения русского переводного предложения в случаях, когда есть необходимость в четкой и сжатой передаче смысла английского предложения. Например:

(5) *The following European Standards which are published or in preparation are cited in nonnative clauses.* В настоящем стандарте даются ссылки на **действующие и разрабатываемые стандарты.**

2.2. Лексические трансформации. Суть лексических трансформаций при переводе заключается в замене лексических единиц языка оригинала лексическими единицами языка перевода, которые при этом не являются их прямыми словарными эквивалентами. В данном эмпирическом материале было выявлено 340 примеров использования лексических трансформаций (39% от общего количества переводческих трансформаций), представленных конкретизацией, генерализацией и модуляцией (смысловым развитием).

Наиболее продуктивной в количественном отношении является трансформация конкретизации (268 примеров), что объясняется широкозначностью терминологии английского языка, когда одно английское слово может иметь в русском языке несколько эквивалентов с более узким значением, употребление которых зависит от контекста [Klaudy, 1995]. Такое свойство английского языка наглядно раскрывается именно в научных и технических текстах – в зависимости от тематики и научной сферы один и тот же термин может переводиться на русский язык совершенно разными эквивалентами [Пумпянский, 1980: 164]. Так, в исследуемом материале часто используются такие широкозначные термины, как *action* ‘действие, воздействие’, *test* ‘испытание, проверка, тест’, *structure* ‘конструкция, сооружение’, *value* ‘значение, величина’, которые при переводе на русский язык заменяются более узкими терминами, применяемыми в отрасли строительства. Рассмотрим пример такой трансформации:

(6) *Material property values shall be determined from standardized tests performed under specified conditions.*

Значения свойств материала должны быть определены на основе результатов стандартизированных **экспериментальных испытаний**, выполненных при точно определенных условиях.

В данном примере переводчик конкретизирует слово с широким спектром значений *test* – ‘проверка, испытание; тест’, выбрав значение ‘испытание’, а также использует уточняющее прилагательное ‘экспериментальный’ с целью более точной передачи смысла английского предложения.

Второй по продуктивности тип лексических трансформаций в рассматриваемом материале – прием модуляции или смыслового развития (46 примеров). Такой тип трансформации предусматривает замену слова или словосочетания на языке оригинала единицей языка перевода, значение которой логически вытекает из значения исходной единицы. Например:

(7) *NOTE EN ISO 9001:2000 is an acceptable basis for quality management measures, where relevant.*

Примечание. Для обеспечения качества **допускается применять** Стандарт Международной Организации по Стандартизации ISO 9001:2000.

Смысловое развитие здесь можно наблюдать в реализации причинно-следственных связей при переводе. Так, фраза ‘*EN ISO 9001:2000 is an acceptable basis*’ в английском предложении на русский язык переводится как ‘допускается применять Стандарт Международной Организации по Стандартизации ISO 9001:2000’. Смысл фразы и причинно-следственная связь между оригиналом и переводом сохраняются, т.к. если

данный стандарт может являться основой (причина), значит его допустимо применять в указанном случае (следствие).

Третий тип лексических трансформаций, зафиксированный при исследовании данного эмпирического материала – генерализация (26 примеров), суть которой состоит в замене единицы языка оригинала с более узким значением, единицей языка перевода с более широким значением. Например:

*The self-weight of the structure may be represented by a single characteristic value and be **calculated** on the basis of the nominal dimensions and mean unit masses, see EN 1991-1-1.*

Собственный вес конструкции может быть представлен единственным нормативным значением и может быть **определен** на основе номинальных его размеров и среднего удельного веса; смотри EN 1991-1-1.

В английском предложении глагол *to calculate* ‘вычислять; подсчитывать; калькулировать’ при переводе на русский язык передается глаголом ‘определять’, который в русском языке имеет более широкое значение.

2.3. Лексико-грамматические трансформации. В.Н. Комиссаров к лексико-грамматическим трансформациям относит компенсацию, экспликацию (описательный перевод) и антонимический перевод [Комиссаров, 1990: 223-225]. При изучении данного материала такой тип трансформаций оказался непродуктивным. Был выявлен лишь один вид таких трансформаций – антонимический перевод (16 примеров).

(8) *Where **insufficient statistical data are available** to establish the characteristic values of a material or product property, nominal values may be taken as the characteristic values, or design values of the property may be established directly.*

Если для определения параметров, описывающих свойства материала или продукта, **отсутствует достаточное количество статистических данных**, то их номинальные значения могут рассматриваться как нормативные, или же расчетные значения параметра могут устанавливаться непосредственно.

Английская фраза *where insufficient statistical data are available* (досл. ‘недостаточное количество статистических данных доступно’) на русский язык переводится фразой ‘отсутствует достаточное количество статистических данных’. В данном случае мы наблюдаем замену на уровне фразы *insufficient (statistical data) + available*, состоящей из прилагательного *insufficient* с отрицательным значением ‘недостаточный, неполный’ и глагола *available*, имеющего положительное значение ‘доступный’, при этом при переводе английское прилагательное *insufficient* на русский язык передается прилагательным с положительным значением ‘достаточный’, а глагол *available* в русском языке заменяется глаголом с отрицательным значением ‘отсутствует’. Таким образом, слова, входящие в

состав словосочетания, при переводе принимают противоположные значения: отрицательное становится положительным, а положительное – отрицательным.

3. Выводы. В результате проведенного исследования можно сделать следующие выводы.

3.1. Перевод текста англоязычной нормативной технической документации на русский язык должен предельно точно передавать смысл оригинала. В связи с тем, что нормы языка оригинала и языка перевода отличаются друг от друга, возникает необходимость применения переводческих трансформаций на грамматическом и лексическом уровнях, а также некоторых комплексных лексико-грамматических трансформаций, обзор которых представлен в данной статье.

3.2. При переводе текста Европейского строительного стандарта используются трансформации трех основных категорий – грамматические, лексические и лексико-грамматические. Наиболее продуктивными в количественном отношении являются грамматические трансформации (59,3% от общего количества), лексические трансформации составляют 39% от общего числа, а наименее продуктивными (менее 2%) представляются лексико-грамматические трансформации.

3.3. Среди основных типов переводческих трансформаций при переводе специальных технических текстов с английского языка на русский наиболее частотным являются грамматические трансформации. Таковую тенденцию можно объяснить наличием существенных различий между нормами указанных языков, например, высокой частотой употребления пассивных конструкций в английском языке или отсутствием в русском языке некоторых грамматических явлений и категорий, существующих в английском языке.

3.4. В данном эмпирическом материале выявлены три типа лексических трансформаций, при этом наиболее частотной из них представляется конкретизация. Такое явление можно объяснить широкозначностью терминологии английского языка, когда в зависимости от контекста один англоязычный термин может в русском языке иметь несколько эквивалентов с более узким значением.

3.5. Лексико-грамматические трансформации в проанализированном материале представлены только одним типом – антонимическим переводом. Это связано прежде всего с тем, что такие трансформации больше характерны для художественных и публицистических текстов.

3.6. Полученные в результате исследования данные имеют практическую ценность, поскольку могут быть использованы в практике перевода других видов нормативной документации в сфере строительства и других технических сферах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Борисова Л. И. К истории научно-технического перевода // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика, 2016. № 5. С. 6-12.
2. Быкова Я. А. Приемы и способы перевода научно-технических текстов // Россия в мире: проблемы и перспективы развития международного сотрудничества в гуманитарной и социальной сфере. Москва, 2017. С. 9-19.
3. Быстрицкая С. М. Инверсия в профессиональном тексте на английском языке // Сборник научных докладов № 19 научно-практической конференции. Минеральные Воды: СКФ БГТУ им. В.Г. Шухова, 2014. С. 77-80.
4. Быстрицкая С. М. Трансформации при переводе научно-технического текста // Университетская наука. 2016. № 1. С. 212-216.
5. Воробьева О. С., Квач Ю. А. Грамматические особенности перевода англоязычной технической документации на русский язык // Вестник студенческого научного общества Донецкого национального университета. Донецк, ДонНУ, 2015. Вып. 7. С. 315-319.
6. Жидков А. В. Понятие «научно-технический перевод» // Science Time. Казань, 2014. № 4. С. 99-102.
7. Комиссаров В. Н. Теория перевода. Москва: Высшая школа, 1990. 253 с.
8. Крыжановская А. В. Важнейшие требования к адекватности перевода английских научно-технических текстов // Электронный научный журнал. 2016. № 3 (6). С. 159-163.
9. Максименко Е. В. Стилистические приемы перевода текстов научно-технической рекламы // Научные труды Кубанского государственного технологического университета. 2017. № 8. С. 158-168.
10. Нестеренко Е. Ю. Особенности перевода научно-технических текстов // Научный поиск в современном мире. Махачкала, 2013. С. 45-49.
11. Паршина Т. В. О стандартах, используемых при переводе научно-технической литературы и документации // Филология и лингвистика. 2017. №2. С. 77-80. Доступ: <https://moluch.ru/th/6/archive/59/2095/>. (дата обращения: 28.10.2018).
12. Пумпянский А. Л. Лексические закономерности научной и технической литературы. Англо-русские эквиваленты. Калинин: Калининск. гос. ун-т, 1980. 83 с.
13. Пумпянский А. Л. Чтение и перевод английской научной и технической литературы: Лексика, грамматика, фонетика, упражнения. Мн.: ООО «Попурри», 1997. С. 9-11.
14. Сорокина Т. В. Проблемные вопросы перевода научно-технических текстов // Вопросы филологических наук. 2010. № 1. С. 52-54.
15. Сунгатуллина Л. Н. Приемы перевода технической сопроводительной документации // Молодой ученый. 2015. № 12. С. 965-968. Доступ: <https://moluch.ru/archive/92/20408/>. (дата обращения: 28.10.2018).
16. Сухарева Е. И., Ишмухаметова А. Х. Некоторые особенности перевода английских строительных технических текстов на русский язык // Современные исследования социальных проблем. 2017. Т. 9. № 3-2. С. 496-503.
17. Шершукова Н. В. Особенности перевода научно-технических текстов (на примере перевода патентов) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 3-2 (69). С. 182-184.
18. Herman M. Technical translation style: Clarity, Concision, Correctness // American Translators Association Series «Scientific and Technical Translation». Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1993. Vol. VI. P. 11-19.
19. Klaudy K. Concretization and generalization of meaning in translation // Translation and Meaning. Netherlands: Maastricht, 1995. P. 141-152.
20. Swales J. Genre Analysis: English in Academic and Research Settings. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. 260 p.

REFERENCES

1. Borisova, L. I. (2016). K istorii nauchno-tehnicheskogo perevoda [To the history of scientific and technical translation]. In *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika*. No. 5. Pp. 6-12. (In Russ.).
2. Bykova, Ya. A. (2017). Priemy i sposoby perevoda nauchno-tehnicheskikh tekstov [Methods and means of rendering scientific and technical texts]. In *Rossiya v mire: problemy i perspektivy razvitiya mezhdunarodnogo sotrudnichestva v gumanitarnoy i sotsialnoy sfere*. Moskva. Pp. 9-19. (In Russ.).
3. Bystritskaya, S. M. (2014). Inversiya v professionalnom tekste na angliyskom yazyke [Inversion in English texts for professional purposes]. In *Sbornik nauchnykh dokladov No 19 nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Mineralnye Vody: SKF BGTU im. V. G. Shukhova. Pp. 77-80. (In Russ.).
4. Bystritskaya, S. M. (2016). Transformatsii pri perevode nauchno-tehnicheskogo teksta [Transformations used during translation of scientific and technical texts]. In *Universitetskaya nauka*. No. 1. Pp. 212-216. (In Russ.).
5. Vorobeva, O. S., Kvach, Yu. A. (2015). Grammaticheskie osobennosti perevoda angloyazychnoy tekhnicheskoy dokumentatsii na russkiy yazyk [Grammatical peculiarities of rendering normative and technical documentation from English into Russian]. In *Vestnik studencheskogo nauchnogo obshchestva Donetskogo natsionalnogo universiteta*. Vyp. 7. Pp. 315-319 (In Russ.).
6. Zhidkov, A. V. (2014). Ponyatie «nauchno-tehnicheskiiy perevod» [The term «technical-scientific translation»]. In *Science Time*. Kazan. No. 4. Pp. 99-102. (In Russ.).
7. Komissarov, V. N. (1990). *Teoriya perevoda* [Theory of translation]. Moskva: Vysshaya shkola. (In Russ.).
8. Kryzhanovskaya, A. V. (2016). Vazhneishie trebovaniya k adekvatnosti perevoda angliyskikh nauchno-tehnicheskikh tekstov [The most important requirements imposed to translation of English technical-scientific translation]. In *Elektronnyy nauchnyy zhurnal*. No. 3 (6). Pp. 159-163. (In Russ.).
9. Maksimenko, E. V. (2017). Stilisticheskie priemy perevoda tekstov nauchno-tehnicheskoy reklamy [Stylistical methods of rendering technical-scientific advertisements]. In *Nauchnye trudy Kubanskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta*. No. 8. Pp. 158-168. (In Russ.).
10. Nesterenko, E. Yu. (2013). Osobennosti perevoda nauchno-tehnicheskikh tekstov [Peculiarities of rendering technical-scientific texts]. In *Nauchnyy poisk v sovremennom mire*. Makhachkala. Pp. 45-49 (In Russ.).
11. Parshina, T. V. (2017). O standartakh, ispolzuemykh pri perevode nauchno-tehnicheskoy literatury i dokumentatsii [About standards applied to translation of technical-scientific literature and documents]. In *Filologiya i lingvistika*. No. 2. Pp. 77-80. Available at: <https://moluch.ru/th/6/archive/59/2095/>. (accessed: 28.10.2018). (In Russ.).
12. Pumpyanskiy, A. L. (1980). *Leksicheskie zakonomernosti nauchnoy i tekhnicheskoy literatury. Anglo-russkie ekvivalenty* [Lexical patterns of technical-scientific literature. English-russian equivalents]. Kalinin: Kalininsk. gos. un-t. (In Russ.).
13. Pumpyanskiy, A. L. (1997). *Chтение i perevod angliyskoy nauchnoy i tekhnicheskoy literatury: Leksika, grammatika, fonetika, uprazhneniya* [Reading and rendering English technical-scientific literature: Lexis, Grammar, Phonetics, Exercises]. Mn.: OOO «Popurri». Pp. 9-11 (In Russ.).
14. Sorokina, T. V. (2010). Problemye voprosy perevoda nauchno-tehnicheskikh tekstov [Problematic issues of translation of technical-scientific texts]. In *Voprosy filologicheskikh nauk*. No. 1. Pp. 52-54. (In Russ.).
15. Sungatullina, L. N. (2015). Priemy perevoda tekhnicheskoy soprovoditelnoy dokumentatsii [Methods of translation of technical supporting documentation] In *Molodoy*

uchenyyu. No 12. Pp. 965-968. Available at: <https://moluch.ru/archive/92/20408/>. (accessed: 28.10.2018). (In Russ.).

16. Sukhareva, E. I., Ishmukhametova A. Kh. (2017). Nekotorye osobennosti perevoda angliyskikh stroitelnykh tekhnicheskikh tekstov na russkiy yazyk [Peculiarities of rendering technical texts of building areas from English into Russian]. In *Sovremennye issledovaniya sotsialnykh problem*. Vol. 9. No. 3-2. Pp. 496-503. (In Russ.).

17. Shershukova, N. V. (2017). Osobennosti perevoda nauchno-tekhnicheskikh tekstov (na primere perevoda patentov) [Peculiarities of rendering scientific-technical texts (using the example of patent translation)]. In *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. No. 3-2 (69). Pp. 182-184. (In Russ.).

18. Herman, M. (1993) Technical translation style: Clarity, Concision, Correctness. In *American Translators Association Series «Scientific and Technical Translation»*. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company. Vol. VI. Pp. 11-19.

19. Klaudy, K. (1995). Concretization and generalization of meaning in translation. In *Translation and Meaning*. The Netherlands: Maastricht. Pp. 141-152.

20. Swales, J. (1990). *Genre Analysis: English in Academic and Research Settings*. Cambridge: Cambridge University Press.

Квач Юлия Александровна – преподаватель
кафедры теории и практики перевода
(e-mail: y.kvach@yandex.ru),
Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Донецкий национальный университет»
283001, Донецк, Университетская, 24

Kvach Yuliia A. – Lecturer of Department
of Theory and Practice of Translation
(e-mail: y.kvach@yandex.ru),
State Educational Institution of Higher
Professional Education «Donetsk National
University»
24 Universitetskaya, Donetsk, 283001

Поступила в редакцию 01 ноября 2018 г.

**ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ И ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ,
НАПРАВЛЯЕМЫХ В РЕДАКЦИЮ НАУЧНОГО ЖУРНАЛА
«STUDIA GERMANICA, ROMANICA ET COMPARATISTICA»**

1. ОБЩИЕ ТРЕБОВАНИЯ К СОДЕРЖАНИЮ СТАТЕЙ

1.1. В журнале публикуются научные и обзорные статьи, рецензии и отзывы на книги и диссертационные исследования, объявления и информационные материалы по всем аспектам мировых языков и литератур, языкознанию, литературоведению, методике преподавания иностранных языков и перевода, прикладной лингвистике.

1.2. Журнал печатает только оригинальные, ранее не опубликованные научные работы.

1.3. Языки издания – русский, украинский, английский, немецкий, французский, испанский. В предложенной к публикации научной статье автор должен обосновать актуальность темы, четко сформулировать цель и задачи исследования, привести научную аргументацию, обобщения и выводы, которые представляют интерес своей новизной, научностью и практическим значением. В статье должен быть представлен обзор новейшей научной литературы по рассматриваемой проблеме.

1.4. Рукописи, которые подготовлены без учета требований к их оформлению (см. ниже), не принимаются.

2. ОБЩИЕ ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

2.1. Рукописи следует оформлять в формате .doc (Word 1997-2003) или .docx (Word 2007-2012).

2.2. Рекомендуемый объем представляемой к публикации статьи – 15000-25000 знаков с пробелами (8–12 страниц).

2.3. Параметры страницы: 210 x 297 мм (формат А4), ориентация книжная. Поля страницы: левое – 30 мм, верхнее – 20 мм, правое – 15 мм, нижнее – 25 мм. Шрифт обычный, Times New Roman. Размер шрифта: 12 пунктов в основном тексте, 10 пунктов в сносках. Междустрочный интервал: полуторный в основном тексте, в сносках – одинарный. Отступ абзаца составляет 10 мм. Следует четко дифференцировать тире (–) и дефис (-).

2.4. Текст рукописи следует подавать в виде единого файла.

3. СТРУКТУРА И ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ (см. пример ниже)

3.1. В левом верхнем углу печатают УДК нежирным прямым шрифтом (размер 12).

3.2. Инициалы и фамилия автора (авторов) печатают перед названием статьи жирным прямым шрифтом (размер 12).

3.3. Название статьи печатают прописными буквами, без абзаца, жирным прямым шрифтом (размер 14), межстрочный интервал одинарный, без автоматической расстановки переносов.

3.4. После названия статьи печатают аннотации (объем до 50 слов) и ключевые слова (не более 10 ключевых слов) на двух языках – русском и английском. Размер шрифта: 12 пунктов, курсив, через 1 интервал.

3.5. Текст статьи.

3.6. Список литературы (размер 12, через 1 интервал) (см. ниже пункт 6).

3.7. References (список литературы) (размер 12, через 1 интервал) (см. ниже пункт 7).

3.8. Сведения об авторе (размер 11, курсив, через 1 интервал).

Пример:

УДК

© 2016 Ш. Р. Басыров

**ФУТБОЛЬНАЯ РАЗГОВОРНАЯ ЛЕКСИКА
(НА МАТЕРИАЛЕ ГЛАГОЛОВ
НЕМЕЦКОГО РАЗГОВОРНОГО ЯЗЫКА)**

Статья посвящена изучению футбольной терминологии в современном немецком языке. Устанавливаются способы образования глаголов, выявляются словообразовательные средства, участвующие в их образовании, их активность, а также описывается семантика глагольных лексем в немецком разговорном языке. ...

***Ключевые слова:** разговорная лексика, способ образования, дериват, семантическая группа, семантика, субъект, коннотация, образность, метафоризация.*

© 2016 Sh. R. Basyrov

**COLLOQUIAL FOOTBALL LEXIS
(BASED ON VERBS OF SPOKEN GERMAN)**

The paper deals with football terminology in the contemporary German language. The paper studies the structure and semantics of verbs in football lexis, reveals the ways of their formation, presents the semantic classification of these lexemes and describes their productivity.

...

Key words:

Текст статьи

.....

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1.
2.
3.

REFERENCES

1.
2.
3.

***Басыров Шамиль Рафаилович** – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры германской филологии (e-mail: schamraf@rambler.ru), Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Донецкий национальный университет» 283001, Донецк, Университетская, 24*

***Basyrov Shamil R.** – Doctor of Philology, Professor of Germanic Philology Department (e-mail: schamraf@rambler.ru), State Educational Institution of Higher Professional Education «Donetsk National University» 24 Universitetskaya, Donetsk, 283001*

4. ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ ГРАФИЧЕСКИХ ДАННЫХ

4.1. Рисунки, таблицы, схемы, графики и пр. должны быть обязательно пронумерованы, иметь источники и помещаться в печатном поле страницы (размер шрифта 12 пунктов, межстрочный интервал одинарный).

4.2. Рисунки, таблицы, схемы, графики и пр. в тексте помещают после абзаца, в котором на них ссылаются, или на следующей странице после ссылки.

Пример:

Таблица 1. *Количественная характеристика лексико-семантических групп оценочных абстрактных существительных в английском языке*

Лексико-семантическая группа	Количество единиц	Процентное соотношение	Пример
1. Состояние	355	44	<i>absence</i> ‘отсутствие’ – <i>the state of being away</i> ‘состояние нахождения не здесь’ <i>acrimony</i> ‘язвительность’ – <i>angry and bitter feelings or words</i> ‘злые и горькие чувства или слова’
2. Действие	123	15,2	<i>death</i> ‘смерть’ – <i>an act of dying or being killed</i> ‘акт смерти или убийства’ <i>destruction</i> ‘разрушение’ – <i>the action of destroying sth or of being destroyed</i> ‘действие уничтожения чего-либо или быть уничтоженным’

4.2. Примеры в текстах статей печатают курсивом (без выделения жирным), их перевод – в т. н. марровских кавычках: *coeur* ‘сердце’, *âme* ‘душа’.

4.3. В связи со сложностью издания графических материалов редакционная коллегия оставляет за собой право изъять их из текста.

5. ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ ВНУТРИТЕКСТОВЫХ ССЫЛОК И ПОДСТРОЧНЫХ СНОСОК

5.1. При оформлении внутритекстовых ссылок в квадратных скобках указывается фамилия автора/авторов (если ссылка идет на сборник статей, то указывается его полное название), год издания и, после двоеточия, номера страниц, если необходимо.

Пример:

«Чем популярнее вид спорта, тем ближе его лексика к общеязыковой (Allgemeinsprache), а между лексикой какого-либо спорта и общеязыковой происходит оживленный взаимообмен (regulärer Austausch)» [Vollmert-Spiesk, 1996: 2].

6. ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СПИСКА ЛИТЕРАТУРЫ

6.1. Список нумеруют и группируют по алфавиту, в начале книги на кириллице, потом – на иностранных языках.

6.2. В список литературы включают только научные статьи, монографии и книги (не менее 12 наименований, из них половина – источники последних лет. Наличие иностранных источников обязательно).

6.3. Правила оформления ссылок на источники в списке литературы:

Тип библиографической ссылки	Пример оформления библиографической ссылки
<i>Монография, книга, раздел монографии</i>	<p>Басыров Ш. Р. Словообразование глаголов с рефлексивным комплексом в типологическом освещении. Донецк: Ноулидж, 2014. 562 с.</p> <p>Kaliuščenko V. D. Typologie denominaler Verben. Tübingen: Niemeyer, 2000. 253 S. (Linguistische Arbeiten. Bd. 419).</p> <p>Nedjalkov V. P. (ed.), Geniušienė E. Š., Guentchéva Z. Reciprocal Constructions // Typological Studies in Language. Vol. 71. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2007. Vol. 1-5. 2216 p.</p> <p>Бессонова О. Л. Процедуры анализа концептов при проведении сравнительно-типологических исследований // Лингвоконцептология: перспективные направления / под ред. А. Э. Левицкого, С. И. Потапенко. Луганск: Изд-во ГУ «ЛНУ имени Тараса Шевченко», 2013. С. 87-117.</p>
<i>Отдельный том многотомного издания</i>	<p>Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. Т. 1. М.: Русский язык, 2002. 622 с.</p> <p>Величковский Б. М. Когнитивная наука: Основы психологии познания: в 2 т. Т. 2. М.: Смысл: Издат. центр «Академия», 2006. 432 с.</p>
<i>Статья из сборника</i>	<p>Кремзикова С. Е. Коммуникативные ситуации в старофранцузском дискурсе // Древняя и Новая Романья. Лингвистическое наследие III. Балли в XXI веке: сб. науч. ст. / под ред. М. А. Марусенко. СПб., 2010. С. 40-46.</p> <p>Пименова Н. Б. К истории и типологии грамматикализации германского артикля: прагматические модели употребления протоартикля в готском языке // ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований. СПб.: Наука, 2014. Т. X. Ч. 1. С. 403-428.</p> <p>Iagupova L. Idiomatisierte Präfixsubstantive mit <i>ge-</i> im Mittelhochdeutschen // Semantik und Pragmatik im Spannungsfeld der germanistischen und kontrastiven Linguistik. Frankfurt/M. u.a.: Peter Lang, 2013. S. 183-193. (Donezk Studien zur Germanistik, kontrastiven und diachronen Linguistik. Bd. 1).</p>
<i>Журнальная статья</i>	<p>Ленец А. В., Алексеев А. В. История исследования лексических сокращений в германских языках // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета имени Н. А. Добролюбова. Нижний Новгород. 2014. № 28. С. 11-22.</p> <p>Петренко А. Д. Социофонетические аспекты языковой вариативности // Известия Южного федерального университета. 2014. № 4. С. 150-161.</p> <p>Atkinson D. Alignment and interaction in a sociocognitive approach in second language acquisition // The Modern Language Journal. 2007. Vol. 91. Pp. 169-188.</p>
<i>Интернет-ресурсы</i>	<p>Молчанова Г. Г. Коммуникативно-функциональная теория перевода как вид вариативной интерпретации действительности // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 3. С. 9-21. Доступ: http://www.ffl.msu.ru/research/vestnik/. (дата обращения: 22.02.2014).</p> <p>Canagarajah A. S. Multilingual Communication and Language Acquisition: New Research Directions // The Reading Matrix. January 2011. Vol. 11. N 1. 15 p. Available at: ww.readingmatrix.com/.../january_2011/canagarajah_wurr.pdf. (accessed: 26.02.2014).</p>
<i>Материал на CD или DVD</i>	<p>Henry O. Cabbages and Kings // English and American Literature / CD-ROM. P. 3. Digitale Bibliothek Band 59. Berlin, 2003. P. 75.</p>

7. ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ РАЗДЕЛА REFERENCES

7.1. Внутренняя структура списка публикаций полностью идентична списку литературы на русском, сначала издания на кириллице, потом – на иностранных языках.

7.2. За основу оформления ссылок взят стандарт Harvard (<http://www.citethisforme.com/harvard-referencing>).

7.3. Правила оформления ссылок на источники в References (для автоматической транслитерации рекомендуется пользоваться сайтом <http://translit.net>, стандарт BSI; настройка стандарта осуществляется в центральном меню, раздел «Варианты...»). Фамилии и имена иностранных авторов и русскоязычных авторов, печатавшихся в зарубежных изданиях, подавать в оригинальном написании (*например: Гринберг Дж. – Greenberg J., Чейф У. – Chafe W.*).

Тип библиографической ссылки	Пример оформления библиографической ссылки
<i>Монография, книга, раздел монографии</i>	<p>Basyrov, Sh. R. (2014). <i>Slovoobrazovanie glagolov s reflektivnym kompleksom v tipologicheskom osveshchenii</i> [Formation of verbs with a reflexive complex in typological view]. Donetsk: Noulidzh. (In Russ.).</p> <p>Kaliuščenko, V. D. (2000). <i>Typologie denominaler Verben</i>. Tübingen: Niemeyer. (Linguistische Arbeiten. Bd. 419).</p> <p>Nedjalkov, V. P. (ed.), Geniušienė, E. Š., and Guentchéva, Z. (2007). Reciprocal Constructions. In M. Noonan (ed.) <i>Typological Studies in Language</i>. Vol. 71. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company. Vol. 1-5.</p> <p>Bessonova, O. L. (2013). Protsedury analiza kotseptov pri provedenii sravnitel'no-tipologicheskikh issledovaniy [Conceptual analysis procedures in comparative and typological studies]. In A. E. Levitsky, S. I. Potapenko (eds.) <i>Lingvokontseptologiya: perspektivnye napravleniya</i>. Lugansk: Izd-vo GU «LNU imeni Tarasa Shevchenko». Pp. 87-117. (In Russ.).</p>
<i>Отдельный том многотомного издания</i>	<p>Chernykh, P. Ja. (2002). <i>Istoriko-etimologicheskii slovar sovremennogo russkogo yazyka</i> [Historical Etymological Dictionary of the Modern Russian Language]. Moskva: Russkiy yazyk. Vol. 1. (In Russ.).</p> <p>Velichkovskiy, B. M. (2006). <i>Kognitivnaya nauka: Osnovy psihologii poznaniya</i> [Cognitive Science: Basics of psychology of cognition]. Moskva: Smysl: Izdatelskiy centr Akademiya. Vol. 2. (In Russ.).</p>
<i>Статья из сборника</i>	<p>Kremzikova, S. E. (2010). Kommunikativnye situatsii v starofrantsuzskom diskurse [Communicative situations in old French discourse]. In M. A. Marusenko (ed.) <i>Drevnyaya i Novaya Romaniya. Lingvisticheskoe nasledie Sh. Balli v XXI veke: sb. nauchn. st.</i> Sankt-Peterburg. Pp. 40-46. (In Russ.).</p> <p>Pimenova, N. B. (2014). K istorii i tipologii grammatikalizatsii germanskogo artiklya: pragmaticheskie modeli upotrebleniya protoartiklya v gostkom yazke [Towards the history and typology of the article grammaticalization in Old Germanic languages: pragmatic models of the use of proto-articles in the Gothic language]. In N. N. Kazanskiy (ed.) <i>ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy</i>. St. Peterburg: Nauka. Vol. X. P. 1. Pp. 403-428. (In Russ.).</p> <p>Iagupova, L. (2013). Idiomatisierte Präfixsubstantive mit ge- im Mittelhochdeutschen // <i>Semantik und Pragmatik im Spannungsfeld der germanistischen und kontrastiven Linguistik</i>. Frankfurt/M. u.a.: Peter Lang. S. 183-193. (Donezk Studien zur Germanistik, kontrastiven und diachronen Linguistik. Bd. 1).</p>
<i>Журнальная статья</i>	<p>Lenets, A. V., Alekseev, A. V. (2014). Istoriya issledovaniya leksicheskikh sokrashcheniyi v germanskikh yazykakh [History of the lexical abbreviations research in the Germanic languages]. In <i>Vestnik Nizhegorodskogo</i></p>

	<p><i>gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta imeni N. A. Dobrolyubova</i>. No 28. Pp. 11-22. (In Russ.).</p> <p>Petrenko, A. D. (2014). Sotsiofoneticheskie aspekty yazykovoy variativnosti [Socio-phonetic aspects of language variation]. In N. V. Izotova (ed.) <i>Izvestiya Yuzhnogo federalnogo universiteta</i>. No 4. Pp. 150-161. (In Russ.).</p> <p>Atkinson, D. (2007). Alignment and interaction in a sociocognitive approach in second language acquisition. In H. Byrnes (ed.) <i>The Modern Language Journal</i>. Vol. 91. Pp. 169-188.</p>
<i>Интернет-ресурсы</i>	<p>Molchanova, G. G. (2015). Kommunikativno-funktsionalnaya teoriya perevoda kak vid variativnoy interpretatsii deistvitelnosti [Communicative functional theory of translation as a form of interpretation of reality]. In <i>Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19. Lingvistika i mezhkulturnaya kommunikatsiya</i>. No 3. Pp. 9-21. Available at: http://www.ffl.msu.ru/research/vestnik/. (accessed: 22.02.2014). (In Russ.).</p> <p>Canagarajah, A. S. (2011). Multilingual Communication and Language Acquisition: New Research Directions. In <i>The Reading Matrix</i>. January 2011. Vol. 11. No 1. 15 p. Available at: www.readingmatrix.com/.../january_2011/canagarajah_wurr.pdf. (accessed: 26.02.2014).</p>
<i>Материал на CD или DVD</i>	<p>Henry, O. (2003) <i>Cabbages and Kings</i>. In <i>English and American Literature / CD-ROM</i>. P. 3. Digitale Bibliothek Band 59. Berlin. P. 75.</p>

8. СОПРОВОДИТЕЛЬНЫЕ ДОКУМЕНТЫ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ

Для публикации статьи в научном журнале «STUDIA GERMANICA, ROMANICA ET COMPARATISTICA» автору необходимо предоставить следующую информацию (e-mail: zhurnal.sgrc@donnu.ru):

1. Статью (в электронном виде – название файла латинскими буквами фамилия автора, напр.: ivanov_statya.doc или ivanov_statya.docx).
2. Анкету (в электронном виде – название файла латинскими буквами фамилия автора, напр.: ivanov_anketa.doc или ivanov_anketa.docx).

АНКЕТА

	На русском языке	На английском языке
Фамилия, имя, отчество (полностью)		
Ученая степень, учёное звание (если имеются)		
Почетные звания (если имеются)		
Должность и структурное подразделение (полное название должности и структурного подразделения организации в именительном падеже)		
Организация, где работает или учится автор (полное название в именительном падеже, почтовый индекс, адрес – с официального сайта)		
	На русском языке	
Номера контактных телефонов автора и адрес электронной почты (личные или служебные)		
Специальность, которой соответствует содержание статьи и тема диссертации (для соискателей, аспирантов и докторантов)		

3. Отзыв научного руководителя для авторов без учёной степени (отзыв заверяется кадровой службой или ученым секретарем по основному месту работы и основной печатью организации).

9. О РЕЦЕНЗИРОВАНИИ

Все научные статьи подлежат обязательному независимому (внутреннему) рецензированию и научному редактированию. Организует независимое (внутреннее) рецензирование главный редактор, привлекая специалиста (доктора или кандидата наук), имеющего наиболее близкую к теме научную специализацию. Рецензент одновременно является научным редактором статьи.

Рецензии заверяются в порядке, установленном в учреждении, где работает рецензент. Рецензирование проводится конфиденциально.

Представленные статьи проходят **проверку в программе «Антиплагиат»**. Уникальность статьи не должна быть ниже 85%. В случае выявления в тексте плагиата статья отклоняется без права ее дальнейшей переработки или доработки.

Рецензент несет ответственность за содержание и качество рецензии. Рецензент может дать одну из трех итоговых рекомендаций:

1) **статья может быть рекомендована к печати** без исправлений или с незначительными исправлениями;

2) **статья требует повторного рецензирования**, поскольку содержит существенные недочеты, которые должны быть устранены автором;

3) **статья не рекомендуется к публикации**, поскольку не отвечает критериям, предъявляемым к научным статьям.

Статья, не рекомендованная рецензентом к публикации и отклоненная редколлегией, к повторному рассмотрению в прежнем виде не принимается. Она может быть вновь рассмотрена лишь в случае ее существенной переработки автором.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

***STUDIA GERMANICA, ROMANICA
ET COMPARATISTICA***

Том 14 Выпуск 2–3 (40–41) 2018

Язык издания: русский, английский, немецкий, украинский и др.

Компьютерная вёрстка О. А. Гринёва

С электронным вариантом научного журнала можно ознакомиться на сайте ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет» (<http://donnu.ru/sgrc>).

Подписано в печать 05.12.2018 г.
Формат 60×84/8. Бумага офсетная.
Печать – цифровая. Усл.-печ. л. 21,04.
Тираж 100 экз. Заказ № 18-Дек168.

Донецкий национальный университет
83001, г. Донецк, ул. Университетская, 24.
Свидетельство о внесении субъекта
издательской деятельности в Государственный реестр
серия ДК № 1854 от 24.06.2004 г.